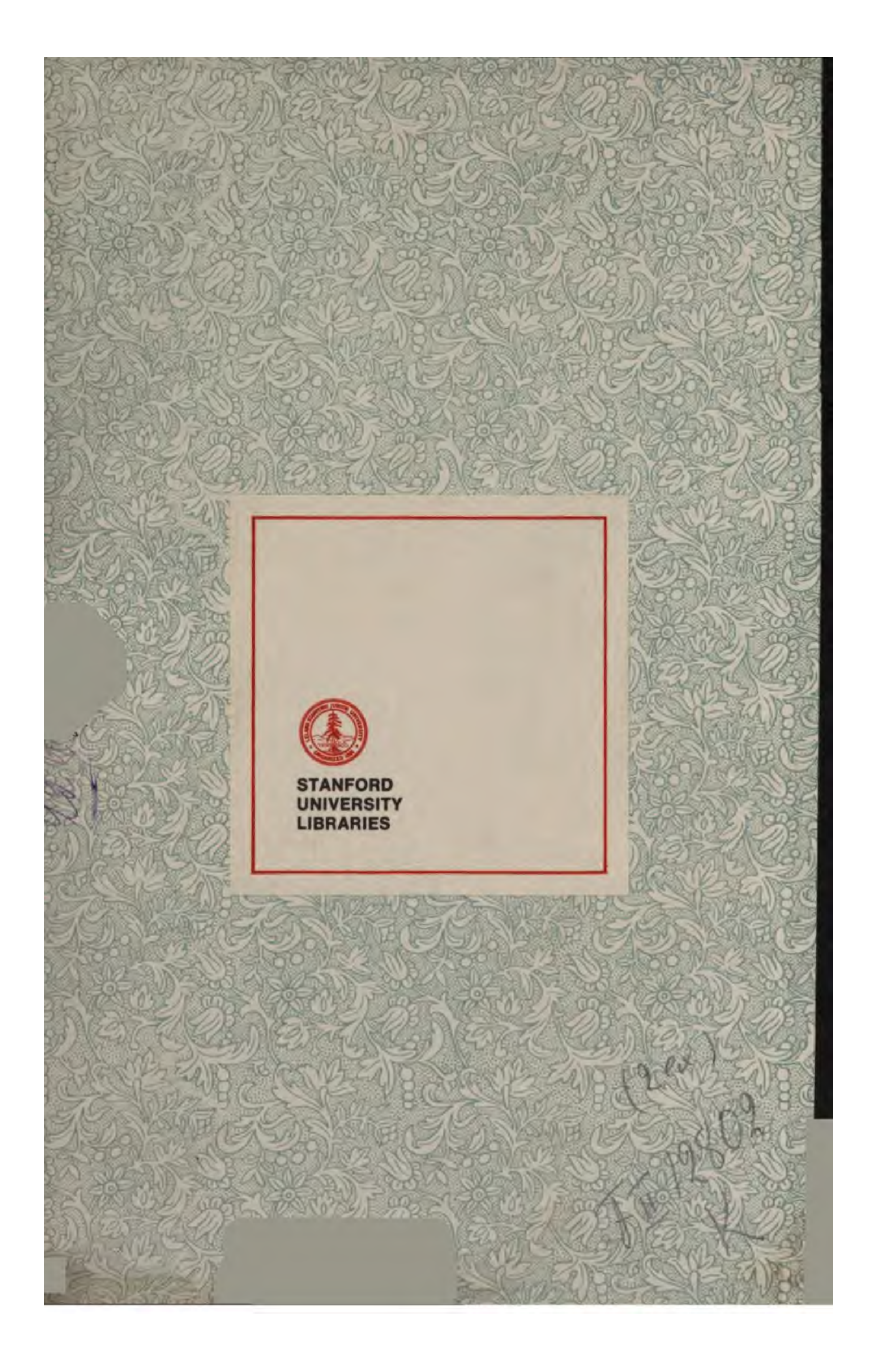

35
34.

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Н. КАРѢЕВЪ.

ГЛАВНЫЯ ОБОБЩЕНІЯ

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.
1903

3219

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

I.

Пишущаго эти строки уже очень давно интересуетъ вопросъ о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Еще гимназистомъ мнѣ пришлось испытать на личномъ опытѣ, что значитъ учиться исторіи по скучному учебнику, который нужно, что называется, брать только одною памятью, такъ что при поступленіи на историко-филологическій факультетъ я даже вовсе и не имѣлъ въ виду заниматься именно исторіей. Руководство, по которому я учился, было переводное съ нѣмецкаго: это былъ учебникъ Георга Вебера, автора многотомной „Всеобщей исторіи" и болѣе краткаго историческаго компендіума въ четырехъ томахъ,—своего рода сокращеніе этого послѣдняго, до-нельзя набитое именами, датами, фактами, безъ малѣйшихъ попытокъ ввести ученика въ пониманіе самаго процесса исторіи, безъ всякихъ руководящихъ идей, безъ какихъ бы то ни было обобщеній. Однимъ словомъ, это была сухая справочная книга, которую можно было только зубрить, и которая потому не могла особенно располагать къ занятію исторіей. Только въ серединѣ университетскаго курса, подъ вліяніемъ профессорскихъ лекцій и самостоятельнаго чтенія, я сталъ заниматься исторіей, и уже тогда меня началъ интересовать вопросъ о томъ, какъ должно было бы быть поставлено дѣло историческаго преподаванія въ средней школѣ. Когда по окончаніи курса я сдѣлался преподавателемъ исторіи въ одной изъ московскихъ гимназій, вопросъ, интересовавшій меня въ то время совершенно отвлеченно, чисто теоретически, получилъ для меня и практическое значеніе. Замѣчу, что тогда, почти тридцать лѣтъ тому назадъ, въ распоряженіи учителя исторіи не было того количества учебниковъ и пособій, какое существуетъ въ настоящее время,

да и самый вопросъ о задачахъ и способахъ историческаго преподаванія почти совсѣмъ не подвергался систематической обработкѣ. Очень хорошо помню, какъ въ качествѣ начинающаго преподавателя я обращался къ старшимъ сотоварищамъ за указаніями касательно литературы по методикѣ исторіи, и какъ мало было названо мнѣ тогда работъ, посвященныхъ этому предмету: нѣсколько маленькихъ брошюрокъ и статей, не больше во всякомъ случаѣ десятка. Хотя параллельно съ преподаваніемъ я занимался подготовленіемъ къ магистерскому экзамену, и это было, собственно говоря, главнымъ моимъ дѣломъ, я не отклонилъ, въ самый разгаръ этой работы, сдѣланнаго мнѣ однимъ педагогическимъ учрежденіемъ предложенія прочитать курсъ по методикѣ преподаванія исторіи. Конечно, въ то время у меня не могло еще быть педагогическаго опыта, но, думалось мнѣ, я все-таки имѣлъ нѣкоторое право изложить будущимъ учительницамъ (такова именно была моя аудиторія) свои взгляды на этотъ предметъ. Какъ-никакъ, а о немъ я все-таки много думалъ, бесѣдовалъ, кое-что читалъ, главное же — мой собственный ученическій опытъ былъ еще для меня такъ близокъ, что на основаніи его я могъ, по крайней мѣрѣ, говорить о томъ, чего не должно быть въ преподаваніи исторіи.

Преподаваніе исторіи въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не отвлекало моего вниманія отъ вопроса объ обученіи этому предмету въ средней школѣ. Университетскому профессору, въ особенности профессору, читающему студентамъ младшихъ курсовъ, въ частности новичкамъ, нельзя не считаться съ подготовкою своихъ слушателей. Личная моя память хранила въ себѣ двоякаго рода впечатлѣнія отъ первыхъ лекцій, какія мнѣ пришлось слушать въ университетѣ,—впечатлѣнія, бывшія, впрочемъ, и впечатлѣніями моихъ товарищей: однихъ профессоровъ мы хорошо понимали съ самаго же начала, потому что они „вводили" насъ въ свою науку, справедливо предполагая, что молодой умъ можно заинтересовать только широкими перспективами, а сдѣлать для него доступнымъ самое содержаніе науки—лишь путемъ разъясненія ея основныхъ, часто даже элементарныхъ понятій, тогда какъ другіе профессора, считая насъ, вѣроятно, гораздо болѣе подготовленными, чѣмъ мы были на самомъ дѣлѣ, сразу вступали in medias res, и результатъ получался—на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—иной. Сдѣлавшись самъ профессоромъ, я всегда имѣлъ въ виду эту психологію первокурсниковъ и свои вступительныя лекціи въ общіе курсы распространялъ въ цѣлыя введенія историко-философскаго характера какъ-разъ съ цѣлью открытія передъ умственными взорами слушателей болѣе или менѣе широкихъ горизонтовъ и выясненія слушателямъ основныхъ

очертаній той или другой крупной эпохи всемірной исторіи. Нѣкоторыя изъ такихъ введеній въ свое время мною печатались, и со стороны очень многихъ преподавателей исторіи въ средней школѣ мнѣ не разъ приходилось узнавать, что эти введенія, несмотря на свою отвлеченность, оказывались доступными по изложенію и интересными по содержанію ученикамъ старшихъ классовъ. Равнымъ образомъ и слушавшіе меня студенты сообщали мнѣ, что, будучи гимназистами, уже пользовались этими введеніями. Это убѣждало меня не только въ необходимости держаться системы такихъ введеній въ своемъ университетскомъ преподаваніи, но и въ вѣрности того предположенія, что ученики старшихъ классовъ средней школы особенно интересуются болѣе или менѣе обобщеннымъ историческимъ знаніемъ, исходящимъ отъ фактовъ лишь для того, чтобы приводить къ идеямъ. Повтореніе изъ года въ годъ моего опыта съ общими введеніями только укрѣпляло меня въ этомъ убѣжденіи относительно необходимости обобщающаго, идейнаго начала въ преподаваніе исторіи не только на первомъ курсѣ историко-филологическихъ факультетовъ, но и въ старшихъ классахъ гимназіи. Такимъ образомъ, и въ годы своей профессорской дѣятельности я не переставалъ интересоваться вопросомъ о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Однимъ изъ доказательствъ этого интереса можетъ служить и то, что, принявъ участіе въ выработкѣ устава Историческаго общества при Петербургскомъ университетѣ, я особенно поддерживалъ мысль о включеніи въ число его задачъ разработки вопросовъ, связанныхъ съ преподаваніемъ исторіи въ средней школѣ. Въ первые годы существованія этого ученаго общества такая разработка и была одною изъ видныхъ сторонъ его дѣятельности, но потомъ она какъ-то заглохла, и я очень желалъ бы, чтобы историко-педагогическіе вопросы снова сдѣлались въ немъ предметомъ коллективныхъ, товарищескихъ обсужденій.

За послѣднія восемь-девять лѣтъ вопросъ о исторіи, какъ объ одномъ изъ важныхъ предметовъ общеобразовательнаго курса, занялъ мое вниманіе и съ новой еще стороны. Въ эти годы мнѣ пришлось принять участіе въ обсужденіи вопроса о задачахъ и средствахъ самообразованія, стремленіе къ которому получило особое развитіе за указанное время. Составляя такія свои книжки, какъ „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи" и „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія", я, конечно, не могъ обойти вопроса о значеніи собственно историческаго образованія для всѣхъ, желающихъ пріобрѣсти научныя знанія въ цѣляхъ выработки собственнаго міросозерцанія. Вмѣстѣ съ этимъ участіе, принятое мною, вмѣстѣ со спеціалистами другихъ отраслей научнаго знанія, въ составленіи

„Программъ чтенія для самообразованія", равнымъ образомъ заставляло обдумывать нѣкоторые вопросы, связанные съ популяризаціей историческихъ знаній, которая по своимъ цѣлямъ и пріемамъ должна довольно близко стоять съ общеобразовательнымъ преподаваніемъ исторіи. Дѣло въ томъ, что самообразованіемъ занимаются не только лица, учившіяся и учащіяся въ средней школѣ, но и такія, которыя были лишены возможности прохожденія курса средней школы, но которымъ хотѣлось бы получить нѣкоторое общее образованіе путемъ чтенія научныхъ книгъ. Понятно, что для этой категоріи лицъ должна была бы существовать особая литература руководствъ и пособій, расчитанныхъ на то, что ихъ будутъ изучать безъ помощи преподавателя, но и обыкновенные школьные учебники, полагаю я, не могутъ считаться совершенно излишними для лицъ, не имѣвшихъ возможности учиться въ средней школѣ. Этотъ вопросъ объ историческихъ руководствахъ и пособіяхъ въ дѣлѣ самообразованія, конечно, только поддерживалъ и даже усиливалъ старый интересъ къ постановкѣ историческаго преподаванія въ средней школѣ въ цѣляхъ общаго образованія.

Занявшись въ самое послѣднее время составленіемъ учебныхъ книгъ, сначала по новой, потомъ по средневѣковой и, наконецъ, по древней исторіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ свои теперешніе взгляды на задачи и пріемы историческаго преподаванія въ трехъ статьяхъ, которыя появились въ журналѣ „Русская Школа" за 1899—1901 гг. подъ заглавіями: „О преподаваніи исторіи въ средней школѣ"[1]), „О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи" и „Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи". Цѣлью этихъ статей было, между прочимъ, обосновать и оправдать нѣкоторыя особенности изданныхъ мною учебниковъ, въ свою очередь построенныхъ на нѣкоторыхъ общихъ принципахъ научнаго и педагогическаго характера. Въ переработанномъ видѣ я, вѣроятно, издамъ эти статьи отдѣльно, соединивъ ихъ вмѣстѣ и пересмотрѣвъ ихъ главныя положенія, но общій мой взглядъ на задачи историческаго преподаванія и на характеръ и значеніе учебника останется, я думаю, прежній. Сущность этого взгляда та, что преподаваніе исторіи должно вводить учащихся въ научное пониманіе историческаго процесса съ всемірно-исторической точки зрѣнія, и что однимъ учебникомъ этой цѣли достигнуть нельзя: нужны, съ одной стороны, живое слово преподавателя, толкующаго, разъясняющаго, дополняющаго учебникъ, нужны, съ другой стороны, разныя пособія въ родѣ историческихъ хрестоматій и книгъ для

---

[1]) Вышла въ свѣтъ и отдѣльной брошюрой.

чтенія, историческихъ картъ и атласовъ, а также разныхъ картинъ и рисунковъ культурно-историческаго содержанія.

Указывая на историческіе отрывки и статьи или цѣлыя сочиненія, которыя могли бы читаться учащимися при прохожденіи школьнаго курса или при самообразованіи, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ такое чтеніе, которое дополняло бы и оживляло учебникъ важными и интересными подробностями, вносило бы въ абстрактныя схемы учебника болѣе конкретнаго фактическаго содержанія и т.-п., и именно такъ обыкновенно понимается задача историческаго чтенія, (которое можетъ замѣняться, конечно, и разсказомъ преподавателя). Но мнѣ кажется, что рядомъ съ историческими пособіями такого характера должны существовать и пособія иного рода, а именно съ характеромъ обобщающимъ по отношенію къ матеріалу, уже усвоенному учащимися. Это, по моему мнѣнію, требуется, во-первыхъ, внесеніемъ въ преподаваніе всемірно-исторической точки зрѣнія, а во-вторыхъ, необходимостью повторенія учащимися усвоеннаго (или усвояемаго) ими фактическаго матеріала въ разныхъ комбинаціяхъ.

Настоящая книжка и представляетъ собою опытъ такого обобщающаго пособія. Разъясненіе задачи, какую должно ставить себѣ подобное пособіе, я начну со второго изъ только-что указанныхъ пунктовъ.

II.

Одна изъ особенностей составленныхъ мною учебниковъ исторіи заключается въ томъ, что ихъ можно проходить въ однихъ порядкахъ, а повторять въ другихъ. Изложеніе ведется по крупнымъ эпохамъ, причемъ въ каждомъ отдѣлѣ, посвященномъ какой-либо эпохѣ, дается общая ея характеристика, и отдѣльно отъ этой характеристики излагаются, съ одной стороны, международныя отношенія данной эпохи, а съ другой—внутреннее развитіе разныхъ народовъ за тотъ же періодъ времени. Печатая въ такомъ порядкѣ отдѣльные параграфы, я въ сущности располагалъ ихъ не въ той послѣдовательности, въ какой они писались, писались же они какъ-разъ въ видѣ связныхъ очерковъ или общей культурной эволюціи, или исторіи международныхъ отношеній, или внутренней исторіи отдѣльныхъ странъ, такъ чтобы каждый такой очеркъ при помощи особаго указателя могъ быть прочитанъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ, и этимъ дана была возможность пройти учебникъ сначала по эпохамъ, а потомъ по матеріямъ и по странамъ. Въ приложеніяхъ къ тексту составленныхъ мною учебныхъ книгъ, между прочимъ, помѣщаются краткіе конспекты содержанія этихъ книгъ въ томъ по-

рядкѣ, въ какомъ онѣ писались, т.-е. по матеріямъ и странамъ. Не повторяя здѣсь своей аргументаціи въ пользу такого повторенія учебнаго матеріала, я только скажу, что соединенное въ основномъ текстѣ по принципу синхронистичности является въ конспектахъ разъединеннымъ (исторія международныхъ отношеній дана отдѣльно, исторія культурнаго развитія — отдѣльно, исторія Франціи—отдѣльно и т. п.). Это, по моему мнѣнію, должно помогать лучшему усвоенію исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучать къ мысли, что историческое изложеніе фактовъ и связи, между ними существующей, можетъ быть весьма разнообразнымъ, т.-е. не должно считаться какъ бы разъ на всегда даннымъ, чѣмъ-то неизмѣннымъ и неподвижнымъ. Чтобы учащіеся еще болѣе утвердились въ такомъ представленіи исторіи, необходимо идти и далѣе въ томъ же направленіи, чередуя съ анализомъ синтезъ. Задача анализа въ выдѣленіи изъ общихъ историческихъ обзоровъ—разсмотрѣнія отдѣльныхъ сторонъ жизни или исторіи отдѣльныхъ странъ, что и дается въ упомянутыхъ конспектахъ, но при этомъ нелишни и конспекты болѣе синтетическаго, болѣе обобщающаго характера и притомъ охватывающіе не отдѣльныя, хотя бы и такія крупныя части всемірной исторіи, каковы древность, средніе вѣка и новое время, а все цѣлое всемірно-историческаго процесса отъ его начала до современнаго состоянія человѣчества.

Учащіеся въ средней школѣ проходятъ систематическій курсъ всеобщей исторіи въ три-четыре года, никогда не имѣя возможности охватить однимъ взглядомъ то цѣлое, которое составляется изъ древняго міра, средневѣковья и новыхъ временъ. Бѣглое повтореніе всего курса по проходившимся въ три или четыре года руководствамъ не можетъ достигать того, что могло бы дать особое руководство для повторенія, въ которомъ были бы выдвинуты на первый планъ лишь основныя черты историческихъ взаимоотношеній между отдѣльными народами, государствами и цивилизаціями и основныя черты совершившейся въ исторіи человѣчества культурно-соціальной эволюціи. Представьте себѣ ученика, который, напр., недурно знаетъ карты отдѣльныхъ частей свѣта, но никогда не видалъ общей карты земного шара, изображающей взаимныя отношенія Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи, ихъ положеніе, ихъ величину и т. п.: въ такомъ состояніи какъ-разъ и находится всякій, прошедшій среднеучебный курсъ исторіи, такъ какъ ему никогда не приходилось въ одной общей картинѣ представить себѣ движеніе всемірной исторіи. То, что въ географіи учащимся показывается раньше всего, именно въ видѣ плоскошарій, послѣ ознакомленія съ которыми переходятъ къ картамъ отдѣльныхъ частей свѣта, въ исторіи должно

даваться, по крайней мѣрѣ, послѣ всего, какъ своего рода résumé, какъ общая схема, какъ совокупность общихъ формулъ, опирающихся на извѣстные уже учащимся факты, но открывающихъ передъ ихъ взорами болѣе широкіе горизонты.

Опытъ подобнаго общаго обзора всемірной исторіи (приблизительно на двухъ съ четвертью печатныхъ листахъ формата настоящей книжки) сдѣланъ былъ мною въ статьѣ „Исторія", напечатанной въ „Маломъ Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза-Ефрона [1]), но ей я, по самому свойству изданія, для котораго она была написана, не ставилъ учебныхъ цѣлей—повторенія по ней всего курса исторіи или обобщенія въ ней главныхъ данныхъ учебника. Книжка, которую я теперь выпускаю въ свѣтъ, наоборотъ, задумана была мною именно въ качествѣ учебнаго пособія, въ частности приноровленнаго къ составленнымъ мною учебникамъ древней, средневѣковой и новой исторіи съ постоянными ссылками на отдѣльные §§, гдѣ читатели могутъ найти болѣе подробное изложеніе упоминаемыхъ въ книжкѣ фактовъ. Самое построеніе настоящаго изданія отличается отъ построенія указанной статьи. Тамъ я держался обычной послѣдовательности древняго Востока, классическаго міра, среднихъ вѣковъ и новаго времени, тогда какъ здѣсь на всемъ протяженіи всемірной исторіи я разсматриваю отдѣльно исторію государствъ и народовъ (стр. 14—52) и исторію культурнаго развитія, причемъ и послѣднее прослѣживаю особо въ областяхъ матеріальнаго быта (стр. 64—68), общественнаго строя (стр. 69—93) и духовной жизни (стр. 94 и слѣд.). Такимъ расположеніемъ матеріала я хотѣлъ достигнуть слѣдующихъ цѣлей.

1) Преподаваніе исторіи ведется обыкновенно (да иначе и быть не можетъ) въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что каждый разъ вниманіе учащихся сосредоточивается на извѣстной эпохѣ со всѣми отдѣльными ея сторонами. Къ такому порядку приспособляются обыкновенно и учебники исторіи (опять-таки иначе и быть не можетъ), но я думаю, что общему повторительному обзору хода всемірной исторіи, который долженъ помочь учащемуся сразу охватить всемірно-историческій процессъ, вовсе на слѣдуетъ быть сокращеннымъ воспроизведеніемъ учебника, каковое, въ сущности, и представляетъ изъ себя упомянутая словарная моя статья: при этомъ опять все вниманіе учащихся сосредоточивалось бы на конкретныхъ эпохахъ со всею сложностью ихъ явленій, а не на отдѣльныхъ категоріяхъ явленій, развитіе которыхъ на всемъ протяженіи исторіи желательно

[1]) „Вступленіе" въ настоящей книжкѣ представляетъ изъ себя перепечатку первыхъ одиннадцати столбцовъ этой статьи.

было бы представить ученику въ видѣ краткихъ обзоровъ уже извѣстныхъ ему въ иной связи фактовъ. Не отрицая важности задачи дать учащемуся возможность сразу обозрѣть всю послѣдовательность всемірно-историческихъ эпохъ, я и пріурочилъ исполненіе этой задачи къ обзору международныхъ отношеній, исключивъ, однако, изъ этого общаго взгляда на всемірную исторію—для разсмотрѣнія въ особыхъ обзорахъ—развитіе отдѣльныхъ сторонъ культуры, т.-е. матеріальнаго быта и техники, экономической дѣятельности и политическихъ формъ, религіи и научно-философскаго изслѣдованія. Представивъ себѣ болѣе или менѣе ясно взаимное отношеніе эпохъ, какъ частей одного великаго всемірно-историческаго цѣлаго, учащійся разсмотритъ затѣмъ, какъ въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ совершалось внутреннее развитіе матеріальной, общественной и духовной культуры человѣчества.

2) Подобнаго рода общіе обзоры отдѣльно для древней, средневѣковой и новой исторіи уже были мною помѣщены въ моихъ учебныхъ книгахъ въ формѣ конспектовъ, по которымъ можно прослѣдить, напр., всю исторію международныхъ отношеній или послѣдовательность культурныхъ эпохъ, но тамъ это, во-первыхъ, было сдѣлано по отношенію къ тремъ большимъ отдѣламъ всемірной исторіи, а не по отношенію ко всему ея процессу, взятому въ цѣломъ, а во-вторыхъ, не сопровождалось сопоставленіемъ аналогичныхъ явленій изъ жизни разныхъ народовъ и эпохъ и общими выводами, которые могутъ быть сдѣланы изъ такихъ сопоставленій. Связывая въ одно цѣлое то, что является разрозненнымъ въ трехъ отдѣльныхъ учебныхъ книгахъ, я только желалъ дать учащимся возможность яснѣе и опредѣленнѣе представить себѣ всемірно-историческое цѣлое развитія человѣчества, и кромѣ того, моимъ намѣреніемъ было показать, что въ этомъ цѣломъ не всегда болѣе позднее есть *продолженіе* болѣе ранняго, но очень часто является только его *повтореніемъ*. Отъ всемірно-исторической эволюціи, въ коей каждая послѣдующая эпоха является продолженіемъ предыдущей, нужно отличать эволюцію отдѣльныхъ народовъ и государствъ, въ которой часто наблюдаются случаи повторенія одними, болѣе поздними обществами того, что было уже пережито другими, болѣе ранними. Конечно, очень трудно съ научною точностью разобраться въ столь сложной и запутанной системѣ продолженій и повтореній, какую представляетъ изъ себя всемірная исторія, но учащіеся въ средней школѣ все-таки не должны быть лишены возможности, по крайней мѣрѣ, почувствовать, что отдѣльные историческіе народы, позднѣе другихъ выступившіе на поприще культурнаго развитія, втягиваются во всемірно-историческій процессъ не только на той или другой

его стадіи, но и на разныхъ ступеняхъ своей собственной эволюціи и самостоятельно переживаютъ тѣ же стадіи внутренняго развитія, какія уже были пережиты ихъ болѣе старыми предшественниками.

3) Историческимъ преподаваніемъ нужно пользоваться для сообщенія учащимся не только знанія конкретныхъ фактовъ, но и пониманія абстрактныхъ формулъ, основывающихся на изслѣдованіи однородныхъ явленій въ жизни разныхъ странъ и эпохъ, народовъ и государствъ. Понятіе объ историческомъ процессѣ, отвлеченно взятомъ, о культурномъ развитіи вообще, о порядкахъ, наблюдаемыхъ въ развитіи отдѣльныхъ сторонъ культуры, о различіи между существенно новыми явленіями жизни и явленіями, повторяющими нѣчто такое, что уже и раньше бывало, не должно быть чуждо учащимся въ средней школѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе понятливымъ и любознательнымъ изъ нихъ. Наиболѣе общимъ вопросамъ исторіологіи, какъ общей теоріи историческаго процесса, я посвятилъ въ настоящей книжкѣ цѣлый рядъ параграфовъ (90—109), но главное вниманіе сосредоточилъ на обработкѣ культурно-историческаго матеріала, извѣстнаго учащимся изъ учебника, съ цѣлью обосновать на этомъ фактическомъ матеріалѣ сообщеніе главнѣйшихъ выводовъ современнаго сравнительно-историческаго изученія культурной эволюціи всѣхъ народовъ земного шара.

4) Такой повторителный курсъ всемірной исторіи, будетъ ли онъ дѣйствительно проходиться въ классѣ или только прочитываться наиболѣе любознательными и понятливыми учениками, на мой взглядъ, можетъ только способствовать лучшему выясненію общихъ понятій, съ которыми постоянно приходится имѣть дѣло при преподаваніи исторіи. Таковы понятія общества и государства (соціальнаго и политическаго строя), классовъ и сословій, права и народнаго хозяйства, миѳологіи и религіи, философіи и науки и т. п. Не ожидая, чтобы эта книжка (или что-нибудь ей подобное) сдѣлалась школьнымъ руководствомъ, я полагаю, однако, что, находясь въ рукахъ и учащихся, и преподавателей, она можетъ помочь и тѣмъ, и другимъ въ дѣлѣ выясненія основныхъ понятій культурно-соціальной жизни, въ умахъ первыхъ возбуждая разные общіе вопросы, вторымъ (особенно, конечно, начинающимъ) предлагая готовую систематизацію этихъ общихъ вопросовъ, которые, конечно, могутъ и попутно рѣшаться при разсмотрѣніи фактовъ, упоминаемыхъ въ этой систематизаціи, т.-е. при самомъ прохожденіи учебнаго курса.

5) Наконецъ, я думаю, что оканчивая ознакомленіе съ какою бы то ни было наукою въ школьномъ ея изложеніи учащіеся должны получить нѣкоторое понятіе о самыхъ задачахъ, какія ставитъ себѣ данная наука, и о пріемахъ, которыми она пользуется для добыванія

достовѣрныхъ знаній и правильнаго связыванія между собою отдѣльныхъ фактовъ въ ту или другую систему. Въ старыя времена изложенію историческихъ фактовъ предпосылались въ учебникахъ общія введенія о томъ, что̀ такое исторія, что̀ такое историческіе источники, что̀ такое историческая достовѣрность, какія науки имѣютъ для исторіи вспомогательное значеніе и пр. и пр. Многое изъ того, что сообщалось въ подобныхъ введеніяхъ, совершенно не могло быть понятно тѣмъ, для кого они писались, т.-е. еще только приступавшимъ къ ознакомленію съ исторіей. То, однако, что, можетъ считаться неумѣстнымъ въ самомъ началѣ изученія исторіи, должно, какъ мнѣ кажется, быть признаннымъ за необходимое въ концѣ школьнаго курса. У воспитанника, кончающаго курсъ среднеучебнаго заведенія, учившагося, слѣдовательно, нѣсколько лѣтъ исторіи, уже существуетъ достаточное количество фактическихъ знаній, отдѣльныхъ представленій историческаго содержанія и разныхъ общихъ понятій, для того, чтобы ему были и доступны, и интересны главные вопросы историки, какъ теоріи историческихъ изслѣдованій и построеній. Онъ долженъ знать, какой фактическій матеріалъ обрабатывается исторической наукой, изъ какихъ источниковъ онъ почерпается, почему эти источники подвергаются предварительной критикѣ, что такое историческій прагматизмъ или историческая эволюція и пр. Обнаружить незнаніе такихъ вещей менѣе, быть можетъ, позволительно, чѣмъ проявить свое плохое знакомство съ отдѣльными фактами исторіи: дѣло здѣсь касается самого пониманія научныхъ задачъ и научныхъ методовъ историческаго знанія. Руководясь этими соображеніями, я предпослалъ отдѣльнымъ главамъ этой книжки, въ которыхъ даны обзоры разныхъ сторонъ всемірно-историческаго развитія, общее вступленіе съ изложеніемъ основныхъ понятій объ исторической наукѣ и о всемірной исторіи.

Таковы задачи, ставимыя мною этому учебному пособію.

III.

Потребность въ сокращенныхъ повторительныхъ руководствахъ давно уже чувствуется и учениками, и учителями, и уже давно дѣлались разныя попытки ея удовлетворенія. Я не говорю о тѣхъ конспектахъ всеобщей исторіи, которые лѣтъ двадцать пять тому назадъ были выпущены одной издательской фирмой и одно время были въ большомъ ходу у учениковъ среднихъ школъ (а можетъ быть, и теперь еще въ ходу). Это было простымъ коммерческимъ предпріятіемъ, расчитаннымъ больше на лѣнь, чѣмъ на при-

лежаніе учениковъ: этими конспектами предоставлялась возможность замѣнять перечитываніе учебника чтеніемъ его конспекта, въ которомъ не упускались даже мелкія подробности, отмѣчавшіяся бѣглыми на нихъ намеками. Я не думаю, чтобы эти конспекты могли быть составлены какимъ-нибудь педагогомъ, и понимаю порицаніе имъ со стороны настоящихъ педагоговъ, видѣвшихъ, что такіе конспекты пріучаютъ учащихся отожествлять самоё исторію съ даннымъ историческимъ учебникомъ и одинаково дорожить знаніемъ крупныхъ историческихъ фактовъ и мелочныхъ подробностей.

За составленіе „повторительныхъ курсовъ" исторіи брались и настоящіе педагоги. Таковъ, напр., „Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ" г. Гуревича, поставившаго себѣ спеціальную цѣль помочь учащимся оріентироваться въ дѣйствительно запутанномъ ходѣ средневѣковой исторіи. Но особенно я имѣю въ виду недавно вышедшій въ свѣтъ „Очеркъ всеобщей и русской исторіи" г. Коваленскаго, на который можно смотрѣть, какъ на сжатый курсъ исторіи, сокращенно повторяющій обычное содержаніе учебниковъ этого предмета для лицъ, желающихъ въ сравнительно короткое время возобновить въ своей памяти наиболѣе важное и существенное изъ пройденнаго ими раньше по болѣе подробнымъ руководствамъ. Пропускъ „цѣлаго рода фактовъ, обычно заполняющихъ учебники", бо̀льшая сжатость изложенія, иногда отступленія отъ обычныхъ порядковъ, въ какихъ излагаются факты,—вотъ что позволило автору экономизировать время, необходимое для происхожденія его повторительнаго курса, но, съ другой стороны, онъ не разъ нарушаетъ хронологическій порядокъ въ цѣляхъ большей систематизаціи матеріала и даетъ рядъ общихъ, „хотя и сжатыхъ, но возможно полныхъ характеристикъ" отдѣльныхъ эпохъ для лучшаго ихъ закрѣпленія въ памяти учащихся. Не входя въ разборъ вопроса, насколько удачно г. Коваленскій справился со своею задачею, отмѣчаю выходъ въ свѣтъ этой книжки въ доказательство того, что нужда въ повторительныхъ курсахъ исторіи дѣйствительно ощущается, и что вмѣстѣ съ тѣмъ при удовлетвореніи этой потребности имѣется до извѣстной степени въ виду и необходимость, пользуясь повтореніемъ всей исторіи, внести въ нее бо̀льшую систематичность и обобщенность.

Конечно, прежде всего самъ преподаватель долженъ обладать достаточно обобщеннымъ и систематизированнымъ знаніемъ, безъ чего трудно ожидать, чтобы учащіеся надлежащимъ образомъ понимали основныя явленія исторіи и взаимную ихъ связь въ процессѣ культурнаго развитія. Обобщенность и связность знаній преподавателя будетъ неизбѣжно проявляться даже при разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ или отдѣльныхъ фактовъ, такъ какъ освѣщеніе всего

частнаго и отдѣльнаго въ исторіи всегда зависитъ отъ той или другой точки зрѣнія, на которую мы становимся. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы моя книжка пригодилась и начинающимъ преподавателямъ въ качествѣ примѣрныхъ указаній на то, какъ можно обобщать и систематизировать историческій матеріалъ, уже извѣстный ученикамъ изъ школьнаго руководства. Что и съ этой стороны слѣдуетъ придти на помощь преподаванію исторіи въ средней школѣ, едва ли кто въ этомъ будетъ сомнѣваться. Между прочимъ, руководясь, повидимому, именно такимъ соображеніемъ, недавно академикъ Лаппо-Данилевскій написалъ интересную статью подъ заглавіемъ: „Матеріалы для общеобразовательнаго курса по исторіи человѣчества“ [1]), въ которой какъ-разъ ставится вопросъ объ обобщеніи и систематизаціи учебнаго матеріала исторіи въ качествѣ предмета школьнаго преподаванія.

Не вдаваясь въ обсужденіе ни съ научной, ни съ педагогической точки зрѣнія выработаннаго авторомъ названной статьи „опыта плана общаго курса исторіи человѣчества“, я ограничусь указаніемъ лишь на нѣкоторыя изъ главныхъ ея положеній, заслуживающія наибольшаго вниманія съ той точки зрѣнія, съ которой я самъ смотрю на дѣло. Въ этомъ планѣ почтенный авторъ подвергъ группировкѣ, какъ самъ онъ объ этомъ заявляетъ, „не столько частные факты, сколько общія явленія“. — „Правда, оговаривается онъ, они не легко поддаются выясненію и воспринимаются *труднѣе*, но зато и лучше усвоиваются учениками, въ умѣ которыхъ работа надъ ними оставляетъ болѣе *глубокій* слѣдъ, выдерживающій *напоръ* времени. Лишь при соблюденіи такой группировки, читаемъ мы далѣе, въ курсѣ всеобщей исторіи возможно выяснить не только важнѣйшія *понятія по общественнымъ наукамъ*, но и простѣйшіе *процессы* развитія, наблюдаемые на болѣе или менѣе значительныхъ промежуткахъ времени, ибо ихъ нельзя понять сколько-нибудь удовлетворительно, не расположивши изучаемыя явленія однородными серіями, обнаруживающими въ своей совокупности и общій ходъ эволюціи человѣчества“. Имѣя въ виду при составленіи своего плана не столько учениковъ, сколько преподавателей, г. Лаппо-Данилевскій думаетъ, что даже при преподаваніи исторіи и по болѣе обычнымъ планамъ, его программою или какою-либо иною, но составленною въ томъ же духѣ, преподаватель могъ бы пользоваться уже съ первыхъ же шаговъ своей классной работы надъ систематическимъ прохожденіемъ исторіи его учениками. „По мѣрѣ прохожденія обыкновеннаго курса,

[1]) Памятная книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1900—1901 учебный годъ. Спб., 1902. Стр. 87—101.

говоритъ г. Лаппо-Данилевскій, *при повтореніи, прямо слѣдующемъ* за изученіемъ того или другого отдѣла, преподаватель могъ бы *передѣлывать* курсъ по плану, подобному предложенному. Едва ли слѣдуетъ, прибавляетъ онъ еще, откладывать выполненіе такой задачи до позднѣйшаго времени, такъ какъ желательно предоставить ученику возможно больше времени и достаточное количество удобныхъ случаевъ для того, чтобы освоиться съ научной концепціей многосложнаго историческаго процесса и уже изъ средней школы вынести ясныя и основныя понятія не только по математикѣ и естествознанію, но и по исторіи". Въ виду подобнаго рода соображеній автору и „кажется полезнымъ мало-по-малу вносить систему въ историческія свѣдѣнія, такъ или иначе пріобрѣтаемыя ученикомъ, что, по его мнѣнію, и могъ бы дѣлать преподаватель исторіи, пользуясь" имъ, авторомъ, „намѣченнымъ планомъ или сходнымъ съ нимъ по направленію".

И я также желалъ бы, чтобы настоящая книжка оказалась пригодною не только для болѣе любознательныхъ учениковъ, но и для преподавателей, въ особенности для тѣхъ, которые обучаютъ исторіи по моимъ руководствамъ, положеннымъ въ основу этой книжки. Съ моей точки зрѣнія въ высшей степени желательно, чтобы уже при прохожденіи систематическаго курса исторіи учащіеся въ достаточной мѣрѣ освоивались съ основными явленіями культурно-соціальной жизни и съ процессами, въ этой жизни происходящими, дабы потомъ они могли съ полнымъ пониманіемъ и безъ особыхъ затрудненій прочесть и эту книжку, которая, съ одной стороны, объединяла бы для нихъ то, что раньше ими усвоилось въ болѣе или менѣе разрозненномъ видѣ, а съ другой—содѣйствовала бы при этомъ возбужденію въ нихъ интереса къ болѣе подробному ознакомленію съ отдѣльными сторонами исторической эволюціи.

Въ той же „Памятной книжкѣ Тенишевскаго училища", въ которой помѣщена статья акад. Лаппо-Данилевскаго, есть другая, принадлежащая перу проф. Гревса, гдѣ сдѣлано нѣсколько важныхъ замѣчаній о предложенномъ первымъ изъ нихъ планѣ. Указывая на то, что слишкомъ, такъ сказать, соціологическое построеніе акад. Лаппо-Данилевскаго „врядъ ли могло бы оказаться посильнымъ для ума учениковъ средняго и даже старшаго возраста", проф. Гревсъ тѣмъ не менѣе признаётъ, что въ этомъ планѣ „заключается рядъ идей въ высшей степени важныхъ и плодотворныхъ для учителя", которому она можетъ помочь „правильно опредѣлить, какова должна быть общая цѣль курса исторіи", и „лучше выяснить, какія истины ему слѣдуетъ постепенно развивать и устанавливать въ сознаніи учениковъ, истолковывая имъ исторію человѣчества", а вмѣстѣ съ

тѣмъ и опредѣлить, „какіе вопросы необходимо прочно утвердить въ умѣ и памяти учениковъ при обобщенномъ и сравнительномъ повтореніи пройденныхъ отдѣловъ курса въ видахъ укрѣпленія основныхъ выводовъ“. Я вполнѣ соглашаюсь съ замѣчаніями проф. Гревса, но долженъ прибавить, что если *прохожденіе* исторіи по соціологической схемѣ и соціологическимъ рубрикамъ непосильно для ума учениковъ средняго и даже старшаго возраста, то *повтореніе* уже пройденнаго въ обычномъ курсѣ матеріала по такимъ схемѣ и рубрикамъ нѣтъ основаній считать слишкомъ труднымъ для самыхъ старшихъ учениковъ. И по мнѣнію проф. Гревса, исторія, какъ предметъ преподаванія, должна стоять какъ можно ближе къ исторіи, какъ наукѣ; а это требованіе влечетъ за собою именно внесеніе въ историческое преподаваніе нѣкоторой „соціологичности“ — въ смыслѣ выясненія внутреннихъ процессовъ, совершающихся въ жизни человѣческихъ обществъ. Съ другой стороны, выраженное проф. Гревсомъ въ той же статьѣ пожеланіе, чтобы изученіе исторіи было въ концѣ концовъ ознакомленіемъ съ нею, какъ „всемірно-исторической эволюціей“, какъ-разъ оправдываетъ необходимость „обобщеннаго и сравнительнаго повторенія“ не только пройденныхъ отдѣловъ курса, взятыхъ каждый особнякомъ, но и всего курса въ его цѣломъ. По какому плану должно быть построено такое историко-философское повтореніе всего пройденнаго, это другой вопросъ, и изъ разныхъ возможныхъ плановъ я отдалъ въ настоящей книжкѣ предпочтеніе тому, который показался мнѣ болѣе удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи, но, конечно, и я никому не посовѣтовалъ бы проходить исторію съ ничего не знающими учениками по принятому мною исключительно для повторительнаго курса плану.

IV.

Я раздѣляю съ обоими названными историками ихъ всемірно-историческую точку зрѣнія, которая, къ сожалѣнію, за послѣднее время оспаривается, какъ ненаучная и потому подлежащая изгнанію изъ школьнаго преподаванія. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно было бы здѣсь не упоминать, если бы въ числѣ противниковъ всемірно-исторической точки зрѣнія не было представителей науки, довольно рѣшительно высказавшихся на этотъ счетъ въ печати. Я говорю здѣсь о статьяхъ двухъ ученыхъ историковъ и университетскихъ профессоровъ [1]), довольно согласно между собою выставившихъ

[1]) *Р. Ю. Випперъ.* Школьное преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука („Вѣстн. Воспитанія“ за 1898 г.).—*Д. М. Петрушевскій.* Тенденціи современной исторической науки („Образованіе“ за 1899 г.).

противъ всемірно-исторической точки зрѣнія почти одни и тѣ же аргументы. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ историко-педагогическихъ статей [1]) я уже разсматривалъ эту аргументацію и думаю, что и здѣсь будетъ нелишнимъ повторить то, что было тамъ мною сказано въ защиту всемірно-исторической точки зрѣнія. Я полагаю, что слѣдующія страницы, на которыхъ я перепечатываю съ легкими измѣненіями небольшую часть упомянутой своей статьи, дадутъ читателю настоящей книжки возможность яснѣе представить себѣ, въ какомъ смыслѣ понимаю я всемірно-историческую точку зрѣнія, раздѣляя которую только и можно было взяться за составленіе книжки.

Названный взглядъ первый изъ оппонентовъ сводитъ къ тому, что существуетъ „одно великое, непрерывно-связанное органическое цѣлое, *человѣчество*", которое всегда „шло по одной линіи, развивалось по одному плану или закону, направлялось къ одной цѣли и осуществляло необходимо вытекавшія изъ этого плана или закона частныя задачи, приближавшія его къ общей цѣли". При такомъ взглядѣ, читаемъ мы далѣе, „исторія того или другого отдѣльнаго народа представлялась не самостоятельнымъ кругомъ явленій, а лишь необходимой промежуточной ступенью" въ процессѣ всемірной исторіи. Съ этой точки зрѣнія, думаетъ еще авторъ, „хронологическая послѣдовательность должна была казаться и логической". Вотъ эта-то „философія исторіи", по его мнѣнію, и господствуетъ въ общихъ построеніяхъ школьнаго преподаванія исторіи: „ярко, — говоритъ онъ, — выражается его вліяніе въ томъ установившемся убѣжденіи, что историческое преподаваніе должно строго держаться хронологической послѣдовательности". Конечно, я не стану защищать такой историко-философской точки зрѣнія. Мало того: самъ я въ своихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи" посвятилъ цѣлый рядъ страницъ разбору того взгляда, по которому человѣчество въ своей исторіи будто бы представляетъ изъ себя единое органическое цѣлое, и самая эта исторія будто бы совершается по единому плану или закону. Тѣмъ не менѣе со многимъ во взглядахъ на этотъ предметъ, высказанныхъ почтеннымъ противникомъ всемірно-исторической точки зрѣнія, никакъ нельзя согласиться. Во-первыхъ, я не думаю, чтобы обычное въ учебникахъ исторіи размѣщеніе матеріала по рубрикамъ древней, средней и новой исторіи было отраженіемъ критикуемой (да и мною тоже не принимаемой) историко-философской концепціи. По крайней мѣрѣ, нашъ авторъ въ пользу своего заявленія на этотъ счетъ ни-

[1]) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. („Русская Школа" за 1900 г.).

какихъ доказательствъ не приводитъ. Мнѣ кажется даже, наоборотъ, что школьные учебники исторіи и у насъ, и на Западѣ слишкомъ мало вообще отражали на себѣ историко-философскія теоріи тѣхъ періодовъ времени, когда писались. Во-вторыхъ, самое понятіе всемірной исторіи возникло совсѣмъ не такъ, какъ представляется это въ разсматриваемой статьѣ. Оно вовсе не обязано своимъ происхожденіемъ „философіи исторіи" второй половины XVIII и первой половины XIX в., и даже вообще какой-бы тамъ ни было философіи. На дѣлѣ о всемірной исторіи заговорилъ еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Полибій, и заговорилъ потому, что налицо былъ фактъ взаимодѣйствія частныхъ исторій. До меня, такъ приблизительно самъ говоритъ этотъ греческій историкъ, никто не писалъ всеобщей исторіи (ἡ τῶν καθόλου πραγμάτων σύνταξις), но теперь, въ силу обстоятельствъ, дѣла Италіи и Африки такъ перепутались съ дѣлами Азіи и Греціи, что всѣ происшествія вселенной (ἅπαντα τῆς οἰκουμένης πράγματα) соединились во-едино, и отдѣльныя исторіи, какъ члены, отдѣленные отъ тѣла, не могутъ дать представленія о цѣломъ. Вотъ эта-та точка зрѣнія и есть, въ сущности, всемірно-историческая, но никакъ не гегеліанская, какъ это утверждается нашимъ авторомъ. Въ частности, разсматривая школьныя руководства всеобщей исторіи, мы вездѣ и встрѣтимъ попытку изобразить именно это перепутываніе происшествій во всемъ мірѣ, о которомъ говоритъ Полибій, а отнюдь не единый планъ или законъ исторіи, положенный въ основу историко-философскихъ построеній Гегеля или Конта. Учебники исторіи, далѣе, совсѣмъ уже неповинны въ хотя бы и самомъ отдаленномъ воспроизведеніи взгляда, дѣлающаго изъ народовъ лишь моменты внутренне-единаго процесса. Нигдѣ, равнымъ образомъ, хронологическая послѣдовательность въ учебникахъ исторіи не превращалась никогда даже въ самый отдаленный намекъ на послѣдовательность логическую. Напротивъ, хронологическій принципъ слишкомъ всегда господствовалъ въ школьныхъ руководствахъ даже въ ущербъ изображенію причинной или эволюціонной связи, представляющей собою извѣстнаго рода логику. Если хронологія царила въ построеніяхъ учебниковъ, то, право, вина этого не въ „философіи исторіи".

Самъ критикъ защищаемой нами точки зрѣнія допускаетъ, однако, употребленіе термина „всемірная исторія" въ смыслѣ „простой всеобщности историческаго обзора", но именно въ этомъ самомъ смыслѣ и берется всемірно-историческая точка зрѣнія при преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Къ сожалѣнію, и здѣсь онъ даетъ термину нѣсколько съуженное толкованіе. Отвергнувъ концепцію историко-философскую, онъ ставитъ вопросъ о педагогическомъ удобствѣ, которое, быть можетъ, представляется группировкою матеріала по

культурнымъ вліяніямъ однихъ народовъ на другіе, и перечисляетъ при этомъ разнаго рода заимствованія (азбуки, сказаній, литературныхъ образовъ и формъ, церковныхъ учрежденій и религіозныхъ понятій и т. д.) Авторъ былъ бы, по его собственному заявленію, и противъ этого. „Современному историку, говоритъ онъ, теперь уже трудно рѣшиться на то, чтобы основной задачей въ изображеніи историческихъ судебъ смѣнявшихся народовъ поставить наслѣдственную передачу идей отъ одного къ другому, чтобы принять за руководящую линію общую преемственность культурныхъ понятій и формъ въ предѣлахъ человѣчества“. Къ этому онъ основательно прибавляетъ, что въ такомъ построеніи „связующая нить нерѣдко оказывалась бы слишкомъ слабою“, и даже „одна нить, прерываясь, должна была бы замѣняться другою“. Да, это такъ, но вѣдь международныя отношенія не исчерпываются одними заимствованіями культурныхъ понятій и формъ. Есть же вѣдь и другія отношенія—войнъ, союзовъ, завоеваній, присоединеній и т. п., которыя вліяютъ и на внутреннюю жизнь народовъ и изъ болѣе мелкихъ обществъ создаютъ общества болѣе крупныя. Чего стоитъ, напримѣръ, одно греко-македонское завоеваніе Востока или образованіе Римской имперіи въ древности! Возражая противъ возможности сгруппировать всю исторію около культурныхъ заимствованій, критикъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что и въ вопросѣ о заимствованіяхъ „все-таки на первомъ планѣ будетъ стоять вопросъ о томъ, какія же внутреннія основанія въ жизни новаго народа сдѣлали такое воспріятіе возможнымъ и необходимымъ“. Повторяю, что и я не допускаю возможности такой исключительной группировки, противъ которой говоритъ авторъ, и прибавлю, что и мнѣ кажется существенно важнымъ вопросъ о внутреннихъ условіяхъ, дѣлающихъ возможнымъ то или другое культурное воспріятіе, но я думаю, что, сводя международныя отношенія лишь къ однимъ культурнымъ заимствованіямъ, авторъ упустилъ изъ виду и другую сторону дѣла, связанную съ вопросомъ о заимствованіяхъ. Внутреннія условія сами по себѣ, но роль въ исторіи заимствованій играли и внѣшнія отношенія между отдѣльными обществами (народами и государствами), т.-е. именно тѣ самыя отношенія, о которыхъ говоритъ Полибій и которыя, понятно, не должны оставаться неизвѣстными ученикамъ, обучающимся исторіи. Кромѣ культурной передачи идей и формъ отъ народа къ народу, есть еще въ дѣйствительности и то, что самъ критикъ въ одномъ уже приведенномъ нами мѣстѣ называетъ „исторической судьбою народовъ“. Знать ее ученику тоже необходимо какъ для того, чтобы понять, почему и какимъ образомъ возможно было воспріятіе тѣмъ или другимъ народомъ въ такое-то именно время и именно такихъ-то и та-

кихъ-то, а не иныхъ культурныхъ вліяній, такъ и для того, чтобы понять вообще историческую судьбу самого этого народа. Самъ авторъ разсматриваемой статьи, указывая на то, что онъ, конечно, „охотно признаётъ преемственность нѣкоторыхъ идей, перешедшихъ въ новую Европу изъ древняго греко-римскаго міра“, — находитъ нужнымъ прибавить, что ни одна изъ этихъ идей не могла бы привиться среди народностей Западной Европы, „если бы не было извѣстной взаимной связи, тяготѣнія и сношеній между ними“, т.-е. между самими этими народностями, или между ними, съ одной стороны, и Римомъ, какъ средоточіемъ упомянутыхъ идей,—съ другой. Самое образованіе такого Рима, самое тяготѣніе къ нему другихъ народностей, самыя эти ихъ сношенія между собою, все это — факты, выходящіе за предѣлы исторіи одного народа, факты значенія всемірно-историческаго, универсальнаго. И потому соотвѣтственную точку зрѣнія даетъ намъ вовсе не призрачная философія исторіи вродѣ гегеліанской, а сама дѣйствительная исторія, изучаемая положительной наукой

Съ другой стороны, говоря о культурныхъ заимствованіяхъ, къ которымъ будто бы сводятся всѣ взаимоотношенія отдѣльныхъ обществъ, нашъ критикъ беретъ эти культурныя отношенія лишь въ смыслѣ исторической преемственности послѣдовательныхъ цивилизацій (ср. „историческія судьбы смѣнявшихся народовъ“), тогда какъ существуетъ въ исторіи еще и культурное взаимодѣйствіе одновременно живущихъ и различнымъ образомъ вліяющихъ другъ на друга народовъ. Онъ даже совѣтуетъ начинать систематическое изученіе исторіи съ среднихъ вѣковъ, т.-е. какъ-разъ съ той эпохи, которая нуждается въ освѣщеніи и съ точки зрѣнія политической и культурной преемственности, и съ точки зрѣнія политическаго и культурнаго взаимодѣйствія между отдѣльными народами.

Между тѣмъ вся критика всемірно-исторической точки зрѣнія клонится здѣсь къ тому общему выводу, что „существенной задачей историческаго изображенія“ должно быть „установленіе взаимодѣйствія тѣхъ силъ, которыя возникали и работали внутри опредѣленной народной или общественной среды“. И самому преподаванію исторіи авторъ ставитъ предметомъ поэтому „не движеніе человѣчества въ цѣломъ, потому что человѣчество есть въ значительной мѣрѣ цѣпь случайно связанныхъ группъ, а движеніе человѣческаго общества“ вообще. Я согласенъ съ тѣмъ взглядомъ на „человѣчество“, который высказанъ въ только приведенныхъ словахъ, и согласенъ съ тѣмъ, что изъ научнаго преподаванія исторіи ученикъ долженъ вынести общее представленіе о томъ, въ чемъ заключается „движеніе человѣческаго общества“ и „какія силы возникали и работали“ внутри отдѣльныхъ историческихъ обществъ, но я затруд-

няюсь понять, почему въ преподаванiи исторiи одна задача исключается другою. Я думаю, что, наоборотъ, удовлетворительное рѣшенiе одной задачи немыслимо безъ рѣшенiя другой. Отдѣльныя общества одни съ другими сталкиваются, одни на другiя влiяютъ, сливаются между собою въ болѣе крупныя единицы и пр. и пр., и въ этихъ процессахъ всегда происходитъ взаимодѣйствiе внѣшнихъ и внутреннихъ отношенiй. Конечно, искусственно можно выдѣлить для разсмотрѣнiя одни внутреннiе процессы каждой отдѣльной страны, но если такъ дѣлать въ преподаванiи систематически, то это повело бы къ совершенному незнанiю учениками не только нѣкоторыхъ сторонъ исторической жизни, но и общаго хода всемiрной исторiи— съ судьбами смѣнявшихся въ ней народовъ, преемственностью культуръ, извѣстнымъ прогрессомъ культурныхъ идей и соцiальныхъ формъ, выходящимъ за предѣлы исторiи отдѣльныхъ народностей. Вотъ почему я не могу согласиться съ утвержденiемъ, что „центръ тяжести правильнаго историческаго курса на первыхъ же его ступеняхъ долженъ лежать въ выясненiи того, какъ возникаетъ, расширяется, развивается человѣческое общество въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рамкахъ“. Преподаванiю исторiи этимъ, конечно, ставится истинно научная задача, но она не можетъ быть единственною задачею, и выполненiе ея скорѣе можетъ быть дѣломъ завершенiя, а не начала историческаго курса, когда у ученика мало еще и фактическихъ знанiй, и научнаго пониманiя. Почтенный критикъ всемiрно-исторической точки зрѣнiя совѣтуетъ начинать изученiе систематическаго курса съ средней исторiи именно потому, что, по его мнѣнiю, это болѣе соотвѣтствовало бы только-что указанной задачѣ. Главный аргументъ автора слѣдующiй: „матерiалъ, который по древней исторiи дается въ школѣ, по неизбѣжности отрывоченъ“, такъ что и Востокъ, и классическiе народы изображаются въ учебникахъ уже на относительно высокихъ ступеняхъ культурнаго развитiя. „Лишь пройдя треть курса, переходя отъ Римской имперiи къ германцамъ и славянамъ и изображая ихъ первые шаги въ государственной жизни, въ усвоенiи просвѣщенiя, въ выработкѣ болѣе мягкихъ общественныхъ формъ, мы обращаемся *впервые* къ той задачѣ, которую ставитъ въ самомъ началѣ историческiй курсъ, т.-е. къ задачѣ—показать человѣческое общество въ его первой организацiи“. Цѣлый рядъ возраженiй возникаетъ самъ собою при чтенiи этихъ словъ. Во-первыхъ, бытъ германцевъ и славянъ въ эпоху ихъ выступленiя на всемiрно-историческую сцену далеко не можетъ быть отождествленъ съ „человѣческимъ обществомъ въ его первой организацiи“: это уже результатъ нѣкоторой эволюцiи. Во-вторыхъ, не такъ уже безнадежно дѣло съ древними народами на

болѣе раннихъ ступеняхъ быта, какъ это кажется автору. Въ-третьихъ, ничто не мѣшаетъ предпосылать исторіи древняго міра суммарную характеристику общественной эволюціи въ такъ называемыя до-историческія времена. Въ-четвертыхъ, собственно говоря, требовать отъ преподаванія исторіи изображенія процесса общественной эволюціи лучше въ концѣ этого преподаванія, чѣмъ въ началѣ, потому что тогда, опираясь на извѣстные ученикамъ факты изъ жизни разныхъ народовъ, можно смѣло пользоваться и пріемами сравнительнаго изученія, которому нашъ критикъ въ другомъ мѣстѣ самъ приписываетъ большое значеніе. Въ-пятыхъ, если мы и знакомы съ бытомъ германцевъ и славянъ на очень невысокихъ ступеняхъ, то исторію ихъ мы не можемъ изучать внѣ связи съ тѣми неизмѣримо болѣе высокими идеями и формами, подъ вліяніемъ которыхъ стала складываться ихъ культурная и соціально-политическая жизнь. Дѣло не въ одномъ томъ, что германскій и славянскій бытъ носитъ на себѣ черты очень раннихъ моментовъ эволюціи, но и въ томъ, что германцамъ и славянамъ пришлось вступить во всемірную исторію въ сравнительно позднюю эпоху, основаться частью въ предѣлахъ Римской имперіи, вообще принять отъ нея новую религію, войти въ составъ развитой церковной организаціи, подчиниться вліянію идей и формъ культуры, бывшей результатомъ очень длиннаго историческаго процесса, въ которомъ участвовало нѣсколько народовъ, и т. п.

Черезъ всю аргументацію нашего автора проходитъ еще та мысль, что въ преподаваніи исторіи нужно держаться „не хронологическаго порядка, который есть порядокъ случайный“, а порядка общественной эволюціи, переходя отъ болѣе простого и потому болѣе доступнаго пониманію учениковъ, къ болѣе сложному и требующему поэтому бо̀льшаго знанія и пониманія. Допустимъ, что бытъ тацитовой Германіи проще быта гомеровской Греціи, но въ цѣломъ средняя исторія сложнѣе древней. Во всякомъ случаѣ, въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу самъ авторъ признаётъ, что въ „средневѣковой и новой Европѣ сочетанія (общественныхъ формъ) разнообразнѣе“, „политическое объединеніе охватываетъ бо̀льшія и болѣе пестрыя по устройству территоріи“ и т. п.,—и вообще указываетъ на существованіе въ средневѣковой и новой исторіи разныхъ „явленій, гораздо слабѣе отмѣченныхъ или вовсе отсутствующихъ въ древней исторіи“.

Желая выставить какъ можно больше аргументовъ въ пользу своей основной мысли, тотъ же критикъ всемірно-исторической точки зрѣнія указываетъ еще на то, что начинать систематическое изученіе исторіи съ исторіи среднихъ вѣковъ важно и въ виду того, что у преподаванія названнаго предмета есть еще „задача болѣе спеціальная, но и болѣе непосредственно насъ затрогивающая: выяснить, какъ именно

возникъ нашъ современный, ново-европейскій міръ". Что это одна изъ задачъ историческаго преподаванія, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается, и это именно задача, подсказанная всемірно-исторической точкой зрѣнія; но едва-ли удобно измѣнять хронологическій порядокъ ради того, чтобы пораньше объяснить ученикамъ то, что они могутъ хорошо понять лишь въ нѣсколько старшемъ возрастѣ. Да и самая задача эта не требуетъ ли, чтобы ученикъ былъ знакомъ съ тѣмъ историческимъ фундаментомъ, на которомъ германцы и славяне построили ново-европейскій міръ? Самъ же критикъ находитъ необходимымъ „сообщить въ началѣ курса или по мѣрѣ нужды тѣ свѣдѣнія, какія необходимы для объясненія самой судьбы и развитія германскихъ и славянскихъ народовъ". Эти свѣдѣнія, правда, онъ сводитъ къ очень немногимъ даннымъ, къ своего рода „описанію обстановки, въ которую вступаютъ новые народы", но если стать на эволюціонную точку зрѣнія, — которая господствуетъ и въ историческомъ міросозерцаніи автора,—то едва ли удобно начинать систематическое изложеніе исторіи съ описанія такихъ сложныхъ явленій, какъ, положимъ, „устройство христіанской церкви" или „строй и образованность Византіи", приводимые въ числѣ другихъ примѣровъ исторической обстановки самимъ критикомъ.

Другая статья, заслуживающая нашего вниманія, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вопросу о преподаваніи исторіи вообще и въ частности исторіи средневѣковой, но и въ ней мы встрѣчаемся съ мнѣніями, которыя могутъ быть приняты въ расчетъ и при рѣшеніи чисто историко-педагогическаго вопроса, насъ занимающаго. И для этого другого автора „всемірно-историческая точка зрѣнія находится въ тѣснѣйшей, органической связи съ историческимъ идеализмомъ" и сводится къ разсматриванію „отдѣльныхъ исторій древняго и новаго міра, какъ одного непрерывнаго цѣлаго, какъ исторіи человѣчества, въ которой исторія каждаго народа является ступенью, фазисомъ въ общемъ развитіи цѣлаго, движущагося по пути прогресса". Эта точка зрѣнія, „находящаяся по существу въ непримиримомъ противорѣчіи съ запросами и привычками современной научной мысли", по мнѣнію этого другого критика, „съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ отрочества впитывается учащимся юношествомъ" посредствомъ школьныхъ учебниковъ. Въ частности и онъ повторяетъ ту мысль, что въ созданіи такой точки зрѣнія повиненъ главнымъ образомъ Гегель. Едва-ли, однако, есть надобность повторять, что представленіе о всемірной исторіи возникло за двадцать вѣковъ до Гегеля, что въ этомъ представленіи нѣтъ ничего спеціально идеалистическаго и что во всякомъ случаѣ школьные учебники исторіи обыкновенно неповинны ни въ какой „философіи исторіи". Если мы

еще это повторяемъ, то лишь ради ссылки на замѣчанія наши по поводу аналогичнаго отожествленія первымъ критикомъ всякаго всемірно-историческаго взгляда съ гегеліанствомъ и другими видами исторической метафизики. Но второй критикъ идетъ и далѣе. Именно онъ старается доказать, будто эта метафизическая точка зрѣнія до сихъ поръ царитъ въ наукѣ, и доказываетъ это анализомъ взглядовъ, существующихъ въ исторической литературѣ относительно перехода древней исторіи въ средневѣковую. Онъ беретъ за исходный пунктъ такъ называемую романистическую школу историковъ, „разсматривающую средніе вѣка, какъ прямое и непосредственное продолженіе Римской имперіи, объединившей, организовавшей и цивилизовавшей весь древній міръ". Такая школа, дѣйствительно, существуетъ, и ея представители готовы даже отрицать сколько-нибудь важное значеніе за приходомъ въ имперію варваровъ, но едва-ли основательно думать, что односторонній взглядъ этой школы на средніе вѣка, какъ на простое продолженіе Римской имперіи, есть отраженіе гегеліанскаго идеалистическаго универсализма. Вопросъ о происхожденіи романистической школы болѣе сложенъ, чтобы его можно было рѣшать столь идеологически, а съ другой стороны, и противоположную школу германистовъ, выводящихъ всѣ средніе вѣка изъ однихъ новыхъ началъ германскаго быта, можно также было бы обвинить лишь въ слѣпомъ слѣдованіи формулѣ идеалистическаго универсализма Гегеля, признававшаго, что каждому новому народу соотвѣтствуетъ и новый принципъ въ качествѣ необходимаго момента во всемірно-историческомъ процессѣ. Возражая романистамъ на чисто фактической почвѣ, почтенный авторъ рисуетъ картину послѣднихъ временъ Римской имперіи, чтобы объяснить, какъ произошла замѣна широкой и въ техническомъ отношеніи весьма развитой государственности и денежнаго общественнаго и государственнаго хозяйства болѣе узкими и элементарными политическими формами и натуральнымъ хозяйствомъ. Это—одно. Другое въ изложеніи нашего автора, это—рядъ указаній на то, какъ поселеніе германцевъ на территоріи Римской имперіи отразилось на ихъ внутреннемъ бытѣ. Именно онъ объясняетъ, какъ хозяйственный и соціальный строй германскаго общества мало-по-малу отлился въ формы, весьма близкія къ тѣмъ, какія возникли въ Римской имперіи въ послѣдніе вѣка ея существованія и что было результатомъ этого въ политическомъ отношеніи. Читая эти страницы, невольно желаешь сослаться на нихъ противъ перваго критика, дабы показать на конкретномъ примѣрѣ изображенія культурной обстановки, найденной германцами въ Римской имперіи, что дѣло не столь просто, какъ онъ его себѣ представляетъ. Но, читая эти же страницы, на которыхъ устанавли-

вается тѣснѣйшая связь между Римской имперіей и средними вѣками, въ то же время недоумѣваешь, почему же все это опровергаетъ всемірно-историческую точку зрѣнія. Второй критикъ дѣлаетъ, впрочемъ, изъ своего положенія тотъ выводъ, что „о вступленіи варваровъ въ готовыя рамки, выработанныя Римской имперіей, не можетъ быть и рѣчи". Почему же? На насъ, наоборотъ, все его изложеніе произвело такое впечатлѣніе, какъ будто онъ хотѣлъ представить именно тѣ рамки (откинемъ ненужное слово „готовыя"), которыя германцы нашли въ Римской имперіи, куда они пришли. Правда, авторъ стремился доказать, что средневѣковой строй съ его основными и существеннѣйшими чертами *выработали бы* какъ германцы безъ всякой встрѣчи съ Римомъ, такъ и прежніе жители имперіи безъ прихода къ нимъ германцевъ, но это еще вопросъ, который, какъ и всякій гипотетическій вопросъ, рѣшается на-двое, а кромѣ того, если бы это такъ и было, фактъ остается фактомъ: германцы все-таки начали историческую жизнь въ рамкахъ, созданныхъ Римской имперіей, а это только подтверждаетъ всемірно-историческую точку зрѣнія. Очевидно, въ употребленіи термина существуетъ какое-то недоразумѣніе.

Съ своей точки зрѣнія этотъ критикъ нападаетъ на историковъ, „въ глазахъ которыхъ вліяніе одного общества на другое упрощается до крайности". Мы боимся, не заслуженъ ли болѣе всего этотъ упрекъ первымъ критикомъ, а съ другой стороны, не усложняетъ ли второй критикъ вопросъ настолько, что, пожалуй, ни о какомъ вліяніи одного народа на другой и говорить не придется, разъ все въ исторіи каждаго народа нужно выводить изъ однѣхъ только внутреннихъ причинъ.

Но вотъ въ какомъ отношеніи я признаю второго критика совершенно правымъ въ его нападеніи на всемірно-историческую точку зрѣнія. Помимо идеалистической философіи Гегеля, вѣдь и другія направленія проводили ту мысль, что всемірная исторія подчиняется единому закону, въ силу котораго она и можетъ быть вся уложена въ извѣстную формулу. Такъ Ог. Контъ думалъ, что вся исторія человѣчества проходитъ черезъ теологическій, метафизическій и позитивный фазисы, и что, напр., вся древность стояла на теологической ступени развитія и даже въ ея политеистическомъ подраздѣленіи. Эта концепція подвергалась въ свое время критикѣ, и никто больше въ нее не вѣритъ. Въ послѣднее время подобное же представленіе возникло въ области экономической исторіи, и большою популярностью пользуется теперь схема Бюхера, по которой вся хозяйственная жизнь грековъ и римлянъ была организована въ формѣ замкнутыхъ домашнихъ („ойкосныхъ") хозяйствъ, денежнаго же хозяй-

ства и международнаго обмѣна въ древнемъ мірѣ не было. Второй критикъ совершенно правильно вооружается противъ этой точки зрѣнія во имя той идеи, что отдѣльные народы, а не весь человѣческій міръ, взятый въ его цѣломъ, проходятъ отдѣльныя стадіи культурной и соціальной эволюціи.

На этомъ я и кончаю свое предисловіе, которое вышло слишкомъ длиннымъ по сравненію съ текстомъ самой книжки. Остается только прибавить, что подстрочныя ссылки дѣлаются на отдѣльные §§ или карты моихъ „Учебныхъ книгъ“ древней (Др. И.), средней (И. ср. вв.) и новой исторіи (Н. И.); что же касается до приложеній въ концѣ книжки, то объясненіе ихъ читатель найдетъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Общія понятія объ исторической наукѣ и о всемірной исторіи.

---

1. Слово „исторія“ обозначало первоначально у древнихъ грековъ изслѣдованіе, разузнаваніе, повѣствованіе о томъ, что узнано. Въ послѣднемъ смыслѣ оно перешло въ латинскій языкъ, откуда было заимствовано и въ новые европейскіе языки, причемъ въ настоящее время оно имѣетъ двоякій смыслъ, обозначая, съ одной стороны, извѣстное знаніе (исторія въ смыслѣ науки о прошломъ), а съ другой— то, что составляетъ предметъ этого знанія (исторія въ смыслѣ самого прошлаго). Если въ данномъ случаѣ наименованіе, даваемое знанію, было перенесено на его предметъ, то въ другомъ случаѣ, именно въ нѣмецкомъ названіи „Geschichte“ (отъ geschehen—случаться, происходить), мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ перенесеніемъ названія предмета, подлежащаго нашему знанію, на это самое о немъ знаніе. Въ значеніи изложенія того, что было узнано, исторія можетъ имѣть предметомъ и природу, откуда выраженіе „естественная исторія“; но обыкновенно подъ исторіей разумѣется повѣствованіе о событіяхъ и явленіяхъ, происходившихъ въ жизни отдѣльныхъ странъ, народовъ, государствъ или всего человѣчества. Такъ какъ, кромѣ того, исторія обозначаетъ собою не только знаніе о прошломъ, но и совокупность фактовъ прошлаго, то и въ этомъ значеніи исторіей можетъ называться, напр., и самое прошлое не только странъ, народовъ, государствъ или разныхъ сторонъ духовной и общественной жизни человѣчества (напр., религіи, философіи, литературы, права, народнаго хозяйства и т. п.), но и тѣхъ или другихъ явленій природы (исторія солнечной системы, исторія земного шара, исторія органической жизни на землѣ и т. п.). Отсюда подъ историческимъ

изученіемъ чего бы то ни было разумѣется такое изученіе, которое беретъ предметъ въ его прошломъ, въ его происхожденіи (генезисѣ), видоизмѣненіяхъ (трансформаціи), развитіи (эволюціи). Подобно тому, какъ понятіе исторіи въ смыслѣ простого повѣствованія о случившемся, развилось до понятія исторической науки, такъ и понятіе объ исторіи, какъ о простой совокупности фактовъ прошлаго, развилось до понятія объ историческомъ процессѣ [1]).

2. Какъ и всякая другая наука, исторія имѣетъ свои задачи, свои пріемы изслѣдованія, свою спеціальную логику и т. п., и все это входитъ въ составъ особой научной дисциплины, которую нѣмецкіе ученые назвали *историкою*: это—теорія историческаго знанія, получающая и практическое значеніе, когда на ней строятся правила того, какъ слѣдуетъ научно разрабатывать исторію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія въ смыслѣ совокупности фактовъ прошлаго можетъ быть не только предметомъ непосредственнаго изображенія (исторія въ тѣсномъ смыслѣ) или предметомъ философскаго представленія (философія исторіи), но и предметомъ такого теоретическаго изслѣдованія, которое ставитъ общіе вопросы о сущности, о движущихъ силахъ и т. д. историческаго процесса, отвлеченно взятаго (теорія исторіи или исторіологія). Исторія, бывшая раньше однимъ изъ видовъ литературы (исторіографія) и признававшаяся потому скорѣе искусствомъ, чѣмъ наукою, получила научное значеніе именно благодаря тому, что въ настоящее время пользуется строгими, правильными методами изслѣдованія и построенія, стѣсняющими личный произволъ историка, и вмѣстѣ съ тѣмъ опирается въ своемъ пониманіи прошлаго на данныя, выводы и общіе законы такихъ наукъ, какъ физическая географія, этнографія, психологія, политическая экономія и т. п., которыя съ разныхъ сторонъ освѣщаютъ жизнь человѣка и общества или природныя условія этой жизни. Вообще трудно указать какую-либо науку, отъ которой въ наше время исторія не получала бы помощи въ томъ или другомъ отношеніи.

3. Историческая наука изучаетъ прошлое. Послѣднее, какъ болѣе не существующее, не можетъ быть предметомъ непосредственнаго наблюденія. Фактическій матеріалъ исторической науки извлекается изъ такъ-называемыхъ *историческихъ источниковъ*. Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ тѣ или другія, прямыя или косвенныя свидѣтельства о фактахъ, сохранившіяся въ историческихъ памятникахъ. Независимо отъ значенія своего, какъ свидѣтельствъ о фактахъ, памятники, въ качествѣ дошедшихъ до насъ остатковъ прошлаго, и сами по себѣ являются фактами, составляющими матеріалъ исторіи,

---

[1]) Др. И., § 1.

и притомъ фактами, могущими быть предметомъ непосредственнаго изученія. Памятники бываютъ *вещественные* и *словесные*. Первыми являются зданія, произведенія искусствъ, предметы религіознаго культа или повседневной жизни, монеты, печати и т. д. Вещественные памятники проливаютъ особенно сильный свѣтъ на древнѣйшія времена, чѣмъ и объясняется особая важность археологіи [1]), эпиграфики, нумизматики въ изслѣдованіи наиболѣе раннихъ періодовъ исторіи. Словесные памятники дѣлятся на устные и письменные. Неистощимымъ запасомъ свидѣтельствъ о болѣе раннихъ ступеняхъ быта являются языкъ, хранящій въ себѣ слѣды пережитыхъ эпохъ (лингвистическая палеонтологія), и народно-поэтическое творчество, выражающееся въ пѣснѣ, обрядѣ, забавѣ (фольклористика [2]). Самыми, однако, важными и надежными историческими источниками являются памятники письменности, каковы: 1) надписи съ цѣлью увѣковѣченія событій, анналы, хроники, лѣтописи, мемуары, записки, дневники, историческія сочиненія и т. п.; 2) государственные акты, дипломатическая переписка, дѣловые документы разнаго рода, судебныя дѣла, дѣловыя письма, хозяйственныя записи и пр. и пр.; 3) произведенія литературныя въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. разумѣя здѣсь не только поэзію и изящную словесность, но и сочиненія содержанія религіознаго, философскаго, научнаго, публицистическаго. Въ дѣлѣ изслѣдованія свидѣтельствъ, заключающихся въ письменныхъ памятникахъ, весьма важную роль играетъ, такъ называемая, *историческая критика*, имѣющая своимъ предметомъ опредѣленіе достовѣрности сообщаемыхъ источниками извѣстій, выдѣленіе истины изъ возможныхъ искаженій и выдумокъ, безсознательныхъ или сознательныхъ. Чѣмъ болѣе проникалъ въ исторію научный духъ, тѣмъ недовѣрчивѣе стала относиться она къ своимъ источникамъ, что и породило историческую критику, которая въ настоящее время выработала цѣлый рядъ пріемовъ для выдѣленія достовѣрнаго изъ недостовѣрнаго. Съ констатированія фактовъ на основаніи критическаго изученія источниковъ и начинается научная работа историка.

4. Сами факты прошлаго, изучаемые исторіей, бываютъ двоякаго рода: или это—факты *прагматическіе* (былевые), т. е. событія, въ послѣднемъ анализѣ сводящіяся къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ или это—факты *культурные* (бытовые), т. е. формы, въ которыхъ выражается матеріальная, духовная и общественная жизнь народа. Мараѳонская битва—фактъ прагматическій, вѣра грековъ въ Зевса—фактъ культурный. Отсюда и дѣленіе исторіи на *прагматическую*

[1]) Др. И., §§ 2 и 10.

[2]) Др. И., § 12.

(внѣшнюю) и *культурную* (внутреннюю), въ зависимости отъ того, повѣствуетъ ли она о событіяхъ или описываетъ бытъ. Въ обоихъ случаяхъ исторія можетъ быть политической (разсказъ о политическихъ событіяхъ или описаніе государственнаго устройства), соціальной (соціальныя движенія и общественный строй), церковной и т. д., и т. д. Разъ историческіе факты прагматическаго или культурнаго характера констатированы, ихъ нужно между собою связать,—искусство, которому учитъ историческая методологія. Современная наука исходитъ изъ идеи *закономѣрности* всѣхъ явленій, совершающихся въ мірѣ, и историческіе факты не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Законы, управляющіе явленіями, бываютъ двухъ родовъ: причинные, въ которыхъ выражается неизмѣнная связь причинъ и слѣдствій (одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія), и эволюціонные, т. е. законы развитія, заключающіеся въ неизмѣнности порядка, въ какомъ совершаются измѣненія всякихъ формъ (аналогичныя формы развиваются аналогичнымъ образомъ). По отношенію къ прагматическимъ фактамъ въ наукѣ давно уже установилось требованіе—связывать ихъ между собою, какъ причины и слѣдствія, т. е. выводить одни, какъ слѣдствія, изъ другихъ, которые по отношенію къ нимъ разсматриваются, какъ причины. Самое слово „*прагматизмъ*“ сдѣлалось синонимомъ установленія причинной связи. Прагматическая исторія есть не что иное, какъ построеніе одного цѣлаго изъ разрозненныхъ событій, связанныхъ одни съ другими въ причинные ряды. Событія предполагаютъ людей, которые ихъ совершили, а людскіе поступки предполагаютъ мотивы, заставлявшіе дѣйствовать данныхъ лицъ такъ, а не иначе. Прагматическая исторія поэтому всегда нуждается въ біографическомъ элементѣ и въ психологическомъ анализѣ, будетъ ли идти рѣчь объ одномъ лицѣ („героѣ“), или о многихъ, о массѣ („толпѣ“). Для культурныхъ фактовъ (формъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта) исторія пользуется связью эволюціонною, показывая, какъ та или другая форма,—будетъ ли то, напр., покрой платья, богослужебный обрядъ, или государственное устройство,—развилась изъ болѣе ранней формы, при чемъ весьма важную роль въ данномъ случаѣ можетъ играть сравнительное изученіе отдѣльныхъ культурныхъ развитій (языка, поэзіи, религіи, права и т. п.) у разныхъ народовъ. Культурная исторія въ сущности къ тому и стремится, чтобы связать разрозненные факты, ею изучаемые, въ эволюціонные ряды [1]).

5. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ историку приходится еще устанавливать тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ одни къ другимъ

---

[1]) Др. И., § 1.

прагматическіе и культурные факты и включающіе ихъ въ себя причинные и эволюціонные ряды. Событія совершаются въ зависимости отъ условій данной матеріальной, духовной и общественной культуры и, въ свою очередь, отражаются на формахъ быта, которыя сами собою, т. е. безъ воздѣйствія людскихъ поступковъ, не измѣняются. Идеалъ историческаго воспроизведенія прошлой дѣйствительности, это—представить ее, какъ взаимодѣйствіе человѣческихъ поступковъ съ ихъ психологическими причинами, съ одной стороны, и формъ быта въ ихъ закономѣрномъ развитіи, съ другой. Это идеалъ общей (культурно-прагматической) исторіи, которая можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распадаться на спеціальныя исторіи событій и формъ въ отдѣльныхъ областяхъ жизни (исторія языка, исторія религіи, исторія философіи, исторія науки, исторія литературы, исторія искусства, исторія права, исторія народнаго хозяйства, исторія государства). Основнымъ предметомъ историческаго изученія останется во всѣхъ случаяхъ жизнь и дѣятельность человѣка, людей, т. е. или одного лица (біографія), или извѣстной группы лицъ (частная исторія государства, народа, сословія или класса, области или города и т. п.), или всего человѣчества (всемірная или всеобщая исторія), хотя бы даже предметомъ изображенія было какое-либо единичное событіе или явленіе (историческая монографія).

6. Связываніемъ фактовъ въ причинные или эволюціонные ряды и изображеніемъ ихъ взаимодѣйствія еще не оканчивается научная работа историка. Сырой фактическій матеріалъ исторіи подавляетъ своей громадностью, и въ немъ нужно разобраться, его нужно переработать: въ немъ есть болѣе важное и существенное или несущественное и менѣе важное и есть, кромѣ того, однородные или сходные факты, подлежащіе обобщенію. Выдѣляя все наиболѣе характерное изъ массы второстепенныхъ подробностей и подводя подъ общія формулы множество одинаковыхъ явленій, историкъ тѣмъ самымъ и разбирается въ своемъ матеріалѣ, тѣмъ самымъ его и перерабатываетъ, чтобы представить этотъ матеріалъ въ наиболѣе подходящей для его усвоенія формѣ. Вообще историческое изложеніе можетъ быть болѣе детальнымъ или болѣе обобщающимъ, болѣе конкретнымъ или болѣе абстрактнымъ, болѣе фактическимъ или болѣе идейнымъ. Чѣмъ детальнѣе, конкретнѣе, фактичнѣе изложеніе, тѣмъ ближе оно къ результатамъ непосредственнаго изслѣдованія сырого матеріала; чѣмъ болѣе оно обобщаетъ, чѣмъ отвлеченнѣе оно, чѣмъ идейнѣе, тѣмъ болѣе можетъ быть названо философскимъ. Есть историки-изслѣдователи и есть историки-мыслители. Идеалъ историка—соединеніе въ одномъ лицѣ научнаго изслѣдователя и мыслителя. Историкъ можетъ быть изслѣдователемъ или мыслителемъ

(внѣшнюю) и *культурную* (внутреннюю), въ зависимости отъ того, повѣствуетъ ли она о событіяхъ или описываетъ бытъ. Въ обоихъ случаяхъ исторія можетъ быть политической (разсказъ о политическихъ событіяхъ или описаніе государственнаго устройства), соціальной (соціальныя движенія и общественный строй), церковной и т. д., и т. д. Разъ историческіе факты прагматическаго или культурнаго характера констатированы, ихъ нужно между собою связать,—искусство, которому учитъ историческая методологія. Современная наука исходитъ изъ идеи *закономѣрности* всѣхъ явленій, совершающихся въ мірѣ, и историческіе факты не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Законы, управляющіе явленіями, бываютъ двухъ родовъ: причинные, въ которыхъ выражается неизмѣнная связь причинъ и слѣдствій (одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія), и эволюціонные, т. е. законы развитія, заключающіеся въ неизмѣнности порядка, въ какомъ совершаются измѣненія всякихъ формъ (аналогичныя формы развиваются аналогичнымъ образомъ). По отношенію къ прагматическимъ фактамъ въ наукѣ давно уже установилось требованіе—связывать ихъ между собою, какъ причины и слѣдствія, т. е. выводить одни, какъ слѣдствія, изъ другихъ, которые по отношенію къ нимъ разсматриваются, какъ причины. Самое слово „*прагматизмъ*“ сдѣлалось синонимомъ установленія причинной связи. Прагматическая исторія есть не что иное, какъ построеніе одного цѣлаго изъ разрозненныхъ событій, связанныхъ одни съ другими въ причинные ряды. Событія предполагаютъ людей, которые ихъ совершили, а людскіе поступки предполагаютъ мотивы, заставлявшіе дѣйствовать данныхъ лицъ такъ, а не иначе. Прагматическая исторія поэтому всегда нуждается въ біографическомъ элементѣ и въ психологическомъ анализѣ, будетъ ли идти рѣчь объ одномъ лицѣ („героѣ“), или о многихъ, о массѣ („толпѣ“). Для культурныхъ фактовъ (формъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта) исторія пользуется связью эволюціонною, показывая, какъ та или другая форма,—будетъ ли то, напр., покрой платья, богослужебный обрядъ, или государственное устройство,—развилась изъ болѣе ранней формы, при чемъ весьма важную роль въ данномъ случаѣ можетъ играть сравнительное изученіе отдѣльныхъ культурныхъ развитій (языка, поэзіи, религіи, права и т. п.) у разныхъ народовъ. Культурная исторія въ сущности къ тому и стремится, чтобы связать разрозненные факты, ею изучаемые, въ эволюціонные ряды [1]).

5. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ историку приходится еще устанавливать тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ одни къ другимъ

---

[1]) Др. И., § 1.

прагматическіе и культурные факты и включающіе ихъ въ себя причинные и эволюціонные ряды. Событія совершаются въ зависимости отъ условій данной матеріальной, духовной и общественной культуры и, въ свою очередь, отражаются на формахъ быта, которыя сами собою, т. е. безъ воздѣйствія людскихъ поступковъ, не измѣняются. Идеалъ историческаго воспроизведенія прошлой дѣйствительности, это—представить ее, какъ взаимодѣйствіе человѣческихъ поступковъ съ ихъ психологическими причинами, съ одной стороны, и формъ быта въ ихъ закономѣрномъ развитіи, съ другой. Это идеалъ общей (культурно-прагматической) исторіи, которая можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распадаться на спеціальныя исторіи событій и формъ въ отдѣльныхъ областяхъ жизни (исторія языка, исторія религіи, исторія философіи, исторія науки, исторія литературы, исторія искусства, исторія права, исторія народнаго хозяйства, исторія государства). Основнымъ предметомъ историческаго изученія останется во всѣхъ случаяхъ жизнь и дѣятельность человѣка, людей, т. е. или одного лица (біографія), или извѣстной группы лицъ (частная исторія государства, народа, сословія или класса, области или города и т. п.), или всего человѣчества (всемірная или всеобщая исторія), хотя бы даже предметомъ изображенія было какое-либо единичное событіе или явленіе (историческая монографія).

6. Связываніемъ фактовъ въ причинные или эволюціонные ряды и изображеніемъ ихъ взаимодѣйствія еще не оканчивается научная работа историка. Сырой фактическій матеріалъ исторіи подавляетъ своей громадностью, и въ немъ нужно разобраться, его нужно переработать: въ немъ есть болѣе важное и существенное или несущественное и менѣе важное и есть, кромѣ того, однородные или сходные факты, подлежащіе обобщенію. Выдѣляя все наиболѣе характерное изъ массы второстепенныхъ подробностей и подводя подъ общія формулы множество одинаковыхъ явленій, историкъ тѣмъ самымъ и разбирается въ своемъ матеріалѣ, тѣмъ самымъ его и перерабатываетъ, чтобы представить этотъ матеріалъ въ наиболѣе подходящей для его усвоенія формѣ. Вообще историческое изложеніе можетъ быть болѣе детальнымъ или болѣе обобщающимъ, болѣе конкретнымъ или болѣе абстрактнымъ, болѣе фактическимъ или болѣе идейнымъ. Чѣмъ детальнѣе, конкретнѣе, фактичнѣе изложеніе, тѣмъ ближе оно къ результатамъ непосредственнаго изслѣдованія сырого матеріала; чѣмъ болѣе оно обобщаетъ, чѣмъ отвлеченнѣе оно, чѣмъ идейнѣе, тѣмъ болѣе можетъ быть названо философскимъ. Есть историки-изслѣдователи и есть историки-мыслители. Идеалъ историка—соединеніе въ одномъ лицѣ научнаго изслѣдователя и мыслителя. Историкъ можетъ быть изслѣдователемъ или мыслителемъ

(или изслѣдователемъ и мыслителемъ) во всѣхъ отдѣлахъ и направленіяхъ исторической науки, и исторія можетъ быть философской и въ біографіи одного лица, и въ монографіи объ отдѣльномъ событіи или движеніи, и въ изображеніи жизни одного народа, и въ общей картинѣ развитія всего человѣческаго рода (послѣднее и называется по преимуществу „философіей исторіи"). Выдѣленіе существеннаго, главнаго, первостепеннаго изъ менѣе существеннаго, не столь важнаго, второстепеннаго и сведеніе множества частныхъ истинъ къ малому числу истинъ общихъ дѣлаются прямою необходимостью, чѣмъ крупнѣе и шире предметъ, который излагается историкомъ; подробности, умѣстныя въ біографіи одного лица или въ монографіи о какомъ-либо историческомъ явленіи, загромоздили бы ненужнымъ матеріаломъ изложеніе исторіи цѣлаго народа или цѣлой эпохи; а то, что можетъ быть важнымъ въ исторіи отдѣльныхъ народа или эпохи, нерѣдко оказывается весьма неважнымъ въ исторіи всего человѣчества на протяженіи всѣхъ историческихъ временъ. Само собою разумѣется, что и выдѣленіе наиболѣе существеннаго изъ всей массы историческаго матеріала, и обобщеніе однороднаго въ этомъ матеріалѣ не должны быть дѣломъ произвола, такъ какъ и въ данномъ случаѣ есть свои правила, отступленіе отъ которыхъ противорѣчитъ требованіямъ научности.

7. Во всѣ моменты научной обработки фактическаго матеріала (критика источниковъ и установленіе фактовъ, изслѣдованіе отношеній, въ какихъ факты между собою находятся, путемъ отысканія причинной и эволюціонной связи между ними, выдѣленіе основного изъ второстепеннаго, обобщеніе однороднаго) историкъ заботится только объ одномъ, именно объ истинѣ. Въ старыя времена, когда на исторію смотрѣли болѣе, какъ на искусство, нежели какъ на науку, считалось дозволительнымъ украшать изложеніе прямымъ вымысломъ (напр., рѣчи историческихъ дѣятелей, какія приводили древніе историки). Съ другой стороны, исторіей очень часто пользовались (и нынѣ еще пользуются) для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ научной истиной. Исторія, какъ наука, осуждаетъ все, что̀ вноситъ въ изображеніе прошлаго тенденціозность въ смыслѣ преувеличеній, умолчаній, искаженій и т. п. Отъ историка въ настоящее время требуется объективность въ значеніи безпристрастія. Цѣль науки—нахожденіе истины, и въ этомъ дѣлѣ историку не должны мѣшать никакія посторонія цѣли. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы историкъ не имѣлъ права дѣлать домысловъ или высказывать свое мнѣніе о разсматриваемыхъ имъ явленіяхъ. Вслѣдствіе неизбѣжныхъ пробѣловъ въ историческомъ матеріалѣ наука не можетъ обойтись безъ предположеній (гипотезъ), безъ заключеній по аналогіи, безъ

опредѣленія причинъ по слѣдствіямъ и наоборотъ и т. д., но и тутъ существуютъ извѣстныя научныя правила. Равнымъ образомъ историкъ можетъ и долженъ судить о фактахъ, дѣлать имъ оцѣнку, но и правильность такого суда, такой оцѣнки можетъ быть результатомъ лишь примѣненія къ отдѣльнымъ случаямъ положительныхъ истинъ, добытыхъ другими науками.

8. Еще очень недавно раздавались голоса противъ права исторіи называться наукою. Въ настоящее время историки, идущіе въ уровень съ движеніемъ своей спеціальности, сами заботятся прежде всего о научности. Собственно говоря, исторія лишь въ XIX столѣтіи стала превращаться въ науку, и это выразилось въ слѣдующихъ характерныхъ явленіяхъ научнаго движенія нашего времени: 1) Въ XIX в. страшно умножился историческій матеріалъ (монументальный, эпиграфическій, архивный и т. п.), на отысканіе и обнародованіе котораго было положено громадное количество труда и израсходованы большія суммы денегъ. 2) Лишь въ этомъ столѣтіи достигла совершенства критика источниковъ, и необходимость изслѣдованія историческихъ свидѣтельствъ путемъ опредѣленія ихъ достовѣрности сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе элементарныхъ требованій отъ занятій исторіей; вмѣстѣ съ этимъ стала и теоретически вырабатываться историческая методологія. 3) Въ XIX же вѣкѣ страшно умножились спеціальныя, біографическія и монографическія изслѣдованія, заключающія въ себѣ богатый, уже научно обработанный матеріалъ для болѣе общихъ историческихъ построеній. 4) Только въ XIX в. произошло сближеніе исторіи съ другими науками, когда, съ одной стороны, стали ставить на историческую почву свои изученія языковѣды, изслѣдователи религіи, литературы, искусства, философы, политики, юристы и экономисты, а съ другой—историки обратились къ изученію разныхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій, которыми раньше не занимались. Сюда же относится сближеніе исторіи съ естествознаніемъ, выразившееся въ попыткахъ историковъ изслѣдовать географическія и антропологическія условія исторической жизни народовъ. 5) Наконецъ, въ XIX вѣкѣ къ исторической жизни были примѣнены общія научныя понятія закономѣрности въ причинности и развитіи (т.-е. въ происхожденіи и послѣдовательности) явленій, взаимной обусловленности однѣхъ категорій фактовъ другими и т. п. Благодаря общему положенію о томъ, что общественныя явленія совершаются такъ же, какъ и явленія природы, т. е. подчинены общимъ законамъ, возникла новая наука—соціологія [1]), которая взяла на себя разрѣшеніе многихъ вопросовъ, поставленныхъ еще въ XVIII вѣкѣ

---

[1]) Общая теорія о строеніи, жизни и развитіи общества.

философіей исторіи. Возникновеніе этой науки оказало большое вліяніе не только на пониманіе задачъ самой исторіи, но и на развитіе исторіологическихъ взглядовъ относительно основныхъ причинъ и условій, главныхъ силъ и факторовъ, важнѣйшихъ направленій и результатовъ историческаго процесса. Наше время породило массу исторіологическихъ теорій, освѣщающихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія такую сложную совокупность самыхъ разнообразныхъ явленій, какую представляетъ изъ себя исторія каждаго народа. Съ другой стороны, для рѣшенія своихъ задачъ соціологи стали прибѣгать къ такъ называемому *сравнительно-историческому* изученію, которое даетъ особымъ образомъ подготовленный матеріалъ для дальнѣйшихъ соціологическихъ построеній.

9. Жизнь человѣчества на землѣ раздѣляется на *до-историческія* и *историческія* времена. Подъ до-исторической эпохой разумѣется неопредѣленный періодъ времени, о которомъ у насъ нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ и о которыхъ мы можемъ судить лишь на основаніи вещественныхъ памятниковъ, лингвистическихъ данныхъ и легендарныхъ преданій [1]). Такъ какъ разные народы не одновременно выступали на сцену исторіи, то въ различныхъ странахъ до-историческая эпоха должна быть отодвинута въ древность болѣе глубокую или менѣе глубокую. Напр., для Египта и Ассиріи историческія времена наступили за цѣлыя тысячелѣтія до Р. X., а для Россіи— лишь въ IX в. по Р. X. Многіе народы и до сихъ поръ живутъ еще, такъ сказать, въ до-исторической эпохѣ, разумѣя подъ послѣднею основныя особенности первобытнаго культурнаго и соціальнаго состоянія. Отсюда—дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе, причемъ, впрочемъ, имѣется еще въ виду большее или меньшее вліяніе отдѣльныхъ народовъ на исторію человѣчества вообще. Принимая въ расчетъ, что человѣкъ существуетъ на землѣ не одинъ десятокъ тысячъ лѣтъ, и что начало исторіи Египта, этой самой старой культурной страны, едва ли можетъ быть отдалено болѣе, чѣмъ на 4—5 тысячъ лѣтъ до Р. X., мы должны сказать, что на историческую эпоху существованія человѣчества приходится гораздо менѣе времени, нежели на эпоху до-историческую. Сама историческая жизнь зародилась первоначально лишь въ немногихъ мѣстахъ земного шара и только постепенно распространялась и на другія страны. Въ древнѣйшую эпоху историческія страны были въ буквальномъ смыслѣ оазисами среди культурной пустыни, и всемірная исторія началась лишь тогда, когда началось сближеніе между такими изолированными странами. Въ то самое время, какъ Китай и Индія,

---

[1]) Др. И., §§ 2—12.

отдѣленныя отъ другихъ древнихъ историческихъ странъ громадными и трудно проходимыми пространствами, жили въ общемъ изолированно отъ остальныхъ культурныхъ народовъ древности, самыя старыя страны міра, Египетъ и Месопотамія, весьма рано вошли въ соприкосновеніе между собою. Извѣстно, далѣе, что первыми распространителями цивилизаціи, возникшей въ рѣчныхъ долинахъ Нила, Тигра и Евфрата, явились финикійцы, которые завели свои колоніи по берегамъ Средиземнаго моря, и что ихъ смѣнили здѣсь потомъ греки, развившіе свою колонизацію и по берегамъ морей Мраморнаго Чернаго и Азовскаго. Затѣмъ Средиземное море сдѣлалось внутреннимъ озеромъ Римской имперіи, объединившей подъ своею властью чуть не весь древній міръ (за исключеніемъ Индіи и Китая). Впослѣдствіи, съ расширеніемъ исторической сцены, къ старому „средиземному" морю прибавились другія „средиземныя" же моря (Нѣмецкое и Балтійское), игравшія такую же роль въ средніе вѣка и въ новое время. По отношенію къ морямъ въ наиболѣе благопріятныя условія поставлена Европа, и съ переходомъ власти надъ Средиземнымъ моремъ къ грекамъ, этому первому европейскому историческому народу, и первенство въ исторіи цивилизаціи перешло къ Европѣ. Въ настоящее время мы живемъ въ періодъ океанической цивилизаціи, начало которому было положено великими географическими открытіями конца XV и начала XVI в. (морской путь въ Индію вокругъ Африки, открытіе Америки, первое кругосвѣтное плаваніе и т. п.). Въ этомъ расширеніи исторической сцены обращаютъ на себя вниманіе два факта: смѣна господства въ исторіи однихъ другими народовъ и объединеніе исторій отдѣльныхъ странъ въ исторію человѣчества.

10. Человѣчество распадается на нѣсколько расъ, между которыми существуютъ не только физическія, но и психическія особенности[1]). Не всѣ расы одинаково одарены въ духовномъ отношеніи, и потому расы могутъ быть раздѣлены на высшія и низшія. Народы, принадлежащіе къ послѣднимъ, и до сихъ поръ находятся въ дикомъ состояніи или едва перешли на стадію варварства. Историческіе народы принадлежатъ къ высшимъ, болѣе одареннымъ расамъ. Повидимому, древнѣйшія цивилизаціи принадлежали монгольской расѣ (это—вопросъ довольно темный и спорный), но настоящее развитіе исторіи происходило главнымъ образомъ въ предѣлахъ бѣлой расы. Въ ней первенство въ хронологическомъ отношеніи принадлежитъ семитамъ, игравшимъ главнѣйшую роль въ древнѣйшей исторіи Востока отъ Месопотаміи до Египта. Позднѣе, съ выступленіемъ

---

[1]) Др. И., §§ 11—13. Карта II.

въ Азіи персовъ и въ Европѣ грековъ, господство перешло къ арійской расѣ, за которою оно остается и понынѣ. Къ благопріятнымъ географическимъ условіямъ европейской исторіи нужно присоединить и это благопріятное условіе антропологическое: громадное большинство населенія нашей части свѣта, т.-е. всѣ народы романскіе, германскіе и славянскіе (съ литовцами) принадлежатъ къ арійской расѣ, и они же колонизовали въ новое время Америку, Австралію, сѣверную Азію (Сибирь), не говоря объ южно-азіатскихъ и африканскихъ поселеніяхъ и владѣніяхъ европейцевъ среди сплошного туземнаго населенія, иногда дикаго или полудикаго (въ Африкѣ) или уже жившаго ранѣе исторической жизнью (въ Египтѣ, въ Индіи).

11. Изъ всего этого видна и вся историческая преемственность. Исторіи Китая и Индіи стоятъ особнякомъ (равно какъ и исторіи Мексики и Перу въ Америкѣ до прихода европейцевъ). Главною сценою всемірной исторіи, на которой въ древнѣйшія времена происходили военныя и мирныя столкновенія народовъ, была Передняя Азія съ Египтомъ. За полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. египтяне предприняли завоеваніе Сиріи и въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе съ Ассиріей. Сирія на долгое время дѣлается ареною борьбы между Египтомъ и Ассиріей. Финикійцы въ это время становятся распространителями египетской и ассиро-вавилонской цивилизаціи. Къ этому же времени относится политическая исторія евреевъ, которымъ постоянно пришлось испытывать на себѣ ведшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ войну между Египтомъ и Ассиріей. Въ концѣ концовъ, Ассирія одерживаетъ верхъ, но только для того, чтобы пасть (VII в. до Р. Х.) и расчистить путь для завоеванія всѣхъ этихъ странъ (въ VI в.), т.-е. Вавилоніи, Ассиріи, Сиріи, Египта, Малой Азіи, царствомъ Персидскимъ, войска котораго заходили въ такія страны, гдѣ не появлялись ни египтяне, ни ассирійцы. Это громадное государство, включившее въ себя разнородныя націи и племена на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, вступило около 500 г. до Р. Х. въ борьбу съ греками, которая окончилась завоеваніемъ самой Персіи греками при Александрѣ Македонскомъ и основаніемъ въ отдѣльныхъ ея провинціяхъ новыхъ „эллинистическихъ“ государствъ. Затѣмъ и сама Греція, и эллинистическія царства на Востокѣ были завоеваны Римомъ, который, побѣдивъ соперничавшій съ нимъ въ западной половинѣ Средиземнаго моря Карѳагенъ и подчинивъ себѣ берега всей этой части, образовалъ громадную всемірную монархію. Всѣ эти политическія событія и перемѣны, начиная съ перваго похода египетскихъ фараоновъ на Сирію за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. и кончая образованіемъ Римской имперіи, не могли не отразиться на культурномъ взаимодѣйствіи между разными странами и на-

родами, образовавшими этотъ историческій міръ. Результатомъ взаимодѣйствія было объединеніе древняго міра на почвѣ греческой образованности, римской гражданственности и христіанской религіи, возникшей среди еврейскаго народа. Эта общая цивилизація, благодаря завоеванію римлянами странъ, не жившихъ ранѣе историческою жизнью (Испаніи, Галліи, части Германіи и Британіи, сѣверной части Балканскаго полуострова), и благодаря совершившемуся позднѣе принятію христіанства изъ Рима или Византіи народами сѣверной и восточной Европы, расширила историческую сцену, включивъ въ нее всю Европу, а впослѣдствіи и другія страны, гдѣ только селились европейцы. Одновременно съ христіанскимъ объединеніемъ европейскихъ народовъ стало съ VII в. по Р. Х. совершаться объединеніе мусульманское въ Азіи и Африкѣ, между тѣмъ какъ христіанскій міръ въ Европѣ распался (въ IX—XI вв.) на западный (католическій) и восточный (православный). Но борьба между христіанствомъ и магометанствомъ, въ которой послѣднее часто одерживало побѣды надъ первымъ, окончилась все-таки побѣдою перваго. Замѣтимъ, что лишь на короткое время въ средніе вѣка мусульмане развили у себя на старо-греческой основѣ блестящую цивилизацію, которая скоро пала, успѣвъ, впрочемъ, оказать свое вліяніе на исторію образованности и европейскихъ народовъ. Наиболѣе вліятельной преемницею и продолжательницею равно какъ и распространительницею по всему міру общей цивилизаціи греко-римскаго происхожденія сдѣлалась, благодаря болѣе выгоднымъ географическимъ и историческимъ условіямъ, Западная Европа, откуда главнѣйшія пріобрѣтенія цивилизаціи стали распространяться въ новое время и на страны Восточной Европы, и во вновь открытыя земли Америки, Австраліи, Африки, и къ древнимъ культурнымъ народамъ Востока. Индія и Китай (съ Японіей) въ настоящее время тоже захвачены этимъ общимъ историческимъ потокомъ.

12. Эти взаимоотношенія и преемственность народовъ и цивилизацій и составляютъ единство всемірной исторіи, въ которой, конечно, отдѣльные народы играли и играютъ неодинаковую роль. Благодаря этой же преемственности и тѣмъ заимствованіямъ, какія одинъ народъ дѣлаетъ у другого, возможно установить историческую послѣдовательность отдѣльныхъ сторонъ нашей цивилизаціи, многими началами которой мы обязаны древнимъ культурнымъ странамъ Востока. Разсматривая всемірную исторію, какъ единое цѣлое, наука, кромѣ того, прослѣживаетъ тѣ успѣхи, которые человѣческій родъ въ своемъ развитіи дѣлалъ въ отношеніяхъ матеріальномъ, духовномъ (умственномъ и нравственномъ) и общественномъ. Съ этой точки зрѣнія всемірная исторія превращается въ изображеніе общечеловѣческаго *прогресса*. Всемірная исторія знаетъ, впрочемъ, не мало

случаевъ гибели цѣлыхъ цивилизацій и долговременнаго культурнаго застоя. Такъ погибли многія древне-восточныя цивилизаціи отчасти вслѣдствіе внутренней своей непрочности, отчасти вслѣдствіе внѣшнихъ катастрофъ въ родѣ варварскихъ вторженій. Главною причиною внутренней непрочности древнихъ цивилизацій было то, что онѣ представляли изъ себя удѣлъ лишь незначительнаго меньшинства, тогда какъ угнетенная народная масса пребывала въ самомъ грубомъ невѣжествѣ. Такова была и одна изъ причинъ упадка грекоримской цивилизаціи передъ началомъ среднихъ вѣковъ. Съ другой стороны, цивилизованныя страны представляли изъ себя сначала какъ бы оазисы среди громадныхъ пространствъ, населенныхъ дикими и полудикими народами, со стороны которыхъ всегда этимъ странамъ грозили опустошительныя нашествія. Послѣднія нерѣдко сопровождались настоящими катастрофами, которыя въ лучшемъ случаѣ только задерживали дальнѣйшее развитіе цивилизаціи, а иногда и прямо уничтожали бо̀льшую часть сдѣланныхъ успѣховъ. Уже древнему Египту приходилось постоянно обороняться отъ сосѣднихъ кочевниковъ, дѣлавшихъ на него нашествія; за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. такіе кочевники (гиксы) долгое время даже владѣли Египтомъ. Извѣстны также скиѳскія нашествія на Азію. Не менѣе варваровъ губили цивилизацію и международныя войны съ завоевательными цѣлями. Въ исторіи паденія античной цивилизаціи весьма важную роль играли также нашествія варварскихъ народовъ, часть которыхъ даже разрушила Римскую имперію. Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій для исторіи цивилизаціи на востокѣ Европы были постоянныя нашествія на нее азіатскихъ кочевыхъ народовъ (напр., завоеваніе Россіи монголами и Балканскаго полуострова—турками). Западная Европа и была въ томъ отношеніи счастливѣе восточной, что была ограждена отъ подобнаго рода нашествій, хотя тоже подвергалась имъ въ первую половину среднихъ вѣковъ. Вотъ почему съ всемірно-исторической точки зрѣнія имѣетъ весьма важное значеніе та борьба между цивилизаціей и варварствомъ, которую мы наблюдаемъ нерѣдко въ исторіи международныхъ войнъ. Чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливаются условія прочности цивилизаціи. Въ настоящее время образованныя страны уже не представляютъ изъ себя немногихъ оазисовъ среди культурной пустыни, и варварство все болѣе и болѣе отступаетъ передъ цивилизаціей. Съ другой стороны, съ улучшеніемъ политическаго, юридическаго и экономическаго положенія народныхъ массъ, съ распространеніемъ между ними образованія, цивилизація болѣе обезпечена и отъ внутреннихъ катастрофъ.

13. Этому упроченію внѣшнихъ и внутреннихъ условій цивили-

заціи въ исторіи самого прогресса соотвѣтствуетъ и большее совершенство новой цивилизаціи сравнительно съ прежними. Не говоря уже объ успѣхахъ знаній и техническихъ изобрѣтеній, сказывающихся на всей нашей духовной и матеріальной жизни, главное различіе заключается въ большемъ развитіи и большей самостоятельности человѣческой личности. Въ древнихъ восточныхъ царствахъ, какъ и теперь еще на Востокѣ, человѣкъ былъ порабощенъ всецѣло религіознымъ догматизмомъ и политическимъ деспотизмомъ. Впервые въ Европѣ, у грековъ возникла самостоятельная философія и свободное государство, заключающія въ себѣ принципъ культурнаго развитія и лучшаго соціальнаго положенія человѣческой личности. Какъ ни различны были въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ судьбы прогресса, скольким бы случайностямъ онъ ни подвергался, какъ бы односторонне онъ ни совершался, сколько бы, наконецъ, ни было въ его исторіи возвращеній вспять,—въ общемъ ходъ всемірной цивилизаціи былъ прогрессивный. Наука и основанная на наукѣ техника постепенно вытѣсняли миѳическія представленія о мірѣ и магическіе способы воздѣйствія на природу. Рядомъ съ этимъ совершался и моральный прогрессъ человѣчества отъ того полуживотнаго состоянія, въ какомъ жилъ первобытный человѣкъ. Постепенная замѣна древняго рабства средневѣковымъ крѣпостничествомъ и совершившееся въ новое время освобожденіе народной массы отъ юридической неволи представляютъ изъ себя весьма видную сторону прогресса соціальнаго. Къ сожалѣнію, исторія прогресса даже въ Европѣ, гдѣ жизнь создала для него новыя условія, шла въ высшей степени неравномѣрно. За временами болѣе быстраго движенія впередъ слѣдовали періоды застоя и возвращенія назадъ. Въ общемъ, однако, европейская цивилизація тѣмъ именно и отличается отъ цивилизацій внѣевропейскихъ, что съ самаго начала давала болѣе широкій просторъ личности и болѣе содѣйствовала ея свободному и самостоятельному развитію.

Въ такомъ видѣ представляется намъ всемірная исторія съ наиболѣе общихъ точекъ зрѣнія. Нужно еще прибавить, что обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую имѣетъ ближайшее отношеніе лишь къ Западной Европѣ, теперешніе народы которой назвали всѣ времена, предшествовавшія началу ихъ исторіи, древностью, а свою собственную исторію раздѣлили на двѣ части, назвавъ послѣдніе четыре вѣка новымъ временемъ, а первыя тысячелѣтія, какъ нѣчто промежуточное между древностью и новою исторіей, средними вѣками. Хотя такое дѣленіе не имѣетъ никакого смысла по отношенію къ другимъ историческимъ мірамъ, однако, оно удержалось и часто можно встрѣчать выраженія въ родѣ „средневѣкового Китая“, „средневѣковой Индіи“ и т. п.

ГЛАВА I.

Государства и народы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

14. Внѣшній остовъ всемірной исторіи представляетъ изъ себя исторія взаимоотношеній и послѣдовательности государствъ и народовъ, которую мы и прослѣдимъ въ этой главѣ, съ тѣмъ бóльшими подробностями, чѣмъ ближе будемъ подходить къ нашему времени, такъ какъ этотъ очеркъ долженъ помочь оріентироваться въ вопросѣ, какъ создалось современное состояніе міра, изучаемое географіей въ широкомъ смыслѣ слова.

Первымъ государствомъ, выступившимъ на поприще крупной завоевательной политики былъ Египетъ, цари котораго еще за XVII в. до Р. Х. стали предпринимать походы въ Сирію и Месопотамію, и было время, когда Ассирія должна была подчиняться фараонамъ. Впослѣдствіи роли перемѣнились, и завоевательною державою сдѣлалась Ассирія, временно (въ концѣ VIII в. и въ теченіе большей части VII) господствовавшая въ самомъ Египтѣ. Во взаимныя отношенія Египта и Ассиріи были втянуты лежавшая между ними Сирія съ Палестиной и Финикіей, а кромѣ того, Египетъ распространялъ свою власть уже въ XIV в. на сѣверный берегъ Африки, а Ассирія въ VII в. владѣла, кромѣ всей Месопотаміи, восточной частью Малой Азіи, Арменіей, Мидіей и Сѣверной Аравіей.

Послѣ ассирійцевъ господство надъ этой обширной территоріей перешло въ VI в. къ персамъ, которые еще болѣе расширили свои предѣлы до Инда на востокѣ и на значительную часть Балканскаго полуострова на западѣ [1]).

---

[1]) Др. И., §§ 47—49. Карты V и VII.

15. Персидское господство надъ древнимъ Востокомъ продолжалось два столѣтія, и какъ-разъ въ это время на сцену всемірной исторіи выступили греки, успѣвшіе къ этому времени покрыть своими колоніями берега Средиземнаго и даже Чернаго съ Азовскимъ морей. Персамъ удалось подчинить себѣ грековъ, жившихъ въ Малой Азіи, но въ Европѣ въ V в. персы встрѣтили сопротивленіе, окончившееся ихъ пораженіемъ. Европейскіе греки сохранили независимость, и даже на время имъ удалось освободить своихъ мало-азіатскихъ соплеменниковъ [1]). Междоусобія, происходившія въ греческомъ мірѣ, позволили, однако, персамъ въ первой половинѣ IV в. вернуть греческія колоніи подъ свою власть [2]), а въ серединѣ того же столѣтія и сама европейская Греція была завоевана Македоніей, [3]) вскорѣ послѣ чего соединенными греко-македонскими силами была покорена и вся Персидская монархія [4]). Такимъ образомъ персидское владычество смѣнилось къ концу IV в. греко-македонскимъ, но новымъ господамъ древняго міра не удалось удержать единство созданной персами міровой державы, и она около 300 г. распалась на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ [5]).

16. Въ эту эпоху греко-персидсихъ отношеній въ западной части Средиземнаго моря шла борьба между карѳагенянами и сицилійскими греками [6]), но и тѣ, и другіе должны были уступить свои позиціи болѣе молодому народу завоевателей, римлянамъ, которые въ III и II вв. овладѣли всей Италіей, Сициліей и другими островами западной части Средиземнаго моря и самимъ Карѳагеномъ со всѣми его землями въ Африкѣ и въ Европѣ, между прочимъ Испаніею [7]). Распространивъ свою власть на Западѣ, Римъ тогда же, во II в. началъ подчиненіе своему господству Балканскаго полуострова, т. е. Македоніи и Греціи, и западныхъ частей бывшей Персидской, потомъ Македонской монархіи, именно Малой Азіи, Сиріи и Египта, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ расширять свои владѣнія и на Западѣ [8]).

Римская имперія превратила Средиземное море въ свое внутреннее озеро, объединивъ подъ одною властью всѣ страны, которыя лежали вокругъ него, но и въ эпоху наибольшихъ размѣровъ (во II в. по Р. Х.) ея граница на в. не заходила дальше Месопотаміи.

---

[1]) Др. И., §§ 122—129.
[2]) Др. И., §§ 176—180.
[3]) Др. И., §§ 185—187.
[4]) Др. И., §§ 193—195.
[5]) Др. И., §§ 199—200. Карта XI.
[6]) Др. И., § 254.
[7]) Др. И., §§ 251—253 и 256—261. Карты XIII, XIV, XV.
[8]) Др. И., §§ 262—263, 266, 268—271. Карта XVII.

Изъ-за Тигра и Евфрата Римская имперія подвергалась постояннымъ нападеніямъ со стороны парѳянъ, владѣвшихъ Ираномъ, но въ III в. по Р. Х. уступившихъ господство надъ нимъ персамъ (Ново-персидское царство), въ то самое время, какъ въ Европѣ на Рейнѣ и Дунаѣ Риму пришлось вести постоянную войну съ германцами [1]). Въ концѣ IV в. германскія племена начали вторгаться въ предѣлы Римской имперіи, между тѣмъ, какъ совершилось раздѣленіе самой имперіи на Восточную и Западную [2]).

17. Въ предѣлахъ общирной территоріи, бывшей исторической сценою древняго міра, происходило культурное взаимодѣйствіе населявшихъ эту территорію народовъ, благодаря торговымъ сношеніямъ, колонизаціи и образованію великихъ монархій, начиная съ древнихъ Египетскаго и Ассирійскаго царствъ и кончая объединеніемъ самой важной части всей этой исторической территоріи Римомъ. Особенное значеніе въ исторіи культурныхъ вліяній играли финикійскіе и греческіе купцы и колонизаторы, македонскіе и римскіе завоеватели [3]). Къ началу христіанской эры въ большей части древняго міра, вокругъ Средиземнаго моря, господствовала общая греко-римская образованность, и рядомъ съ объединеніемъ всего свободнаго населенія Римской Имперіи въ правахъ гражданства [4]) совершалось установленіе въ религіозной жизни имперіи духовнаго единства, выразившагося въ торжествѣ христіанства надъ язычествомъ [5]).

18. Это политическое и гражданское, культурное и религіозное объединеніе древняго міра не удержалось. Съ одной стороны, произошло распаденіе греко-римскаго единства на эллинизированный Востокъ и на романизированный Западъ, съ другой, и Востокъ, и Западъ подверглись нашествію варварскихъ народовъ, которые отторгли отъ Римской имперіи цѣлыя провинціи, основали въ нихъ свои государства, а въ азіатскихъ и африканскихъ владѣніяхъ имперіи утвердили даже господство новой религіи, враждебной христіанству. Съ другой стороны, однако, эти же новые народы начали свою историческую жизнь подъ вліяніемъ античной цивилизаціи.

19. Эллинизація Востока, т.-е. распространеніе въ областяхъ прежней Персидской монархіи греческой культуры началась еще за триста лѣтъ до Р. Х. [6]), и параллельно съ нею совершалась нѣ-

---

[1]) Др. И., §§ 313—319. Карта XVIII.
[2]) Др. И., §§ 356 и 363—364. Карта XIX и И. ср. вв., карта I.
[3]) Др. И., §§ 32, 84—85 и 91. Карты VIII и X.
[4]) Др. И., §§ 334.
[5]) Др. И., §§ 353. И. ср. вв., карта V.
[6]) Др. И., § 201.

сколько позже начавшаяся романизація Запада [1]). Эллинизированный Востокъ и романизированный Западъ въ концѣ IV в. по Р. Х. разъединились между собою и политически, и единая имперія распалась на двѣ. Въ провинціяхъ западной ея части въ V в. образовались новыя государства, основанныя разными германскими племенами, а въ концѣ этого столѣтія и совсѣмъ прекратила свое существованіе Западная Римская имперія. Попытка, сдѣланная въ VI в. Восточной Римской имперіей возстановить власть имперіи на Западѣ не увѣнчалась успѣхомъ, и раздѣленіе Востока и Запада сдѣлалось окончательнымъ, причемъ и судьбы ихъ были разными. Въ то время, какъ на Западѣ имперія пала, и на ея развалинахъ основались германскія государства, Восточная Римская Имперія, или Византійская тоже вынуждена была вести тяжелую борьбу съ напиравшими на нее варварами—въ Азіи съ персами, въ Европѣ со славянами [2]). Политическое разъединеніе Востока и Запада, сопровождавшееся въ дальнѣйшей исторіи различіемъ историческихъ судебъ, завершилось въ IX—XI вв. и религіознымъ раздѣленіемъ греческой и римской церквей [3]).

20. Въ этотъ періодъ исторіи произошло новое религіозное и политическое объединеніе азіатскихъ и африканскихъ областей прежней Римской имперіи въ исламѣ и халифатѣ. Въ VII в. на сцену выступилъ новый народъ, арабы, завоевавшій въ сравнительно короткое время Персидское царство, часть азіатскихъ и всѣ африканскія владѣнія Византіи, а въ Европѣ (въ началѣ VIII в.) Испанію. Сирія, Египетъ, старая Карѳагенская область были навѣки отторгнуты отъ христіанскаго міра, и такимъ образомъ возникъ рядомъ съ нимъ могущественный міръ мусульманскій отъ Атлантическаго океана до Инда [4]). Но одновременно съ этимъ и въ Западной Европѣ произошло на время объединеніе бо́льшей части бывшихъ римскихъ провинцій и новыхъ обширныхъ территорій за Рейномъ и верхнимъ теченіемъ Дуная въ одну монархію, созданную германскимъ народомъ франками [5]). Правда, это единство было непродолжительнымъ, и возстановленная въ 800 г. Западная Римская имперія распалась, но зато въ слѣдующемъ столѣтіи весь романо-германскій Западъ объединился подъ духовною властью папства [6]). Идея Римской имперіи тѣмъ не менѣе не умирала на Западѣ, и въ серединѣ X в. произошло

[1]) Др. И. § 319. Карта XIX.
[2]) И. ср. вв., §§ 1—14. Карта III.
[3]) И. ср. вв., §§ 22 и 111—113. Карта VI.
[4]) И. ср. вв., §§ 55—59. Карта XV.
[5]) И. ср. вв., §§ 67—72. Карта IV.
[6]) И. ср. вв., §§ 76—77.

новое, хотя и чисто номинальное ея возстановленіе, причемъ главною ея опорою сдѣлалась Германія [1]).

21. Такимъ образомъ въ первый періодъ средневѣковой исторіи всѣ страны, входившія въ составъ Римской имперіи, распредѣлились между тремя культурными мірами: 1) западно-европейскимъ или католическимъ, 2) восточно-европейскимъ или православнымъ и 3) мусульманскимъ, азіатско-африканскимъ [2]). Всѣ эти три міра расширили свои предѣлы, подчинивши своему вліянію и пріобщивъ ко всемірной исторіи новые народы и новыя земли, до того стоявшіе въ сторонѣ отъ общей исторической жизни. Это пріобщеніе совершалось путемъ завоеваній и распространенія христіанства въ Европѣ и ислама въ Азіи и Африкѣ.

22. Въ Европѣ въ составъ западнаго, католическаго міра вошли народы германскаго происхожденія и часть народовъ происхожденія славянскаго, къ Византіи же примкнула другая часть славянъ, принявшая восточное православіе [3]). И въ западной, и въ восточной половинахъ Европы принадлежность къ православію или къ католицизму рѣшала вопросъ о дальнѣйшемъ культурномъ развитіи. Принадлежность къ исламу въ культурномъ отношеніи объединяла и народы, входившіе въ составъ халифата даже послѣ того, какъ и онъ политически распался. Въ числѣ народовъ, принявшихъ мусульманство были и турки, къ которымъ послѣ распаденія халифата перешла отъ арабовъ первенствующая роль въ магометанскомъ мірѣ [4]).

23. Исламъ съ самаго начала получилъ значеніе силы, враждебной христіанству, и какъ въ Азіи, по отношенію къ Византіи, такъ и въ Европѣ, по отношенію къ южнымъ ея странамъ, мусульмане начали чисто наступательную политику. Борьба христіанской Европы съ магометанскимъ міромъ сдѣлалась однимъ изъ крупныхъ всемірно-историческихъ фактовъ средневѣковой и новой исторіи [5]). Крестовые походы, продолжавшіеся около двухъ вѣковъ (съ конца XI до конца XIII в.) являются лишь эпизодомъ этой борьбы. Въ нихъ участвовала главнымъ образомъ Западная Европа, но ими задѣта была и Византія, черезъ владѣнія которой двигались въ Азію крестоносцы и которая въ первой половинѣ XIII в. даже около полустолѣтія находилась подъ властью западныхъ завоевателей. Самые крестовые походы вызваны были отчасти просьбами Византіи о помощи противъ тѣсни-

---

[1]) И. ср. вв., § 119.

[2]) И. ср. вв., § 261. О мусульманскомъ мірѣ §§ 45—57.

[3]) И. ср. вв., §§ 105—106.

[4]) И. ср. вв., §§ 109—110.

[5]) И. ср. вв., § 57—58, 137, 139—142, 145—147, 150—152, 193—196. Н. И., §§ 60, 162, 318—319, 339—340.

шихъ ее турокъ. Своей цѣли, отвоеванія у мусульманъ Палестины, крестовые походы не достигли, и однимъ изъ ихъ результатовъ было то, что они ослабили Византію и, такъ сказать, раздразнили турокъ [1]). Въ этихъ міровыхъ событіяхъ славянскіе народы не принимали участія. Въ жизни молодыхъ славянскихъ государствъ это была эпоха внутреннихъ раздоровъ и общаго ослабленія, позволявшихъ сосѣдямъ подчинять ихъ своему вліянію и власти [2]).

24. Въ то время, какъ подходили къ концу крестовые походы, въ Азіи появился еще одинъ народъ завоевателей, монголы, которые въ XIII в. покорили громадныя пространства въ Азіи и значительную часть Восточной Европы, основавъ въ нѣсколько десятилѣтій одну изъ величайшихъ въ мірѣ имперій, не отличавшуюся, впрочемъ, большою прочностью. Въ составъ ея входили изъ теперешнихъ странъ южная часть Сибири, Китай, Тибетъ, Средняя Азія, Иранъ и бóльшая часть Передней Азіи, а въ Европѣ почти вся восточная Россія. Это было усиленіемъ мусульманскаго міра, такъ какъ вскорѣ послѣ своего выступленія на историческую сцену монголы приняли исламъ. Турки и монголы, между которыми въ началѣ XV в. произошло въ Азіи грандіозное столкновеніе, сдѣлались силою, весьма опасною для Восточной Европы. Съ середины XIII до конца XV в. бóльшая часть Руси томилась подъ монгольскимъ игомъ, а съ середины XIV в. турки стали утверждаться на Балканскомъ полуостровѣ, подчинили себѣ въ концѣ этого столѣтія жившихъ тамъ славянъ, а въ серединѣ слѣдующаго вѣка положили конецъ и Византійской имперіи. Въ XVI в. въ составъ Турецкой имперіи, начавшей угрожать и Западной Европѣ, входили—въ Азіи Малая Азія, Сирія, Арменія, все теченіе Тигра и Евфрата и т. д., въ Африкѣ—Египетъ и вассальныя государства Триполи и Тунисъ, а въ Европѣ, весь Балканскій полуостровъ и, какъ вассальныя земли, бóльшая часть Венгріи, теперешняя Румынія, Бессарабія и ханство Крымское [3]).

25. Со времени перехода первенства въ магометанскомъ мірѣ отъ арабовъ къ монголамъ и туркамъ онъ все болѣе и болѣе сталъ падать въ культурномъ отношеніи, и завоеваніе этими двумя народами, въ XIII — XV вв., большей части греко-славянскаго міра, конечно, не могло способствовать его преуспѣянію. Наоборотъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ европейскій Западъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ на пути культурнаго развитія, и въ дальнѣйшей исторіи передовая роль стала принадлежать романо-германскимъ народамъ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ всемірно-историческихъ явленій уже въ самомъ на-

[1]) И. ср. вв., §§ 137, 139—152. Карта XVII.
[2]) И. ср. вв., §§ 189—191.
[3]) И. ср. вв., §§ 194—197. Карты XVIII, XX и XXI.

чалѣ новой исторіи было открытіе западными народами Новаго Свѣта и новыхъ путей въ наиболѣе отдаленныя страны Стараго Свѣта. Въ эпоху финикійской и греческой колонизаціи и римскихъ завоеваній, а потомъ и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ водными путями сообщенія были лишь такія внутреннія моря, какъ Средиземное съ Адріатическимъ и Чернымъ, позднѣе еще Нѣмецкое и Балтійское, вокругъ которыхъ и происходило взаимодѣйствіе народовъ и культуръ. Со времени открытія Америки и морского пути въ Индію завоеваны были европейцами для международныхъ сношеній цѣлые громадные океаны, и отдѣльныя націи Запада начали свою колонизаціонную, завоевательную и торговую дѣятельность въ другихъ частяхъ свѣта, что совершило цѣлый переворотъ въ исторической жизни всего человѣчества [1]).

26. Европейцы въ теченіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ (съ конца XV) не только открыли новые материки Америки и Австраліи и массу невѣданныхъ раньше острововъ, но и заселили ихъ своими колонистами, насадивъ въ новыхъ странахъ и свою культуру. Въ Азіи западныя націи тоже завели свои колоніи, покорили громадныя территоріи и подчинили своему политическому вліянію цѣлыя большія государства, вслѣдствіе чего, конечно, открытъ былъ путь и для вліянія европейской цивилизаціи на старыя историческія націи. Въ XIX в. и Африка подверглась своеобразному „раздѣлу“ между колоніальными государствами Запада. Въ то время, какъ западные народы такимъ образомъ расширяли свое господство и вліяніе въ другихъ частяхъ свѣта, мусульманскій міръ сталъ терять многія свои прежнія позиціи. Въ концѣ XV в. Россія освободилась отъ монгольскаго ига и въ слѣдующемъ столѣтіи начала свое движеніе на Востокъ, въ страны, гдѣ прежде господствовало магометанство, и въ распространеніи своихъ владѣній дошла до Великаго океана, Китая, сѣверныхъ границъ Индіи и т. д. Грозная Турецкая имперія мало-по-малу распалась, и въ XIX в. на ея развалинахъ возникло нѣсколько христіанскихъ государствъ. Наконецъ, многія европейскія державы въ настоящее время насчитываютъ среди своихъ подданныхъ громадное количество мусульманъ. Весь земной шаръ втянутъ теперь въ систему сложныхъ историческихъ взаимоотношеній политическаго, экономическаго и культурнаго характера, и въ настоящее время можетъ уже идти рѣчь о дѣйствительно міровой политикѣ или міровой торговлѣ, о всемірномъ значеніи европейской цивилизаціи, которая не только господствуетъ у всѣхъ народовъ христіанскаго міра, но оказываетъ вліяніе свое и на иные историческіе міры,

---

[1]) Н. И., §§ 2—5, 11 и 15.

не только на міръ мусульманскій, который всегда жилъ въ большемъ или меньшемъ соприкосновеніи съ Европою, но и на очень старыя историческія страны, жившія всегда особнякомъ, на Индію и Китай съ Японіей [1]).

27. Въ новое время въ общій ходъ всемірной исторіи, опредѣляемый главнымъ образомъ европейскими народами, втянуты были и эти двѣ древнія страны — Индія и Китай, мало участвовавшія въ главномъ историческомъ движеніи. Индія и въ особенности Китай, отдѣленные отъ главной сцены всемірной исторіи пустынями и горами, образовали какъ бы два особыхъ историческихъ міра съ совершенно самостоятельной и притомъ очень древней цивилизаціей [2]). Если изъ семитическихъ Іудеи и Аравіи вышли христіанство и исламъ, далеко распространившіеся, въ качествѣ міровыхъ религій, за предѣлы семитическаго племени, то Индія была родиной буддизма, третьей міровой религіи, послѣдователей которой мы встрѣчаемъ, внѣ самой Индіи, на широкомъ пространствѣ отъ сопредѣльныхъ областей Сибири и Монголіи до острова Цейлона и Сіама и отъ Восточнаго океана до береговъ нижней Волги, такъ что въ эту территорію входитъ и Китай, выработавшій и свои собственныя религіозныя системы [3]).

28. Бо́льшая близость Индіи къ главной сценѣ всемірной исторіи была причиной того, что эта обширная и населенная страна съ весьма своеобразною культурою все-таки чаще приходила въ соприкосновеніе съ ближайшимъ къ намъ Востокомъ. Западная окраина Индіи входила въ составъ и Персидской, и Македонской монархіи, и Бактрійскаго царства, но бо́льшая и притомъ самая важная часть Индіи оставалась совершенно въ сторонѣ отъ непосредственнаго персидскаго и греческаго вліянія [4]). Греческое владычество въ западной окраинѣ Индіи продолжалось около двухъ вѣковъ. Другимъ періодомъ иноземнаго нашестія на Индію съ Запада было появленіе въ ней магометанскихъ завоевателей, безъ прочныхъ результатовъ въ VII в., болѣе частое и настойчивое съ VIII в., пока въ концѣ X в. имъ не удается упрочиться въ сѣверной части Индіи [5]). Магометанскія нашествія совершались со стороны Ирана. Въ XIII в. начались набѣги на Индію монголовъ, продолжавшіеся и въ XIV в. [6]), а въ XVI в. въ Индіи даже основалось могущественное мусульманское

[1]) Н. И., §§ 342—350.
[2]) Др. И., § 16. Карта I.
[3]) Др. И., § 43.
[4]) Др. И., §§ 49, 195 и 200—201.
[5]) И. ср. вв., § 110.
[6]) И. ср. вв., § 195.

царство Великихъ Моголовъ, которое распалось только въ серединѣ XVIII в. [1]).

29. Еще въ глубокой древности установилось нѣсколько торговыхъ путей между странами, окружавшими Средиземное море, съ Индіей — моремъ изъ Персидскаго залива къ западному ея берегу, для каравановъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей въ бассейны Окса и Яксарта и верхняго Инда [2]). Открытіе, въ концѣ XV в., морского пути въ Индію, вокругъ Африки [3]), облегчило сношенія съ Индіей западно-европейскихъ народовъ, которые и стали въ ней заводить въ XVI в. свои факторіи и колоніи. Въ серединѣ XVIII в., въ эпоху распаденія имперіи Великихъ Моголовъ, Индія сдѣлалась легкою добычею для завоеванія, къ которому стали одинаково стремиться и французы, и англичане. Побѣда въ концѣ концовъ осталась на сторонѣ англичанъ, и въ XIX в. уже вся Индія вошла въ составъ Британской колоніальной имперіи [4]). Такимъ образомъ Индія трижды входила въ единеніе съ остальнымъ міромъ: въ персидско-греческую эпоху въ древности, въ мусульманско-монгольскую эпоху въ средніе вѣка и въ эпоху западно-европейской колоніальной политики въ новое время.

30. Еще обособленнѣе стоитъ во всемірной исторіи Китай, имѣющій очень длинное прошлое. Теперешняя Китайская имперія складывалась, по крайней мѣрѣ, два тысячелѣтія, а начало китайской культуры и того еще древнѣе. Несмотря, однако, на свою изолированность отъ остального міра, и Китай подвергался внѣшнимъ вліяніямъ. Въ немъ распространился буддизмъ, получившій особое развитіе въ Тибетѣ, гдѣ онъ сталъ утверждаться въ серединѣ VII в. по Р. Х. [5]). Въ XIII в. Китай подвергся монгольскому завоеванію [6]), а какъ это, такъ и завоеванія самихъ китайцевъ на западѣ привело ихъ въ соприкосновеніе съ мусульманскимъ міромъ [7]). Непосредственныя сношенія европейцевъ морскимъ путемъ стали устанавливаться лишь въ началѣ XVI в., т. е. послѣ открытія морского пути въ Индію, но до середины XIX в. китайское правительство всячески ограждало свою страну отъ посѣщенія иностранцевъ. Только во второй половинѣ минувшаго вѣка Китай вошелъ въ болѣе дѣятельныя сношенія съ

---

[1]) Н. И., § 345.
[2]) И. ср. вв., § 261.
[3]) Н. И. § 7. Карта XVII.
[4]) Н. И. § 345. Карта XIX.
[5]) Др. И., приложенія, стр. 296.
[6]) И. ср. вв., § 195. Карта XVIII.
[7]) Въ Восточномъ Туркестанѣ мусульманство вытѣснило буддизмъ еще въ VIII—X вв.

Европой, отдѣльныя націи которой начали въ концѣ XIX столѣтія размежевывать въ немъ между собою „сферы вліянія". Въ 1900—1901 у Китая вышло вооруженное столкновеніе съ соединенной Европой. Изолированности Небесной имперіи насталъ конецъ [1]). Особенно сильно сказалось европейское вліяніе на Японіи, которая заимствовала свою образованность первоначально изъ Китая.

31. И Индія, и Китай такимъ образомъ, отрѣзанные отъ остального міра, тѣмъ не менѣе приходили съ нимъ въ соприкосновеніе, причемъ одинаково испытывали культурное вліяніе со стороны ближайшаго къ нимъ Запада (греческое вліяніе черезъ Бактрійское царство въ Индіи и буддистское черезъ Тибетъ въ Китаѣ), одинаково подвергались монгольскому завоеванію и, наконецъ, одинаково сдѣлались доступными для европейскихъ народовъ послѣ открытія пути изъ Атлантическаго въ Индійскій и Великій океаны. Съ другой стороны, завоеваніе Россіей Сѣверной и Средней Азіи поставило Китай и Индію въ непосредственное сосѣдство съ европейской цивилизаціей и по сухопутнымъ границамъ [2]).

32. Исторія Европы начинается на двухъ южныхъ ея полуостровахъ Балканскомъ и Апеннинскомъ, въ Греціи и въ Италіи, среди населявшихъ ихъ арійскихъ племенъ и подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Востока. Изъ этихъ двухъ странъ цивилизація постепенно распространялась на сѣверъ [3]). Первыми ея распространителями какъ на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, такъ и далѣе по берегамъ не только Мраморнаго, но и Чернаго и даже Азовскаго морей, т. е. въ Скиѳіи (теперешней Южной Россіи) явились греки, основавшіе здѣсь рядъ колоній [4]). Между прочимъ, греческому вліянію черезъ эти колоніи мало-по-малу подчинилась на с. Балканскаго полуострова та самая Македонія, которая въ IV в. до Р. X. завоевала и Грецію [5]), а потомъ вмѣстѣ съ греками — Персидскую монархію. Кромѣ того, по обѣ стороны Керченскаго пролива въ эпоху войнъ грековъ съ персами существовало греко-скиѳское царство Босфорское [6]), одно время господствовавшее на Черномъ морѣ.

33. Въ западной части европейскаго Юга утвердилась власть Рима. Объединивъ за два съ половиною вѣка до Р. X. почти всю Италію, на югѣ которой было много греческихъ колоній,—римляне послѣ упорной борьбы съ Карѳагеномъ сдѣлались господами всей

---

[1]) Н. И., § 347.
[2]) Н. И., § 346.
[3]) Др. И., §§ 53, 64 и 66.
[4]) Др. И., § 89. Карта X.
[5]) Др. И., §§ 183 и 186—187.
[6]) Др. И., § 266.

западной части Средиземнаго моря, овладѣвъ Сициліей, Сардиніей, Корсикой, Испаніей, а потомъ и самимъ Карѳагеномъ. Въ эту же эпоху, т. е. въ III и II вв. до Р. Х., римляне утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, сначала занявъ часть Иллиріи, а потомъ завоевавъ Македонію и Грецію. Вскорѣ началось и завоеваніе Галліи, окончившееся въ I в. [1]). Въ Сѣверной Италіи, въ Испаніи и въ Галліи римляне нашли главнымъ образомъ кельтское населеніе, которое мало-по-малу романизировалось [2]). Въ эпоху имперіи границами римскихъ владѣній на сѣверѣ были Дунай и Рейнъ. Босфорское царство также подчинилось Риму, а самымъ сѣвернымъ европейскимъ владѣніемъ на сѣверѣ была Британнія [3]).

34. Римляне пытались съ I в. по Р. Х. утвердить свою власть и по другую сторону обѣихъ большихъ рѣкъ, за которыми они встрѣтились съ цѣлымъ міромъ германскихъ племенъ. Здѣсь они одно время владѣли цѣлою областью между верхними теченіями Рейна и Дуная (Десятинный край, теперь Баденъ и часть Вюртемберга), а за нижнимъ Дунаемъ — Дакіей (теперешняя Румынія, Бессарабія и Трансильванія), которую успѣли даже прочно романизировать. Когда германцы, съ которыми шла борьба на Рейнѣ и Дунаѣ, стали особенно сильно напирать на имперію, эти два владѣнія прежде всего были отъ нея отторгнуты, именно еще въ III в. по Р. Х. Въ первые вѣка христіанской эры линія, которую мы могли бы провести съ с.-з. на ю.-в. отъ теперешней границы между Англіей и Шотландіей черезъ устье Рейна къ устью Дуная, дѣлила Европу на двѣ части: культурныя области, входившія въ составъ Римской имперіи, и міръ варварскихъ народовъ. Въ это время вся полоса между Нѣмецкимъ и Чернымъ морями на с.-в. отъ линіи Рейна и Дуная была занята германскими племенами. Они отдѣляли отъ культурныхъ областей народы славянскаго, литовскаго и финскаго происхожденія [4]).

35. Послѣ раздѣленія Римской имперіи на Восточную и Западную всѣ романизированныя провинціи Западной имперіи сдѣлались добычею разныхъ германскихъ племенъ, основавшихъ здѣсь свои государства, откуда мало-по-малу римская культура вмѣстѣ съ христіанствомъ проникла и къ тѣмъ германцамъ, которые оставались жить за Рейномъ и Дунаемъ. Нѣсколько позднѣе на Византійскую имперію стали нападать славяне, которымъ тоже удалось основать въ нѣкоторыхъ ея областяхъ свои царства, тогда какъ другая ихъ часть, не переселяясь въ предѣлы имперіи, тоже заимствовала ихъ

[1]) Др. И., §§ 249, 251—254, 256—263 и 269.

[2]) Др. И., § 319.

[3]) Др. И., §§ 271, 317. Карты XVII—XIX.

[4]) Др. И., §§ 313—314, 317—318. И. ср. вв., карта I.

культуру. Въ средніе вѣка и новое время въ Западной Европѣ мы имѣемъ дѣло съ народами романскими и германскими, въ Восточной—съ византійскими греками и славянами; въ религіозномъ отношеніи первыя двѣ группы и одна часть славянъ принадлежатъ къ римской церкви, а другая часть славянъ съ греками—къ греческой.

Романо-германскій міръ составилъ въ Европѣ одно историческое цѣлое, притомъ гораздо болѣе объединенное, нежели другой міръ, греко-славянскій, въ которомъ было гораздо меньше общей жизни, благодаря его большей географической разбросанности. Въ составъ перваго изъ этихъ двухъ историческихъ міровъ входятъ главнымъ образомъ націи романскія (итальянцы, французы, испанцы съ португальцами) и германскія(нѣмцы, голландцы, англичане, скандинавскіе народы), къ которымъ примкнули изъ славянъ чехи, поляки, хорваты, а изъ второстепенныхъ, неарійскихъ народностей мадьяры и часть финновъ. Рѣзкую культурную границу между обоими мірами провело раздѣленіе вселенской церкви въ Европѣ на два вѣроисповѣданія, ставшія во враждебныя отношенія одно къ другому. Во вторую половину среднихъ вѣковъ возвысились два государства, которыя, принадлежа къ западной культурѣ, въ то же время по своему географическому положенію и историческимъ связямъ должны были стать въ болѣе близкія отношенія къ Востоку. Мы имѣемъ въ виду Польшу и Венгрію. Что касается до греко-славянскаго міра, то завоеваніе южной его части турками въ концѣ среднихъ вѣковъ и возвышеніе въ сѣверной его части въ новое время Россіи составляютъ самые главные факты въ историческихъ судьбахъ этого міра.

36. Въ V и VI в. въ отдѣльныхъ областяхъ Западной Римской имперіи образовалось нѣсколько германскихъ государствъ, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ королевства вестъ-готовъ въ Испаніи, франковъ въ Галліи, остъ-готовъ, а послѣ нихъ лангобардовъ въ Италіи и англо-саксовъ въ Британніи, причемъ изъ смѣшенія пришельцевъ съ романизированнымъ населеніемъ большей части этихъ странъ и произошли современныя романскія націи. Изъ всѣхъ этихъ государствъ наиболѣе важное значеніе принадлежитъ франкскому. Господство вестъ-готовъ въ Испаніи и лангобардовъ, смѣнившихъ остъ-готовъ, въ Италіи было непрочнымъ, тогда какъ франки не только утвердились въ Галліи, но постепенно распространили свою власть и внѣ этой страны. Въ концѣ VIII и началѣ IX в. въ составъ Франкской державы входили, кромѣ Галліи, часть Испаніи, Сѣверная и Средняя Италія и Германія до Эльбы; вдобавокъ и самые западные славяне должны были подчиниться вліянію этой громадной державы, которая какъ-бы возстановила всю Западную Римскую имперію. Существованіе ея, однако, было непродолжительно,

и въ серединѣ IX в. она распалась на три національныя государства: Италію, Францію и Германію. Тѣмъ не менѣе эта имперія снова объединила Западную Европу въ одно цѣлое, и возстановленная Западная Римская имперія и впредь считалась не прекратившей своего существованія [1]). Объединеніе западно-европейскихъ національныхъ церквей подъ главенствомъ папы въ серединѣ IX в. еще болѣе скрѣпляло это единство [2]). Изъ всѣхъ государствъ, выдѣлившихся въ то время изъ монархіи Карла Великаго, главное значеніе получила Германія. Въ ея составъ вошли на з. восточныя области Галліи съ ихъ романскимъ населеніемъ, на ю. значительная часть Италіи, на в. западная окраина славянскаго міра, а кромѣ того, съ середины X в. германскіе короли сдѣлались „римскими императорами", сама же эта монархія носила названіе Священной Римской имперіи германской націи [3]).

37. Въ періодъ, слѣдовавшій за распаденіемъ Франкской державы на Италію, Францію и Германію, на эти три страны, изъ которыхъ каждая стала распадаться на отдѣльныя княжества [4]), начали нападать со всѣхъ сторонъ грозные враги: норманны (скандинавы), даже основавшіеся въ предѣлахъ Германіи и Франціи, на морскомъ берегу, сарацины (магометане), овладѣвшіе Сициліей и даже проникшіе въ Южную Италію, и мадьяры, которые тревожили Германію съ востока и на ея границахъ основали свое королевство Венгрію (на мѣстѣ, гдѣ уже возникло первое большое государство западныхъ славянъ—Великая Моравія [5]). Офранцузившіеся норманны сѣверной Франціи въ XI в. отвоевали у сарациновъ Южную Италію и Сицилію, а кромѣ того, подчинили себѣ Англію, чѣмъ тѣснѣе связали эти страны съ остальнымъ западнымъ міромъ [6]), Венгрія же, принявшая около 1000 г. католицизмъ, получила особое значеніе въ жизни славянскаго міра, въ которомъ она тоже сдѣлалась проводницею западныхъ началъ. Нужно еще отмѣтить, что западная культура и въ частности германское вліяніе распространились въ эпоху крестовыхъ походовъ по всему южному побережью Балтійскаго моря, гдѣ среди финскихъ и литовскихъ племенъ въ началѣ XIII в. утвердились нѣмецкіе духовно-рыцарскіе ордена тевтоновъ и меченосцевъ. Вмѣстѣ съ германизаціей полабскихъ (пріэльбскихъ) и поморскихъ славянъ, это было

---

[1]) И. ср. вв., §§ 5, 8—19, 12, 31, 67—72. Карта VII.
[2]) И. ср. вв. 26, 60, 64, 75—77.
[3]) И. ср. вв., §§ 98—101, 107, 119, 131, 190.
[4]) И. ср. вв., §§ 94—95, 97 и 98. Карта VII.
[5]) И. ср. вв., §§ 102—104, 129 и 135. Карты XI—XII.
[6]) И. ср. вв., §§ 138, 176 и 178. Карта XVII.

началомъ нѣмецкаго „напора на Востокъ“ [1]). Къ западному же міру въ эти времена примкнули возникшія около 900 г. скандинавскія королевства: Норвегія, Данія и Швеція, принявшія католицизмъ между серединами X и XII вѣковъ. Шведы пріобщили къ западной церкви и культурѣ Финляндію, какъ поляки, тоже принявшіе католицизмъ,—Литву.

Таково было образованіе романскихъ и германскихъ націй Запада и возникновенія германскаго вліянія на восточныхъ сосѣдей. Представимъ такой же обзоръ греко-славянскаго Востока.

38. Сдѣланная въ VI в. Византіей попытка возстановить власть имперіи на Западѣ окончилась неудачею, и послѣ завоеванія лангобардами большей части Италіи (отвоеванной у вестъ-готовъ) у Византіи на Западѣ оставались лишь немногія части Италіи, да и тѣ были потомъ захвачены франками и сарацинами [2]). Въ послѣдующіе вѣка Византіи пришлось отстаивать собственныя свои области въ Европѣ отъ славянъ, массами вторгавшихся въ предѣлы имперіи, селившихся въ нихъ и даже основывавшихъ тамъ свои государства—Болгарское и Сербское, изъ которыхъ сначала одно (въ X в.), а потомъ другое (въ XIV в.) овладѣвало большею частью Балканскаго полуострова. Исторія Болгаріи и Сербіи, то представлявшихъ изъ себя византійскія провинціи, то бывшихъ самостоятельныя государства, тѣсно связана съ исторіей Византіи, и въ XIV—XV вв. какъ сама греческая имперія, такъ и славянскія государства Балканскаго полуострова были завоеваны турками [3]). Въ культурномъ отношеніи Византія оказала громадное вліяніе не только на южныхъ славянъ, но и на славянъ восточныхъ, т.-е. на Русь [4]).

39. Въ то время, какъ южные славяне политически и культурно примыкали къ Византіи, а восточные тоже подчинились ея культурному вліянію, западные славяне вошли въ сферу распространенія культуры западной, въ политическомъ же отношеніи вступили въ болѣе тѣсныя взаимоотношенія съ германскимъ міромъ [5]). Нѣмецкій „напоръ на Востокъ“ (Drang nach Osten) и борьба славянъ съ германизмомъ составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ средневѣковой и новой ихъ исторіи. Первое крупное славянское государство на Западѣ, Великая Моравія, принявшая изъ Германіи католицизмъ, встрѣтила вражду со стороны нѣмцевъ, которые и призвали въ IX в. противъ этой славянской державы мадьяровъ. Этотъ народъ основалъ въ пре-

---

[1]) И. ср. вв., §§ 190 и 192. Карта XIII.
[2]) И. ср. вв., §§ 11—12 и 69. Карты III и IV.
[3]) И. ср. вв., §§ 13, 105—107, 108, 189, 194 и 196. Карты XII, XIX и XX.
[4]) И. ср. вв., § 270.
[5]) И. ср. вв., §§ 127, 130, 189 и 242. Карты IV, VI, VII, XI—XIV.

дѣлахъ западно-славянскаго міра свое королевство, Венгрію, расширивъ уже къ началу XII в. его предѣлы до теперешнихъ и подчинивъ западному вліянію территорію, на которой жили народности, уже пріобщавшіяся къ византійской культурѣ и даже отчасти временно находившіяся въ политической зависимости отъ Константинополя (каковою была, напр., Хорватія [1]). Какую роль играло вѣроисповѣдное различіе, видно изъ того, что въ сущности одинъ и тотъ же народъ, одна часть котораго примкнула къ Риму, другая къ Византіи, сохраняя единство языка, распался на двѣ національности—хорватовъ и сербовъ.

40. Часть западныхъ (и южныхъ) славянъ вошла въ составъ Венгріи (словаки и хорваты), другая часть, именно полабскіе и поморскіе славяне, была завоевана Германіей и германизирована [2]), но двумъ западно-славянскимъ народностямъ—чехамъ и полякамъ—удалось основать свои государства. Чехія съ самаго начала государственнаго существованія подчинилась Германіи въ качествѣ вассальнаго княжества и приняла христіанство изъ Германіи же, такъ что, даже сдѣлавшись королевствомъ, Чехія продолжала входить въ составъ Священной Римской имперіи нѣмецкой націи, и ея короли въ XIV и XV вв. были даже римско-германскими императорами. Но между чехами и нѣмцами, въ большомъ количествѣ поселившимися въ странѣ, всегда существовалъ большой антагонизмъ [3]). Въ такія же отношенія къ германскому міру стала и Польша. Поляки приняли западное христіанство и одно время тоже находились въ вассальной зависимости отъ Германіи. Первоначально Польша стремилась овладѣть всѣмъ сѣверо-западнымъ угломъ славянскаго міра до самой Эльбы, но здѣсь она встрѣтилась съ нѣмецкимъ напоромъ на Востокъ и стала потомъ сама распространять свои владѣнія въ восточномъ же направленіи. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ польскаго государства, нѣмцы подчинили себѣ родственныхъ полякамъ полабскихъ и поморскихъ славянъ и сильно колонизировали города самой Польши. Возникновеніе нѣмецкихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря отрѣзывало Польшу отъ моря и отнимало у нея нижнее теченіе ея главной рѣки, Вислы, а тевтоны и прямо даже завладѣли частью самой польской территоріи. Соединеніе Польши въ концѣ XIV в. съ Литовско-русскимъ государствомъ значительно ее усилило и позволило ей вступить въ болѣе успѣшную борьбу съ нѣмцами [4]).

---

[1]) И. ср. вв., §§ 129 и 135—136. Карты XI—XII.

[2]) И. ср. вв., § 190. Карта XIII.

[3]) И. ср. вв., §§ 131, 191, 232 и 246.

[4]) И. ср. вв., §§ 132—134, 190, 192 и 248—249. Карта XII. Н. И., карта V.

41. Въ концѣ среднихъ вѣковъ общая опасность, какой подвергался западно-славянскій міръ передъ натискомъ, съ одной стороны, германизма, съ другой, турецкой силы, заставляла Чехію, Польшу и Венгрію искать между собою сближенія, такъ что въ XIV и XV столѣтіяхъ эти три государства попарно соединялись между собою, и одно время во всѣхъ трехъ государствахъ царствовала польско-литовская династія Ягеллоновъ. Прочныхъ связей, однако, между этими тремя государствами не установилось, а въ началѣ XVI в. и Чехія, и Венгрія еще крѣпче, чѣмъ прежде, приросли къ Германіи [1]).

42. Третью, восточную вѣтвь славянства составили племена, образовавшія изъ себя государство русское. Хотя оно и возникло на великомъ водномъ пути изъ варягъ въ греки, его первоначальная территорія, отдаленная отъ главныхъ культурныхъ и политическихъ центровъ Европы, была окружена съ сѣверо-запада, сѣвера и сѣверо-востока некультурными племенами литовскими и финскими, съ юго-востока и юга тюркскими кочевниками, затруднявшими сношенія Руси съ Византіей, и только на западѣ русская земля соприкасалась съ Польшею и Венгріей, перешедшими къ государственному быту и принявшими христіанство одновременно съ Русью. Крещеніе русскихъ славянъ по восточному обряду прямо поставило ихъ подъ культурное вліяніе Византіи и старшихъ въ историческомъ отношеніи православныхъ славянъ, т.-е. болгаръ и сербовъ. Кромѣ того, у Руси давно существовали торговыя сношенія съ Византіей, съ которою первые же русскіе князья вели войны, но господство на югѣ Россіи разныхъ кочевыхъ народовъ очень мѣшало поддерживанію экономическихъ, культурныхъ и политическихъ сношеній съ Греческой имперіей. Что касается основанія Русскаго государства варягами, то оно стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ норманнскимъ движеніемъ IX в., но это не установило и сколько-нибудь прочныхъ связей съ Западомъ.

43. Если въ территоріяхъ, занятыхъ финнами, постепенно происходила русская колонизація и подъ русскимъ же культурнымъ вліяніемъ начиналось пріобщеніе къ исторической жизни восточной части литовскаго племени, то по отношенію къ южнымъ кочевникамъ дѣла Руси стояли очень плохо. Теперешнія южно-русскія степи были большою дорогою, по которой съ востока на западъ, изъ Азіи въ Европу двигались кочевые народы. По этимъ степенямъ съ IV по IX—X вв. прошли гунны, громившіе въ V в. Римскую имперію [2]), авары, образовавшіе въ VI вѣкѣ большое царство въ Панноніи [3]), мадьяры,

[1]) И. ср. вв., §§ 245—249. Н. И., карта I.

[2]) И. ср. вв., § 6.

[3]) И. ср. вв., § § 13, 38 и 70.

явившіеся въ тѣхъ же краяхъ въ IX в. [1]), хозары, налагавшіе на славянъ тяжелое иго, печенѣги, долгое время постоянно тревожившіе южныя окраины Руси, торки и половцы, въ борьбѣ съ которыми проходитъ весь XII в., пока въ XIII в. на Русь не обрушивается монгольское завоеваніе. Такъ называемое татарское иго на два съ половиной вѣка (до конца XV) устанавливается надъ сѣверо-восточною Русью [2]), тогда какъ юго-западная освобождается отъ татаръ лишь для того, чтобы войти въ составъ Польско-литовскаго государства.

44. Въ XIV в. русскія земли стали объединяться на с.-в. подъ главенствомъ Москвы, а на ю.-з. подъ главенствомъ Литвы, которая въ томъ же XIV столѣтіи соединилась съ Польшей [3]). Такимъ образомъ Русь во второй половинѣ ср. вв. разъединилась на двѣ части, изъ которыхъ одна постепенно выросла въ современную Россію, а другая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (XIV—XVIII) входила въ составъ государства, бывшаго аванпостомъ католицизма на востокѣ Европы. Изъ-за обладанія всею Русью въ новое время (XVI—XVIII вв.) очень долго спорили между собою Польша и Россія, пока во второй половинѣ XVIII в. бо̀льшая часть польско-русскихъ областей не досталась Россіи. Но и до сихъ поръ не всѣ части русскаго племени входятъ въ составъ созданнаго имъ государства. Часть русскаго племени издавна жила на Карпатахъ и за Карпатами и съ образованіемъ Венгріи сдѣлалась одною изъ составныхъ частей этого государства (Угорская Русь), которому принадлежитъ и теперь. Другая русская область, находящаяся въ аналогичномъ положеніи, Галиція, съ самаго начала принадлежала то Руси, то Польшѣ, но болѣе Руси, пока въ серединѣ XIV в. не отошла окончательно къ Польшѣ, отъ которой черезъ четыре вѣка съ небольшимъ досталась Австріи [4]).

45. Московское государство, изъ котораго выросла Россія, образовалось въ той части теперешней Европейской Россіи, гдѣ въ эпоху возникновенія у насъ государства жили еще финскія племена. Русскіе постепенно колонизировали громадную площадь финскаго разселенія и шагъ за шагомъ оттѣснили кочевнико̀въ. Въ концѣ XV в. Россія сбросила съ себя татарское иго, а въ XVI столѣтіи завоевала Казанское и Астраханское царства, образовавшіяся изъ распаденія Золотой Орды, и въ это же время Москва стала смотрѣть на себя, какъ на наслѣдницу Византіи (Москва—третій Римъ), ко-

---

[1]) И. ср. вв., § 135. Карта XI.

[2]) И. ср. вв., § 195. Карта XVIII.

[3]) И. ср. вв., § 248. Н. И., карта V.

[4]) И. ср. вв., § 248. Н. И., § 207. Кромѣ того, небольшая часть русскихъ живетъ въ Буковинѣ, которую Австрія отняла у турокъ.

торой по праву должна была бы принадлежать религіозно-политическая гегемонія на всемъ православномъ Востокѣ.

46. Всѣ главныя европейскія націи Европы пережили періоды племенной разобщенности и политическаго раздробленія. Каждая нація не есть нѣчто изначала цѣльное, но является результатомъ постепеннаго сліянія и сплоченія родственныхъ племенныхъ группъ, а съ другой стороны, въ отдѣльныхъ народностяхъ вырабатываются мѣстныя разновидности, часто не принимаемыя въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о какой-либо крупной политической національности. Притомъ политическая карта Европы далеко не всегда совпадала съ этнографической. Одна и также народность иногда входила въ составъ разныхъ государствъ, и одно и то же государство охватывало не одну народность. Съ другой стороны, всѣ крупныя національныя государства переживали періодъ политической раздробленности. Изъ распаденія, въ серединѣ IX в., Франкской монархіи произошли Италія, Франція и Германія, нынѣ три большія національныя государства, но каждое изъ нихъ тогда подверглось дробленію на болѣе мелкія феодальныя владѣнія, бывшія отрицаніемъ государственнаго единства названныхъ странъ. Аналогичное, хотя и не тожественное явленіе представляетъ намъ удѣльный періодъ въ русской, польской и чешской исторіи [1]). Многія изъ европейскихъ государствъ образовались путемъ „собиранія земель“ однимъ какимъ-либо княжествомъ, которое становилось политическимъ центромъ будущаго объединенія. Во французской исторіи такимъ притягательнымъ центромъ, около котораго собралось все государство, было графство Парижское, а въ русской исторіи такую же роль съиграло Московское княжество. Иногда болѣе отдаленныя области данной національности отходили къ иноплеменнымъ государствамъ, какъ это долгое время было съ восточно-французскими областями, входившими въ составъ Священной римской имперіи германской націи, или съ русскими землями, попавшими въ составъ государства польскаго. Такія промежуточныя, спорныя области представляли изъ себя арену, на которой происходила борьба двухъ сосѣдей, стремившихся занять первенствующее положеніе въ данной большой странѣ.

Такихъ примѣровъ исторія Европы вообще знаетъ нѣсколько.

47. Въ эпоху феодальнаго раздробленія Франціи, одинъ изъ вассаловъ французскаго короля, герцогъ нормандскій, завоевалъ въ серединѣ XI в. Англію, а въ серединѣ XII в. на англійскій престолъ вступила французская фамилія анжуйскихъ графовъ. При первомъ же ея представителѣ въ Англіи къ обширнымъ и безъ того вла-

[1]) И. ср. вв., §§ 79, 95, 97, 98, 130—131, 134, 189.

дѣніямъ англійскихъ королей во Франціи прибавились и новыя. Въ концѣ XII в. вся западная половина Франціи принадлежала англійскимъ королямъ, и, собирая страну подъ своею властью, короли Франціи встрѣтились съ англійскими притязаніями. Вопросъ о господствѣ надъ страной въ концѣ концовъ рѣшился въ пользу французскихъ королей, но Франціи пришлось выдержать длинную борьбу съ Англіей [1]). Съ другой стороны, восточныя окраины французской національности при дѣлежѣ монархіи Карла Великаго вошли въ составъ Германіи, и на границѣ обоихъ національныхъ государствъ образовалась спорная область, которая въ концѣ концовъ досталась Франціи. Впослѣдствіи Франція, пользуясь слабостью своей сосѣдки, прихватила къ своей территоріи и земли съ чисто германскимъ населеніемъ [2]). Особенно эти пограничные споры должны были возникать тамъ, гдѣ не было естественныхъ границъ въ родѣ Пиренейскихъ или Карпатскихъ горъ. Несовпаденіе естественныхъ границъ съ этнографическими и этнографическихъ съ политическими нужно имѣть всегда въ виду при изученіи исторической карты Европы.

58. Въ нѣкоторыхъ государствахъ господствуетъ однородный племенной составъ, напр., во Франціи, несмотря на различіе между французскимъ и провансальскимъ языками, въ Испаніи, гдѣ все-таки существуетъ разница между кастильцами и арагонцами, и т. п. Есть государства, которыя только въ болѣе позднія эпохи, благодаря завоеваніямъ, включали въ свой составъ области съ чужероднымъ населеніемъ, но есть и такіе случаи, когда новыя государства прямо возникали изъ земель съ болѣе или менѣе пестрымъ населеніемъ. Такова Венгрія, гдѣ, кромѣ мадьяровъ, живутъ, съ первыхъ же вѣковъ ея существованія, рядомъ съ мадьярами и славяне, (словаки, угроруссы, позднѣе хорваты), и румыны (валахи), и нѣмцы [3]). Образованіе Швейцаріи изъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ кантоновъ—другой примѣръ той же категоріи.

59. Всѣмъ сказаннымъ опредѣляются въ общихъ чертахъ и національный составъ обѣихъ половинъ Европы въ средніе вѣка и новое время, и политическія судьбы отдѣльныхъ національностей при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Въ началѣ XVI в. центральную Европу занимаютъ три большія политическія тѣла: 1) Священная Римская имперія нѣмецкой націи, включающая въ себѣ, кромѣ Германіи, и Чехію, и Швейцарію (номинально), и Нидерланды, и восточныя окраины Франціи, и часть Италіи, но раздробленная на массу владѣній, 2) Польша, господствующая „отъ моря до моря",

---

[1]) И. ср. вв. §§ 171, 177—180, 220, 222—225. Карта VIII.

[2]) И. ср. вв. §§ 72, 95, 98. Карта VII. И. Н., §§ 61, 134, 257 265, 266. Карта IV.

[3]) И. ср. вв. §§ 193—196. Карты XI—XII.

и 3) Турція, занявшая грозную позицію въ Венгріи. На западѣ отъ этого комплекса земель находились Англія (съ Ирландіей) и Шотландія, Франція, Испанія, только-что слившаяся изъ Арагона и Кастиліи, и Португалія, къ сѣверу—три скандинавскія королевства, соединившіяся по кальмарской уніи въ одно подъ гегемоніей Даніи, и сильно ослабленный Польшею Нѣмецкій орденъ (Пруссія и Ливонія), къ югу—раздробленная на мелкія владѣнія Италія, къ востоку — „Московія" и Крымское ханство, за которыми лежали татарскія царства Казанское и Астраханское. За послѣдніе четыре вѣка политическая карта Европы сильно измѣнилась вслѣдствіе новыхъ распредѣленій и перераспредѣленій ея государственныхъ силъ. Причины связанныхъ съ этимъ событій были сложны, но одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимали причины матеріальныя, экономическія.

50. Великіе торговые пути всегда играли большую роль въ исторіи. Средиземное море въ древности имѣло громадное торговое значеніе, и именно южныя страны Европы раньше всего были втянуты въ тотъ торговый обмѣнъ, которымъ занимались на этомъ морѣ сначала финикіяне, потомъ греки [1]). Въ средніе вѣка къ этому великому Средиземному морю на югѣ Европы прибавилось два меньшихъ „средиземныхъ" моря же на сѣверѣ: Нѣмецкое между берегами Британіи, Св. Римской имперіи и Скандинавіи и Балтійское между тѣми же Германіей и Скандинавіей съ одной стороны и польскими, орденскими и русскими владѣніями съ другой. Торговое значеніе сохранили не только тѣ страны, которыя лежали у Средиземнаго моря, но это значеніе, пріобрѣли и тѣ которыя примыкали къ морямъ Нѣмецкому и Балтійскому. Мало того: торговля выдвинула въ Европѣ и разныя материковыя мѣстности, лежавшія на удобныхъ путяхъ отъ этихъ сѣверныхъ морей къ южнымъ. Таковъ, напр., въ Восточной Европѣ великій водный путь „изъ варягъ въ греки", изъ Балтійскаго моря по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, озеру Ильменю, Ловати, верхнему теченію Западной Двины, Днѣпру и Черному морю до самаго Царьграда. Извѣстно, какую роль этотъ торговый путь сыгралъ въ основаніи Русскаго государства. Подобные же пути существовали въ Западной Европѣ, гдѣ аналогичную роль играли Сена и Рона, Рейнъ и Дунай. Въ Германіи торговля обогатила цѣлый рядъ городовъ, лежавшихъ по Рейну и по Дунаю и посредничавшихъ между Сѣверомъ и Югомъ. Къ этой же эпохѣ относится процвѣтаніе на сѣверѣ Ганзейскаго союза, на югѣ—развитіе морского значенія Венеціи и Генуи, позволившаго имъ играть видную роль и въ политикѣ [2]).

[1]) Др. И., §§ 19, 31, 55, 63, 84—91. Карты VIII—X.

[2]) И. ср. вв. §§ 261 и 235. Карта XIII. Н. И., § 129.

51. При переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени произошли важныя измѣненія въ торговыхъ путяхъ. Открытіе Америки и морского пути въ Индію въ концѣ XV в. и завоеваніе турками Египта въ началѣ XVI в., затруднившее торговыя сношенія Европы съ Востокомъ, перевернули всѣ прежнія отношенія. Старыя моря утратили свое былое первенствующее значеніе, и при этомъ однѣ страны съ перемѣщеніемъ путей выиграли, другія проиграли. Первенство отъ Венеціи, Генуи, ганзейскихъ городовъ и городовъ по Ронѣ, Рейну и верхнему Дунаю перешло къ странамъ, имѣвшимъ свободный выходъ въ Атлантическій океанъ, сначала къ Португаліи и Испаніи, потомъ къ Голландіи и Англіи, не говоря уже о важныхъ внутреннихъ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ Европѣ расширеніемъ торговыхъ сношеній [1]). Націи, которыя въ средніе вѣка играли болѣе крупную политическую роль, должны были уступить мѣсто другимъ, значеніе которыхъ, наоборотъ, раньше было второстепеннымъ.

52. Въ новое время Западная Европа переходитъ уже въ видѣ цѣлой системы большихъ государствъ съ противоположными національными задачами и противорѣчивыми экономическими интересами. Средніе вѣка совсѣмъ не знали такихъ международныхъ войнъ, въ которыхъ Европа дѣлилась бы на враждебные союзы и путемъ коалицій поддерживала бы политическое равновѣсіе. Въ войнахъ, вызванныхъ желаніемъ французовъ, около 1500 г., завладѣть Италіей, участвовали и императоры Священной Римской имперіи, и Испанія, и Англія, и Швейцарія, не говоря уже объ итальянскихъ государствахъ. Соединеніе подъ одною властью въ началѣ XVI в., Испаніи (съ Неаполемъ, Сициліей и Сардиніей) и Священной Римской имперіи, нарушавшее политическое равновѣсіе Западной Европы, тоже вызвало рядъ войнъ со стороны Франціи, въ которыхъ то на одной сторонѣ, то на другой принимали еще участіе папа, какъ свѣтскій государь, Англія, Венеція и Швейцарія, а также и турки—въ союзѣ съ Франціей. Это было только началомъ вѣкового соперничества Франціи съ династіей Габсбурговъ, царствовавшихъ въ XVI и XVII вв. въ Австріи и въ Испаніи [2]).

53. Испанію въ это время возвысило стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Только-что объединившись вслѣдствіе сліянія Кастиліи и Арагона и покоривъ послѣднее владѣніе мусульманъ въ Европѣ (Гранаду), Испанія, благодаря открытію Америки, пріобрѣла за океаномъ новыя земли, откуда стала вывозить массу драгоцѣнныхъ металловъ. По династическимъ связямъ въ началѣ XVI в. королю Испаніи достались богатые Нидерланды, и кромѣ того онъ возложилъ на свою голову ко-

[1]) Н. И., §§ 7—8, 15 и 129.

[2]) Н. И., §§ 55—61, 159. Карты I и III.

рону Священной Римской имперіи, какъ потомокъ уже раньше царствовавшей тамъ династіи Габсбурговъ. Въ теченіе всего XVI в. Испанія сохраняла это первенствующее положеніе, но обезсиленная дурнымъ управленіемъ, хищническимъ хозяйствомъ и войнами, въ XVII в. она опять превратилась во второстепенное государство [1]).

54. Болѣе прочное значеніе въ ту же эпоху пріобрѣла въ политическомъ мірѣ Европы другая габсбургская держава, Австрія. Одной изъ княжескихъ династій Германіи, изъ которой въ концѣ среднихъ вѣковъ стали выбирать главъ Священной Римской имперіи, удалось путемъ войнъ, но особенно при помощи брачныхъ союзовъ соединить подъ своею властью Австрію, Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль, а также короны св. Вячеслава (Чехію) и св. Стефана (Венгрію),—обширный сплошной комплексъ разноплеменныхъ земель на ю.-з. и с.-в. отъ средняго теченія Дуная. Входя западными своими частями въ составъ Германіи, восточными Австрія соприкасалась съ Польшею и съ Турціей, которая у нея даже временно отнимала Венгрію. Защищая центральную Европу отъ турокъ, Австрія въ то же время играла роль передового германизаторскаго поста, выдвинувшагося далеко на востокъ въ иноплеменныя страны. Ея государи, не имѣвшіе общаго титула, до самаго начала XIX в. избирались въ императоры Священной Римской имперіи нѣмецкой націи, что ставило тогда Австрію во главѣ всего германскаго міра [2]).

55. Взаимныя отношенія западно-европейскихъ государствъ въ XVI в. осложнились еще религіознымъ расколомъ, вызваннымъ въ католическомъ мірѣ протестантской реформаціей XVI в. Вѣрными католицизму остались Италія, Испанія, Португалія, Ирландія; сохранились за католицизмомъ не безъ борьбы Франція, Польша и Венгрія, въ которыхъ было, однако, много протестантовъ; Германія, Швейцарія, Нидерланды раздѣлились на католическія и протестантскія половины, причемъ Австрія удержалась за католическою церковью; вполнѣ отдѣлились отъ Рима, кромѣ Сѣверной Германіи и частей Швейцаріи и Голландіи, Швеція съ Финляндіей, Данія, Норвегія, Англія, Шотландія и бывшія орденскія владѣнія (Пруссія и Ливонія). Это религіозное раздѣленіе сопровождалось рядомъ междоусобій и международныхъ войнъ съ середины XVI до середины XVII в., въ которыхъ нѣкоторыя государства выступали въ качествѣ сторонниковъ Рима, другіе въ роли защитниковъ протестантизма [3]).

56. Главными политическими силами, служившими въ XVI и

[1]) И. ср. вв., § 216 и Н. И., §§ 13, 344, 57, 97, 101 и 113.

[2]) И. ср. вв., 188, 237—238, 247 и Н. И., §§ 57, 60, 61 и 114.

[3]) Н. И., §§ 48, 51, 67, 71—73, 75, 81—82, 84—85, 90, 96, 100, 111—124. Карты II и III.

XVII вв. католической реакціи, были Испанія, Австрія и Польша. Первая потратила немало средствъ въ безплодной борьбѣ съ протестантизмомъ въ Нидерландахъ, въ Англіи и во Франціи и должна была отступить, потерпѣвъ пораженіе въ этой политикѣ. Австрія стояла во главѣ католической реакціи, совершавшейся въ Германіи, но тоже не достигла своей цѣли, причемъ ослабила не только самое себя, но и Германію. Наконецъ, и Польша, начавшая аггрессивную католическую политику по отношенію къ православію, какъ въ своихъ владѣніяхъ (брестская церковная унія конца XVI в.), такъ и въ Московскомъ государствѣ (участіе въ событіяхъ „смутнаго времени" начала XVII в.), подготовила одно изъ условій своей будущей гибели въ притѣсненіяхъ иновѣрческаго населенія государства [1]).

Ослабленіе въ XVII в. Испаніи, Германіи и Польши оказалось выгоднымъ для Франціи и Швеціи и для выступленія въ слѣдующемъ вѣкѣ, въ качествѣ великихъ державъ, Пруссіи и Россіи.

57. Въ эпоху религіозныхъ войнъ Франція колебалась между реакціонно-католической и свѣтской, анти-габсбургской политикой. Послѣдняя одержала верхъ, и вмѣшательство Франціи въ союзѣ съ протестантами въ междоусобную распрю, происходившую въ Германіи („тридцатилѣтняя война"), доставило ей большія выгоды, позволивъ ей расширить свои восточныя границы на счетъ Германіи въ серединѣ и второй половинѣ XVII в. Въ это время Франція сдѣлалась первенствующею державою въ Европѣ, задававшею тонъ всѣмъ остальнымъ, хотя ея завоевательныя стремленія и заставляли другія государства заключать противъ нея коалиціи. Политическое могущество Франціи было одною изъ причинъ и ея культурнаго вліянія на другія государства въ XVIII в. [2]). Свое важное значеніе въ исторіи Франція сохранила и впослѣдствіи.

58. Возвышеніе Швеціи въ XVII в. было кратковременнымъ. Швеція, еще раньше владѣвшая Финляндіей, пріобрѣла въ XVI столѣтіи Карелію, Ингерманландію, Эстляндію и Лифляндію, а въ XVII в. послѣ побѣдоноснаго вмѣшательства въ тридцатилѣтнюю войну—значительную часть Помераніи и другіе важные пункты въ Германіи, что создавало для нея господствующее положеніе на Балтійскомъ морѣ. Но это величіе Швеціи не было прочнымъ, и въ теченіе одного вѣка (XVIII и начала XIX) Швеція лишилась всего восточнаго берега Балтійскаго моря, отошедшаго къ Россіи [3]). Померанское владѣніе Швеціи впослѣдствіи усилило Пруссію [4]).

---

[1]) Н. И., §§ 97—101, 110, 113, 114, 117.
[2]) Н. И., §§ 105—109, 159—164. Карта IV.
[3]) Н. И., §§ 116, 121.
[4]) Н. И., §§ 167, 269. Карта III.

59. Пруссія образовалась изъ соединенія, въ началѣ XVII в., одного изъ княжествъ Германіи, Бранденбурга, и герцогства Прусскаго, въ которое въ началѣ XVI в. превратилась часть владѣній бывшаго Тевтонскаго ордена и которое еще до середины XVII в. продолжало находиться въ вассальной зависимости отъ Польши. Въ серединѣ же XVII в. послѣ тридцатилѣтней войны Бранденбургъ получилъ часть Помераніи, къ которой въ началѣ XVIII в. прибавилъ еще часть этой области—изъ того, что въ ней принадлежало шведамъ. (Кромѣ того, у Бранденбурга были мелкія владѣнія на Рейнѣ). Во второй половинѣ XVII в. Бранденбургъ-Пруссія уже играетъ значительную роль, а въ самомъ началѣ XVIII в. принимаетъ титулъ королевства Прусскаго. Образованіе такого государства по сосѣдству съ Польшей, часть территоріи которой очутилась между черезполосными Бранденбургомъ-Помераніей и Пруссіей (провинціей), было крайне невыгодно для Польши [1]).

60. Одновременно дѣлается великою державою и пріобщается къ общеевропейской политикѣ Россія. Завоевавъ въ XVI в. на востокѣ царства Казанское и Астраханское, отстоявъ въ началѣ XVII в. свою національную независимость отъ аггрессивной политики Польши, отнявъ, въ томъ же столѣтіи, у этого государства восточныя его окраины по Днѣпру, Россія въ началѣ XVIII в. рѣшила пробиться къ Балтійскому морю и въ союзѣ съ Даніей и Польшей начала войну съ Швеціей, отъ которой и отобрала Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и небольшую часть Финляндіи. Побѣды надъ Швеціей превратили прежнее Московское государство, которое считалось въ Европѣ чуть не азіатскимъ, въ Россійскую имперію. Въ связи съ этимъ началось превращеніе Россіи въ европейское государство и въ культурномъ отношеніи, т. е. ея „европеизація". Главными врагами Россіи, не желавшими ее пускать въ Европу, сдѣлались Швеція и Польша, съ которыми антирусскую политику вела и Турція. Но всѣ эти три государства отъ Россіи же получили самые тяжелые удары. Швеція въ началѣ XIX в. потеряла и всю Финляндію, Польша во второй половинѣ XVIII в. перестала существовать, усиливъ Россію своей восточной, литовско-русской половиной, и Россія же играла первенствующую роль въ разложеніи Турціи въ XVIII и XIX вв. [2]).

61. Исчезновеніе Польши съ политической карты Европы принадлежитъ къ числу особенно важныхъ событій XVIII в. Это государство, достигшее наибольшаго могущества въ XV—XVI вв. при Ягеллонахъ и простиравшееся „отъ моря до моря", въ XVII в. стало

---

[1]) Н. И., §§ 72, 167—168. Карта VII.

[2]) Н. И., §§ 165, 205, 207, 208, 269, 274, 339—341. Карты VIII и XV.

клониться къ упадку и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивать цѣлыя области. Польша въ это время лишилась находившейся въ вассальной отъ нея зависимости Пруссіи, лишилась Лифляндіи, лишилась части Западной Руси съ Смоленскомъ и Кіевомъ. Но и въ урѣзанныхъ предѣлахъ Польша оставалась большимъ государствомъ. Его ослабили внутреннія смуты, которыя позволили Россіи, въ самомъ началѣ XVIII в., взять ее подъ свою опеку. Внѣшняя независимость Польши поддерживалась соперничествомъ ея сосѣдокъ, но во второй половинѣ XVIII в. по инициативѣ Пруссіи онѣ пришли къ соглашенію относительно дѣлежа польскихъ владѣній, и въ три пріема Польша была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей. Литовско-русскія части Польши достались Россіи, чисто-польскія—двумъ великимъ германскимъ державамъ—Австріи и Пруссіи, что открывало для германизаціи славянъ новое поприще [1]). Черезъ двадцать лѣтъ послѣ окончательнаго раздѣла Польши изъ нѣкоторыхъ ея прусскихъ и австрійскихъ частей возникло новое царство Польское, которое было присоединено къ Россіи, но другія области такъ и остались во власти Австріи и Пруссіи, и при этомъ въ австрійскомъ владѣніи, Галиціи, часть населенія принадлежитъ къ русскому племени [2]).

62. Расширилась въ Европѣ Россія въ XVIII и началѣ XIX в. и на счетъ Турціи. Въ эти два столѣтія совершался постепенный процессъ разложенія Европейской Турціи, причемъ Австрія въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. совершенно отвоевала Венгрію, а во второй половинѣ XVIII в. получила Буковину, Россія же присоединила къ своимъ владѣніямъ земли между устьями Днѣпра и Днѣстра и Крымъ (во второй половинѣ XVIII в.) и Бессарабію (въ началѣ XIX в.), утвердившись такимъ образомъ на Черномъ морѣ. Этому предшествовало постепенное занятіе Россіей южныхъ степей.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, въ началѣ XIX в., Финляндіи, Бессарабіи и царства Польскаго установилась та западная граница Россійской имперіи, которая оставалась потомъ почти неизмѣнной до нашихъ дней.

63. Отъ обзора европейскаго Востока въ послѣднія столѣтія (кромѣ Балканскаго полуострова, о которомъ послѣ) переходимъ къ Западу. Международный порядокъ послѣ религіозныхъ войнъ былъ установленъ здѣсь вестфальскимъ миромъ середины XVII в., который впервые призналъ раньше уже совершившееся фактически выдѣленіе Швейцаріи и Голландіи изъ Германіи. XVII вѣкъ былъ эпохой наибольшаго экономическаго, культурнаго и политическаго процвѣтанія

---

[1]) И. ср. вв. §§ 248—249. Карта XXI. Н. И., §§ 170, 205—208. Карты V и VIII.
[2]) Н. И., §§ 257, 269. Карты IX и X.

Голландіи, которая, отстоявъ свою свободу въ борьбѣ съ Испаніей, въ XVII и началѣ XVIII в. была душою всѣхъ коалицій противъ завоевательной политики Франціи того времени. Въ эту же эпоху Голландія превратилась въ сильную колоніальную державу [1]).

64. Первыми колоніальными державами сдѣлались въ XVI в. Испанія и Португалія, а въ XVII в. къ нимъ прибавились Голландія, Англія и Франція, все страны, лежащія у Атлантическаго океана и притомъ политически объединенныя, тогда какъ бывшія долгое время раздробленными и болѣе удаленныя отъ океана Германія и Италія начали заводить колоніи только послѣ своего объединенія въ концѣ XIX в., когда притомъ пароходство сильно сократило морскіе переѣзды. Колоніальная политика и торговое соперничество осложнили новою категоріею условій прежнія международныя отношенія съ ихъ національными, вѣроисповѣдными и династическими задачами. Столкновенія между отдѣльными государствами обусловливались уже не одними сосѣдскими ихъ отношеніями въ Европѣ, но и противоположностью интересовъ въ заморскихъ странахъ. Голландія пріобрѣла нѣкоторыя свои колоніи во время войны съ Испаніей, а ея войны въ XVIII в. съ Англіей и Франціей имѣли и коммерческія причины. Колоніальные и торговые интересы Англіи и Голландіи заставили ихъ вмѣшаться въ испанское наслѣдство около 1700 г. Въ серединѣ XVIII в., во время европейскихъ войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней происходила борьба Англіи и Франціи въ Америкѣ и въ Индіи [2]). Въ еще большей степени колоніальная политика стала оказывать вліяніе на международныя отношенія отдѣльныхъ государствъ въ самой Европѣ въ XIX в., когда усилилась колонизаціонная дѣятельность вообще и начались заморскія предпріятія націй, раньше не имѣвшихъ колоній.

65. Послѣ вестфальскаго мира, надолго опредѣлившаго международный порядокъ въ Западной Европѣ, преобладающее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ стало принадлежать Франціи, которая воспользовалась своимъ положеніемъ, чтобы раздвинуть свою границу на востокѣ. Въ XVII и XVIII вв. она пріобрѣла между прочимъ Эльзасъ и Лотарингію и къ началу великой революціи достигла границы, которая потомъ и оставалась почти неизмѣнною до потери Эльзаса и Лотарингіи въ 1870 г., если не считать періода революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ [3]).

66. Въ Германіи порядокъ, созданный вестфальскимъ миромъ, продержался въ общемъ до конца XVIII в., т.-е. до французской

[1]) Н. И., §§ 102, 160—161, 163—165, 344. Карта XVII.
[2]) Н. И., §§ 11, 13, 14, 128, 160, 164, 202—203, 344—345. Карты XVII—XX.
[3]) Н. И., §§ 159, 161, 163, 166. Карта IV.

революціи. Во второй половинѣ этого столѣтія особенно выдвинулась здѣсь Пруссія, достигшая положенія великой державы и въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Въ эту эпоху она увеличила свои владѣнія, отнявъ у Австріи Силезію и овладѣвъ всей сѣверо-западною частью Польши и сдѣлавшись серьезною соперницею Австріи въ Германіи. Такимъ образомъ уже тогда намѣтился антагонизмъ Австріи и Пруссіи въ Германіи, который получилъ особенное значеніе въ XIX в., когда всѣмъ развитіемъ экономической, культурной и политической жизни нѣмецкой націи былъ поставленъ вопросъ о ея государственномъ объединеніи. Движеніе, вышедшее изъ Франціи въ концѣ XVIII в., разрушило Священную Римскую имперію нѣмецкой націи и поставило передъ этой націей проблему объединенія, разрѣшенную въ XIX в. образованіемъ теперешней Германской имперіи.

67. Войны французской революціи и первой имперіи въ короткій срокъ какихъ-нибудь двухъ десятилѣтій нѣсколько разъ передѣлывали политическую карту Западной Европы. Въ началѣ XIX в. почти всѣ европейскія націи, побѣжденныя Франціей, должны были признать надъ собою ея гегемонію. Франція страшно расширила свои предѣлы, включивъ въ нихъ все побережье Нѣмецкаго моря въ Германіи, весь лѣвый берегъ Рейна, сѣверо-западную часть Италіи и даже Далмацію, посадила на престолы Неаполя и Испаніи родственниковъ своего государя, превратила центральную часть Германіи въ зависимый отъ себя Рейнскій союзъ, установила свой протекторатъ надъ Швейцаріей и создала въ тылу сильно урѣзанныхъ Австріи и Пруссіи великое герцогство Варшавское, тоже бывшее какъ бы вассальнымъ владѣніемъ Франціи. Но такое положеніе дѣлъ, созданное исключительными обстоятельствами эпохи, не могло быть прочнымъ, и въ концѣ концовъ противъ Франціи образовалась большая коалиція, которая возвратила ее къ тѣмъ границамъ, какія она имѣла передъ началомъ революціонныхъ войнъ. Эта коалиція снова передѣлала карту Европы и установила новый международный порядокъ, остававшійся почти неизмѣннымъ болѣе сорока лѣтъ [1]). Главными отступленіями отъ него являются отпаденіе Бельгіи отъ Голландіи, объединеніе Италіи и объединеніе Германіи—во имя начала національности, раньше не принимавшагося въ расчетъ въ политической жизни Европы.

68. При распредѣленіи территорій между отдѣльными государствами на вѣнскомъ конгрессѣ, въ 1815 г., совершенно не обращали вниманія на принадлежность этихъ территорій тѣмъ или другимъ народностямъ. Дипломаты въ своей работѣ руководились династиче-

---

[1]) Н. И., §§ 248, 256—260, 265—267, 269. Карты VIII, IX и X.

скими правами (легитимизмъ) и дѣлили или соединяли земли, заставляя слабыхъ подчиниться сильнымъ [1]). Все это было наслѣдіемъ старой практики въ исторіи международныхъ отношеній Западной Европы.

69. Въ исторіи образованія государственныхъ территорій и международныхъ отношеній, кромѣ географическихъ и этнографическихъ условій, кромѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ населенія каждой страны или отдѣльныхъ ея классовъ, большую роль играли и династическія притязанія и отношенія. Итальянскія войны конца XV и XVI вв. начались вслѣдствіе династическихъ притязаній французскихъ королей на отдѣльныя части Италіи. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ обладанія Испаніей, Нидерландами, Неаполемъ и Священной Римской имперіей было результатомъ династическихъ отношеній. Борьба между Франціей при послѣднихъ Валуа и при Бурбонахъ съ Габсбургами была тоже традиціонно-династическою борьбою. Изъ-за династическихъ притязаній Бурбоновъ и Габсбурговъ на испанское наслѣдство возгорѣлась война, получившая свое названіе отъ этого именно факта, а окончаніе войны привело къ дѣлежу спорнаго наслѣдства между двумя династіями, вслѣдствіе чего въ XVIII в. Бурбоны заняли троны Испаніи, Неаполя и Пармы. XVIII в. знаетъ еще войны за наслѣдства польское, австрійское, баварское, въ которыхъ тоже были замѣшаны династическіе интересы. По тѣмъ же стопамъ пошли въ началѣ XIX в. и первая имперія во Франціи, когда создалась династія Бонапартовъ. Подобно тому, какъ раньше Габсбурги и Бурбоны (не говоря о еще болѣе раннихъ фактахъ) старались о расширеніи владѣній для своихъ династій, и Бонапарты, воцарившіеся въ началѣ XIX в. во Франціи, создавали себѣ престолы въ другихъ странахъ—въ Голландіи, въ Вестфаліи, въ Неаполѣ, въ Испаніи. Европейская коалиція изгнала Бонапартовъ отовсюду, чтобы возвратить старымъ династіямъ ихъ владѣнія, не сообразуясь, однако, при этомъ съ новыми стремленіями націй [2]).

70. Другимъ факторомъ въ международныхъ отношеніяхъ было право сильнаго. Правда, во имя сохраненія политическаго равновѣсія, притязанія болѣе сильныхъ державъ,—разъ они становились опасными для сосѣдей,—находили отпоръ въ международныхъ коалиціяхъ, но случалось и такъ, что подобныя соединенія происходили не въ оборонительныхъ, а въ наступательныхъ цѣляхъ, и сильные нападали на болѣе слабыя государства для дѣлежа ихъ владѣній, не спрашивая на это согласія ихъ населеній. Во время

---

[1]) Н. И., §§ 268, 269.

[2]) Н. И., §§ 56—58, 159, 164, 166, 201, 204, 260.

войны за австрійское наслѣдство ставился вопросъ о дѣлежѣ Австріи, во время семилѣтней войны—о дѣлежѣ Пруссіи, не говоря уже о дѣлежѣ владѣній Швеціи, поставленномъ себѣ за цѣль союзомъ Россіи, Даніи и Польши, или о дѣлежѣ Турціи, о которомъ мечтали Австрія и Россія во время совмѣстныхъ противъ нея дѣйствій. Во второй половинѣ XVIII в. сосѣди подѣлили между собою и цѣлое государство—Польшу. Въ эпоху французскихъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ политика раздѣловъ приняла самые грандіозные размѣры: побѣжденныхъ побѣдители то и дѣло дѣлили и передѣляли. Вѣнскій конгрессъ дѣлалъ то же самое, искусственно выкраивая государственныя территоріи, дѣля и соединяя земли и принимая въ расчетъ лишь количества квадратныхъ миль и населяющихъ ихъ душъ, но не справляясь съ настроеніемъ и стремленіями населенія [1]).

21. Французская революція предприняла войну съ Европой, провозгласивъ цѣлью войны освобожденіе народовъ, но на самомъ дѣлѣ завоевательная политика первой республики пошла по проторенному пути дѣлежей и вознагражденій. Наполеонъ широко развилъ эту старую систему, и вѣнскій конгресъ тоже однихъ наказывалъ, другихъ награждалъ. Но сами событія конца XVIII и начала XIX в., потрясшія всю Европу, содѣйствовали пробужденію національнаго чувства, возбудивъ въ народахъ стремленіе къ независимости раздавшимся изъ Франціи призывомъ къ свободѣ и наложеннымъ тою же Франціею иноземнымъ игомъ. Французскую гегемонію сокрушили національныя движенія, охватившія весь порабощенный Западъ и угрожаемый Востокъ. Во время войны за освобожденіе правительства надавали народамъ разныхъ обѣщаній, которыя не были потомъ исполнены: вѣнскій конгрессъ какъ-разъ не считался съ національными стремленіями народовъ. Великія державы, создавшія въ Европѣ новый порядокъ вещей, рѣшили всѣми силами его поддерживать во избѣжаніе новыхъ международныхъ войнъ, новыхъ потрясеній общаго мира. Таково было значеніе Священнаго союза, эпохи конгрессовъ, вмѣшательства Австріи и Франціи отъ имени всей Европы въ южно-романскія революціи [2]).

22. Изъ всѣхъ государствъ наибольшій интересъ поддерживать международный порядокъ, созданный въ 1815 г., имѣла разноязычная Австрія, съ неудовольствіемъ смотрѣвшая на пробужденіе національныхъ стремленій во время борьбы съ Наполеономъ и боявшаяся ихъ въ слѣдующую эпоху. Въ составѣ этой державы нахо-

---

[1]) Н. И., §§ 165, 170, 201, 202, 207—208, 248, 257, 260, 269.

[2]) Н. И., §§ 264—267, 271—272.

дились цѣлыя національности, которыя когда-то жили самостоятельною политическою жизнью (мадьяры и чехи), и болѣе или менѣе значительныя части національностей, населяющихъ сосѣднія страны (нѣмцы, итальянцы, поляки, сербы, румыны). Весь этотъ пестрый составъ австрійское правительство стремилось привести къ одному знаменателю, а для этого ему было нужно, чтобы въ сосѣднихъ странахъ все было тихо и спокойно. Въ Вѣнѣ особенно тревожились событіями, происходившими въ Германіи и Италіи, гдѣ габсбургская держава заняла первенствующее положеніе: въ Германіи, въ составъ которой Австрія была включена, ей принадлежало предсѣдательство въ союзномъ сеймѣ, въ Италіи она владѣла цѣлою большою областью (Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ), а члены династіи Габсбурговъ были государями нѣкоторыхъ другихъ частей страны. Гнетъ, наложенный Австріей на Германію и на Италію, въ обѣихъ націяхъ возбуждалъ ненависть къ ней, и то, чего Австрія боялась, впослѣдствіи произошло: Италія и Германія объединились вопреки Австріи, а Германія и безъ нея [1]).

23. Поддержку своимъ стремленіямъ австрійское правительство нашло въ двухъ сосѣднихъ державахъ. Австрію, Пруссію и Россію связали между собою въ концѣ XVIII в. польскіе раздѣлы, и попытка Франціи, въ началѣ XIX в., возстановить Польшу была одинаково невыгодна всѣмъ тремъ державамъ. Далѣе, онѣ же играли главную роль въ коалиціи, сокрушившей первую французскую имперію. Наконецъ, ихъ сближала общность государственнаго устройства—въ противоположность двумъ другимъ великимъ державамъ, конституціоннымъ Англіи и Франціи. Священный союзъ, заключенный въ 1815 году государями Россіи, Австріи и Пруссіи, сдѣлался однимъ изъ главныхъ факторовъ европейской политики XIX в. Онъ пережилъ свое имя, потому что несмотря на временныя ослабленія своихъ связей онъ въ послѣдній разъ проявилъ себя въ „союзѣ трехъ императоровъ" первой половины семидесятыхъ годовъ XIX в. [2]).

24. Если не считать войнъ съ Турціей, послѣ вѣнскаго конгресса Европа наслаждалась международнымъ миромъ болѣе сорока лѣтъ. Она пережила въ этотъ періодъ рядъ революціонныхъ потрясеній, но ни одно изъ нихъ не вызвало общеевропейской войны, хотя по временамъ, ея не безъ основаній опасались. Международный миръ поддерживался „европейскимъ концертомъ", согласіемъ пяти „великихъ державъ", составлявшихъ такъ называемую „пентархію". Правда, въ этомъ концертѣ были свои диссонансы. Три абсолютныя монархіи

---

[1]) Н. И., § 269. Карта VI.

[2]) Н. И., §§ 206—208, 266, 271, 274, 290, 312 и 338.

чувствовали себя ближе другъ къ другу, и то же можно сказать о двухъ конституціонныхъ королевствахъ Запада. Одно время, передъ іюльской революціей 1830 г., Россія начала-было сближаться съ Англіей и Франціей, но эта революція и послѣдовавшее за нею польское возстаніе возстановили старыя узы Россіи съ Австріей и Пруссіей, а революція 1848 г. еще болѣе ихъ скрѣпила. Между тѣмъ виды русской и австрійской политики по отношенію къ Турціи были разные, и между обѣими державами не могло быть общности интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе вырисовывался антагонизмъ австрійскихъ и прусскихъ интересовъ въ Германіи. Англія и Франція, которыя составляли другую группу великихъ державъ, равнымъ образомъ расходились по многимъ пунктамъ своей политики, и передъ февральской революціей французское правительство искало союза съ австрійскимъ для подавленія демократическихъ движеній въ Швейцаріи и Италіи, которыя, наоборотъ, Англіей поддерживались. Тѣмъ не менѣе пентархія оставалась блюстительницею европейскаго мира и достигала своей цѣли [1]).

75. При такомъ положеніи дѣлъ національныя движенія не могли имѣть успѣха. Неаполитанская и испанская революціи въ двадцатыхъ годахъ были подавлены Австріей и Франціей по данному на то „Европой“ полномочію. Въ 1831 и 1849 гг. Россія побѣдила польское и венгерское возстанія. Бурный 1848 годъ вообще не осуществилъ своихъ стремленій въ области достиженія національныхъ идеаловъ. Намѣченная нѣмецкимъ національнымъ движеніемъ Германская имперія не состоялась; Италія не освободилась отъ чужеземной власти; воспрянувшія славянскія національности Австріи были снова придавлены. Счастливѣе были только бельгійцы и греки, которымъ удалось добиться независимости въ видѣ самостоятельныхъ королевствъ, да сербы, возстаніе которыхъ привело къ образованію вассальнаго княжества въ Турецкой имперіи [2]).

76. Со времени низверженія первой имперіи во Франціи до ея возстановленія послѣ кратковременной второй республики первенствующее положеніе въ Европѣ принадлежало Россіи, но въ серединѣ XIX столѣтія такое положеніе стала занимать Франція въ эпоху второй имперіи. Разница въ ихъ внѣшней политикѣ была та, что Россія охраняла порядокъ, созданный вѣнскимъ конгрессомъ, тогда какъ Франція, наоборотъ, въ это время стремилась его отмѣнить и прежде всего во всемъ томъ, что касалось ея самой. Въ эпоху консти-

---

[1]) Н. И., §§ 270—271, 274, 290, 296, 312, 313.

[2]) Н. И., §§ 272—274, 290, 308—314, 316.

туціоннаго королевства старшей и младшей линій Бурбоновъ и при второй республикѣ внѣшняя политика Франціи отличалась миролюбіемъ, но вторая имперія возобновила воинственную политику первой имперіи, такъ какъ ея стремленіемъ было расширить территорію Франціи до Рейна и Альповъ, доставить себѣ гегемонію въ Европѣ и оказать въ извѣстныхъ границахъ поддержку принципу національности въ другихъ государствахъ Европы. Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ Франція въ союзѣ съ Англіей и Сардиніей оказала вооруженную помощь Турціи противъ Россіи, въ концѣ того же десятилѣтія помогла Сардиніи въ войнѣ съ Австріей, за которою послѣдовало объединеніе Италіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вела дипломатическую кампанію противъ Россіи въ интересахъ новаго польскаго возстанія, вскорѣ затѣмъ собралась разыграть роль вершительницы судебъ Германіи во время австро-прусской войны и, наконецъ, сама вступила въ борьбу съ Пруссіей, имѣвшую роковой исходъ для самой имперіи. Не говоримъ уже о внѣевропейскихъ экспедиціяхъ Франціи въ это время,—о китайской, сирійской, мексиканской. Одно время Франція, дѣйствительно, пользовалась господствующимъ положеніемъ въ Европѣ, но мечты о расширеніи границъ осуществились лишь отчасти, благодаря пріобрѣтенію Савойи и Ниццы отъ Сардиніи въ вознагражденіе за помощь, оказанную въ войнѣ съ Австріей, но надежды на присоединеніе Бельгіи или лѣваго берега Рейна такъ и остались неисполненными. Что касается до проведенія принципа національности, то онъ осуществился къ невыгодѣ для Франціи, такъ какъ первымъ дѣломъ объединенной Германіи было отнять у нея Эльзасъ и Лотарингію. Во время франко-прусской войны во Франціи установилась третья республика [1]).

77. Въ началѣ XIX в., въ эпоху первой имперіи, Италія раздѣлилась на три части: одна входила въ составъ Франціи, другая составляла особое королевство, государемъ котораго былъ французскій императоръ, въ третьей царствовалъ сначала его братъ, потомъ зять. Вѣнскій конгрессъ одну часть Италіи отдалъ Австріи, въ другихъ возстановилъ легитимныхъ государей. Революціонныя движенія въ Италіи въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подавлялись при дѣятельной помощи Австріи, а потомъ и Франціи, а между тѣмъ въ націи зрѣла идея политическаго объединенія страны, чему мѣшала главнымъ образомъ Австрія. Во главѣ объединительнаго движенія стала Сардинія, которой въ ея войнѣ съ Австріей въ 1859 г. помогла Франція, вторично пособившая объединенной Италіи

---

[1]) Н. И., §§ 316–317, 320–323.

дипломатическимъ путемъ и въ новой войнѣ ея съ Австріей въ 1866 г., но не допускавшая уничтоженія папской власти въ Римѣ. Объединеніе Италіи произошло въ три пріема на протяженіи десяти съ небольшимъ лѣтъ, и въ 1870 г. ея столицей сдѣлался Римъ [1]).

78. Въ тотъ же періодъ произошло и объединеніе Германіи. Вопросъ о немъ поднимался еще въ эпоху вѣнскаго конгресса, который, однако, ограничился созданіемъ изъ Германіи союза трехъ съ половиной десятковъ государствъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Въ первыя же времена Германскаго союза въ немъ стала намѣчаться будущая объединительная роль Пруссіи, которая въ нѣдрахъ государственнаго союза составила подъ своимъ руководительствомъ союзъ таможенный, экономическій, и когда въ 1848 г. произошли революціи во всѣхъ германскихъ государствахъ, а въ 1849 г. общій германскій парламентъ рѣшилъ возстановить Германскую имперію, то корона ея была предложена королю прусскому. Эта попытка не имѣла успѣха, и послѣ подавленія революціи былъ опять введенъ порядокъ вещей, созданный вѣнскимъ конгрессомъ, но рѣшеніе вопроса этимъ было только отсрочено. На почвѣ этого вопроса развилось соперничество Австріи и Пруссіи, кому изъ нихъ стать во главѣ объединенной Германіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Австрія и Пруссія сообща отняли у Даніи Гольштейнъ и Шлезвигъ съ ихъ нѣмецкимъ населеніемъ, но въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ обѣ державы разссорились, и война между ними окончилась побѣдой Пруссіи, присоединеніемъ къ ней территорій нѣсколькихъ германскихъ государствъ, распаденіемъ прежняго союза и образованіемъ новаго Сѣверо-Германскаго подъ предсѣдательствомъ Пруссіи. Черезъ четыре года этотъ союзъ, имѣя на своей сторонѣ и государства Южной Германіи (кромѣ Австріи), разгромилъ на войнѣ Францію и отнялъ у нея затѣмъ Эльзасъ и Лотарингію, превратившись самъ въ современную Германскую имперію подъ прусской гегемоніей. Австрія была изъ Германіи совсѣмъ исключена [2]).

79. Крушеніе второй имперіи во Франціи съ потерею двухъ провинцій и завершеніе объединенія Италіи и Германіи относятся къ одному и тому же времени — началу семидесятыхъ годовъ XIX в. Какъ западная граница Россіи установилась въ 1815 г., и послѣ того въ ней почти не было перемѣнъ, такъ въ Западной Европѣ послѣ 1871 г. не происходило территоріальныхъ измѣненій вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ. Сначала въ этотъ періодъ преобладающею державою была Германія, въ союзѣ съ которою находились нѣкоторое время

---

[1]) Н. И., §§ 257—260, 269, 272, 290, 314, 321, 324. Карты IX—XI и XIV.

[2]) Н. И., §§ 269, 280, 291—292, 307—308, 311—312, 325, 328—333. Карты X и XI.

и Австрія, и Россія, но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на мѣсто уже раньше вышедшей изъ союза Россіи вступила Италія, и такимъ образомъ возникъ и нынѣ существующій тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи. Опасность отъ этого союза для ближайшихъ сосѣдей заставила въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. Россію и Францію заключить свой союзъ (франко-русскій), и этою комбинаціей главныхъ политическихъ силъ поддерживается современный вооруженный миръ. Государства обоихъ союзовъ и Англія, стоящая особнякомъ, выступили даже солидарно въ усмиреніи Китая при наступленіи XX в. [1]).

80. Выбитая изъ своихъ позицій въ Италіи и Германіи, Австрія въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ изъ единаго централизованнаго государства превратилась въ дуалистическую Австро-Венгрію, надъ обѣими половинами которой политическую власть подѣлили между собою нѣмцы и мадьяры, властвующіе и теперь надъ славянскимъ большинствомъ монархіи. Въ этомъ государствѣ идетъ отчаянная борьба національностей, особенно сильная въ Австріи, что позволяетъ Венгріи дѣлаться все независимѣе и требовательнѣе по отношенію къ этой другой половинѣ монархіи. Кромѣ того, Австрія стала искать вознагражденія за свои потери — на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ „оккупировала" двѣ провинціи Турецкой имперіи [2]).

81. Болѣе всего территоріальныхъ измѣненій въ XIX в. произошло на Балканскомъ полуостровѣ, на которомъ въ началѣ этого столѣтія мы видимъ только Турцію да маленькую Черногорію въ постоянной борьбѣ за независимость, а теперь существуетъ уже нѣсколько государствъ. Это было результатомъ національнаго возрожденія христіанскихъ народностей Турціи и цѣлаго ряда ихъ возстаній и помощи имъ со стороны Россіи, четыре раза въ теченіе XIX в. воевавшей съ Турціей, притомъ одинъ разъ съ поддержкою европейскихъ державъ и одинъ разъ имѣя ихъ въ числѣ прямыхъ враговъ. Еще со второй половины XVIII в. Россія была оффиціальной покровительницей христіанскаго населенія Турціи и продолжала оставаться ею и въ XIX в. Раньше всего возстали противъ турокъ сербы, которымъ удалось добиться извѣстной автономіи въ формѣ вассальнаго княжества, разросшагося впослѣдствіи въ теперешнее королевство. Около того же времени при помощи Россіи получили извѣстное самоуправленіе Молдавія и Вахалія, потомъ слившіяся въ одну Румынію, тоже сдѣлавшуюся позднѣе королевствомъ. Въ двадцатыхъ годахъ за

---

[1]) Н. И., §§ 338 и 347.

[2]) Н. И., §§ 332 и 341. Карты VI и XI.

оружіе взялись греки и при помощи главнымъ образомъ Россіи, а отчасти Англіи и Франціи добились образованія національнаго королевства. Послѣ этого Россія заняла на Балканскомъ полуостровѣ господствующее положеніе и даже взяла Турцію подъ свою опеку, добившись отъ нея запрещенія кораблямъ западныхъ націй проходить въ Черное море. Грозная Оттоманская имперія видимо клонилась къ упадку, и во всей своей остротѣ ставился теперь старый уже восточный вопросъ о судьбѣ Балканскаго полуострова, Константинополя, проливовъ, вообще о наслѣдствѣ послѣ „больного человѣка". Западныя державы не могли допустить, чтобы Россія рѣшала его одна, и когда у Россіи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ началась новая война съ Турціей, на сторону послѣдней стали Франція, Англія и Сардинія при очень двусмысленномъ положеніи, занятомъ Австріей. Россія была побѣждена, лишилась части Бессарабіи (потомъ опять возвращенной) и права имѣть флотъ на Черномъ морѣ, а христіанскіе подданные Порты были поставлены подъ протекторатъ всей Европы. Это не улучшило ихъ положенія, и они продолжали возставать. Одно изъ такихъ возстаній, въ семидесятыхъ годахъ, заставило Россію въ союзѣ съ Румыніей, Черногоріей и Сербіей снова взяться за оружіе, и на этотъ разъ Турція лишилась Болгаріи и Босніи съ Герцеговиной: первая образовала изъ себя новое княжество, двѣ другія провинціи оккупировала Австрія. Современная политическая карта Балканскаго полуострова съ нѣкоторыми измѣненіями ведетъ свое начало отъ берлинскаго конгресса, на которомъ „Европа" передѣлала бывшія нѣсколько иными условія русско-турецкаго мира. Теперь Балканскій полуостровъ состоитъ изъ Турціи съ вассальнымъ княжествомъ Болгаріей, изъ трехъ королевствъ: Греціи, Румыніи и Сербіи и княжества Черногоріи [1]).

82. Такимъ образомъ въ XIX в. произошло политическое объединеніе національностей, которыя прежде были раздроблены, и освобожденіе національностей, которыя прежде были подъ чужеземною властью. Тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ политическія границы далеко не вездѣ совпадаютъ съ національными. Въ иныхъ случаяхъ разныя національности мирно уживаются въ одномъ государствѣ, и, напр., нѣмцы, французы и итальянцы, составляющіе населеніе Швейцаріи, не стремятся слиться съ Германіей, Франціей и Италіей, а въ другихъ случаяхъ господствуетъ страшная національная рознь, особенно характеризующая другое разноплеменное государство — Австрію. Рѣзкіе національные антагонизмы существуютъ между прочимъ и въ славянскомъ мірѣ, въ которомъ вѣроисповѣдныя различія,

---

[1]) Н. И., §§ 273—274, 318—320, 339—340. Карта XV.

старые историческіе счеты, современныя политическія отношенія, противоположныя притязанія относительно будущаго создаютъ массу взаимныхъ неудовольствій. Наконецъ, всеобщее развитіе націонализма выражается въ XIX в. и въ усиленіи попытокъ культурной передѣлки цѣлыхъ населеній въ интересахъ полнаго государственнаго единства территорій съ неоднороднымъ національнымъ составомъ.

83. Границы между тремя главными лингвистическими расами, къ которымъ принадлежатъ европейскіе народы, остаются болѣе или менѣе неизмѣнными, особенно между расами романскою и германскою, но по отношенію къ славянству все еще продолжается германскій напоръ на Востокъ. Установились точно также еще съ XVI—XVII вв. границы отдѣльныхъ вѣроисповѣданій на Западѣ, гдѣ реформація произвела религіозный расколъ, но католическая пропаганда среди православнаго населенія по временамъ всегда возобновлялась. Въ концѣ XVI в. возникла унія съ Римомъ православной церкви въ Польско-литовскомъ государствѣ, но она распространилась здѣсь не сразу, и въ Галиціи была принята лишь во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII в., подобно тому, какъ и русское населеніе въ Венгріи стало переходить въ унію лишь въ серединѣ XVII в., а румынское—въ концѣ того же вѣка. Теперь эта унія существуетъ только въ Австріи, а въ бывшихъ владѣніяхъ Польши, отошедшихъ къ Россіи, она была отмѣнена. Въ настоящее время католическая пропаганда ведется главнымъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ и особенно въ Босніи и Герцеговинѣ, благодаря ихъ соединенію съ Австріей. Вообще во многихъ случаяхъ извѣстное вѣроисповѣданіе тѣсно соединено съ принадлежностью къ извѣстной національности.

84. Современное раздѣленіе населенія Европы на отдѣльныя государства, народности и вѣроисповѣданія мы находимъ и за предѣлами Европы, такъ какъ, благодаря завоеваніямъ, колонизаціи и миссіонерству, многія государства европейскія имѣютъ владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта, у многихъ народовъ есть тамъ и массы соплеменниковъ и даже нѣкоторое количество единовѣрцевъ среди туземнаго населенія. Не касаясь послѣдняго факта, нельзя не отмѣтить, что самыя обширныя внѣ-европейскія владѣнія есть только у двухъ государствъ, именно у Россіи и у Англіи, которыя начали ихъ пріобрѣтать почти одновременно, одна—за океанами, другая,—постепенно двигаясь на востокъ, пока обѣ не встрѣтились и въ Америкѣ, и въ Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, Россія начинаетъ завоевывать Сибирь въ концѣ XVI в., Англія—заводить колоніи въ началѣ XVII столѣтія. Крайнимъ пунктомъ русскихъ владѣній нѣкоторое время была Аляска въ Сѣверной Америкѣ, граничащая съ принадлежащей Англіи Канадой. Теперь Аляска принадлежитъ Сѣверо-Американ-

скимъ штатамъ, возникшимъ изъ англійскихъ же колоній, и только Беринговъ проливъ отдѣляетъ это владѣніе отъ принадлежащей Россіи Сибири. Встрѣча произошла и въ другомъ мѣстѣ. Въ XIX в. Англія овладѣла въ Азіи всей Индіей, а во второй половинѣ этого же столѣтія Россія пріобрѣла большія владѣнія въ Средней Азіи, постепенно приблизившія русскую государственную границу къ сѣверной границѣ Индіи [1]).

85. Внѣ Европы бòльшія или меньшія владѣнія принадлежатъ, кромѣ Россіи и Англіи, также и другимъ государствамъ: Португаліи, Испаніи [2]), Голландіи, Франціи, Германіи, Италіи и даже Даніи и Бельгіи [3]), а сверхъ того, въ колоніяхъ и въ самостоятельныхъ государствахъ, изъ нихъ возникшихъ, живетъ множество представителей отдѣльныхъ европейскихъ національностей. Можно сказать, что вся Америка имѣетъ теперь главнымъ образомъ—на сѣверѣ англосаксонское населеніе, т.-е. принадлежащее къ германской расѣ, а въ центральной части и на югѣ—испанское и португальское, т.-е. составляющее часть романской расы, къ которой относятся и канадскіе французы въ Сѣверной Америкѣ. Англо-саксонское племя является самымъ распространеннымъ, потому что имъ населенъ еще и материкъ Австраліи. Если Америка и Австралія принадлежатъ народамъ германскаго и романскаго корня, то азіатскія владѣнія Россіи получили и до сихъ поръ получаютъ вновь населеніе русское и вслѣдствіе этого являются продолженіемъ прежней, болѣе ограниченной территоріи славянства. Такимъ образомъ романская, германская и славянская расы, три главныя европейскія вѣтви арійскаго племени, какъ бы раздвинули предѣлы Европы, создавъ новые европейскіе міры и въ Америкѣ, и въ Азіи, и въ Австраліи.

86. Въ другихъ частяхъ свѣта европейцы могли колонизировать только такія страны, гдѣ было много пустыхъ пространствъ, населеніе отличалось рѣдкостью, культурный уровень его былъ очень низкій. Въ названныхъ главныхъ областяхъ болѣе или менѣе сплошной европейской колонизаціи пришельцы имѣли дѣло преимущественно съ дикарями, которые большею частью вымираютъ. Такое государство, какъ Сѣверо-Американскіе штаты, образовавшееся на территоріи кочевыхъ индѣйцевъ, не могло бы возникнуть въ такихъ старыхъ, густо населенныхъ, достигшихъ извѣстной ступени цивилизаціи странахъ, какъ Индія. Англичане могли завоевать Индію, основать въ ней разныя учрежденія, наслать туда своихъ чи-

[1]) Н. И. §§ 345—346. Карта XIX.
[2]) Въ послѣднее время утрачены.
[3]) Н. И., § 344. Карты XVII, XVIII и XX.

новниковъ и купцовъ и т. п., но они не могли такъ же ее заселить, какъ Сѣверную Америку. Старыя историческія страны, начиная съ сѣвернаго берега Африки и кончая Японіей, сохраняютъ свое прежнее (туземное или пришлое) населеніе, хотя и находятся часто въ политической зависимости отъ европейцевъ.

87. Что касается до господства европейцевъ въ этой части историческаго міра, то въ старыхъ владѣніяхъ Карѳагена теперь хозяйничаютъ французы, въ Египтѣ распоряжаются англичане, на Малую Азію и Месопотамію имѣетъ виды Германія, Персія все болѣе и болѣе входитъ въ сферу вліянія Россіи, Афганистанъ, пока совершенно независимый, играетъ роль государства-буфера между русскими и англійскими владѣніями, Индія принадлежитъ Англіи, въ одной части Индо-Китая утвердились французы. Мало того, европейцы утвердились въ нѣкоторыхъ пунктахъ Китая, получивъ отъ его правительства такъ называемыя „концессіи" и раздѣливъ между собою сферы вліянія. Между прочимъ, послѣднее столкновеніе соединенной Европы съ Китаемъ (1900—1901) интересно и въ томъ отношеніи, что въ немъ принимали участіе и дѣйствовали съ Европой заодно Сѣверо-Американскіе штаты и Японія,—событіе, открывающее совершенно новую эпоху въ міровой политикѣ.

88. Намъ осталось упомянуть о мірѣ островов, лежащихъ на трехъ океанахъ, и объ Африкѣ южнѣе старыхъ историческихъ странъ. Упомянутые острова принадлежатъ той или другой европейской націи, и есть примѣры того, что на одномъ и томъ же островѣ существуютъ колоніи разныхъ націй (Борнео, частью англійскій, частью голландскій, новая Гвинея, подѣленная между англичанами, голландцами и нѣмцами). Что касается до Африки, то надлежащимъ образомъ ее узнали европейцы только въ XIX в., и въ настоящее время она оказывается уже почти вся раздѣленною между разными европейскими государствами. Здѣсь нашли для себя наиболѣе мѣста тѣ націи, которыя лишь въ концѣ XIX в. выступили на путь колоніальной политики, именно нѣмцы, итальянцы и бельгійцы.

89. Этому распространенію европейскаго населенія и власти европейскихъ государствъ по всему земному шару соотвѣтствуетъ и громадное развитіе новыхъ путей и способовъ передвиженія. Въ серединѣ XIX в. былъ созданъ новый „морской путь въ Индію", благодаря прорытію Суэзскаго канала, и неудача подобнаго же предпріятія на Панамскомъ перешейкѣ только отсрочила на время сооруженіе канала, который, отдѣливъ одну отъ другой Сѣверную и Южную Америки, соединитъ Великій и Атлантическій океаны, какъ Суэзскій каналъ соединилъ Средиземное и Красное моря, а чрезъ нихъ и два океана, именно Атлантическій и Индійскій. Противопо-

ложные берега материковъ соединяются желѣзными дорогами. Сѣвероамериканцы построили желѣзную дорогу черезъ всю свою территорію съ Востока на Западъ, отъ западнаго берега Атлантическаго океана до восточнаго берега Великаго. Благодаря Сибирской желѣзной дорогѣ, соединяющейся съ европейскими линіями, можно проѣхать сравнительно скоро отъ восточнаго берега Атлантическаго океана до западнаго берега Великаго. Нѣмецкій проектъ Багдадской желѣзной дороги имѣетъ въ виду создать путь, параллельный тому, который идетъ черезъ Суэзскій каналъ. Наконецъ, возможны и новые великіе пути—черезъ всю Африку съ Сѣвера на Югъ (англійская идея) или изъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи въ Индію. Тѣмъ же цѣлямъ скорыхъ сношеній служатъ и телеграфы, сѣтью которыхъ теперь покрытъ весь земной шаръ.

ГЛАВА II.

Общій взглядъ на культурное развитіе народовъ.

90. Первоначальное значеніе слова *культура* есть *обработка*, *воздѣлываніе*, но въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ исторіи, оно является синонимомъ термина *бытъ*, такъ что исторія культуры есть, собственно говоря, исторія быта или исторія общественныхъ *состояній* въ отличіе отъ исторіи *событій*, а въ ихъ числѣ и *общественныхъ движеній*, составляющихъ содержаніе прагматической исторіи. Принимая въ расчетъ первоначальное значеніе слова „культура", мы должны прибавить, что обработка, которую имѣетъ въ виду этотъ терминъ, является результатомъ дѣятельности человѣка, предметами же ея могутъ быть или природа, какъ физическая среда, въ которой онъ живетъ, или самъ онъ, какъ существо, способное мыслить, чувствовать, стремиться, дѣйствовать, или, наконецъ, общество, безъ котораго немыслимо самое существованіе человѣка, этого, по выраженію Аристотеля, „общественнаго животнаго". Отсюда — раздѣленіе культуры на матеріальную, духовную и общественную.

91. Къ области матеріальной культуры относится все, что̀ служитъ для поддержанія человѣческой жизни, ради чего люди и направляютъ свою дѣятельность на окружающую ихъ среду, обрабатываютъ отдѣльные, необходимые имъ предметы. Человѣку нужны пища, жилище и одежда, безъ которыхъ немыслимы его физическое существованіе, необходимы орудія для добыванія нужныхъ ему предметовъ и для приспособленія ихъ къ удовлетворенію его потребностей, необходимо оружіе, которымъ онъ могъ бы пользоваться въ борьбѣ за существованіе, и важны также для него способы, облегчающіе или ускоряющіе передвиженіе въ пространствѣ какъ его самого, такъ и всѣхъ нужныхъ ему предметовъ, т.-е. пути сообщенія и

средства перевозки тяжестей. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей лежитъ въ основѣ той дѣятельности человѣка, которая, раздѣляясь на множество частныхъ видовъ, можетъ быть обобщена подъ названіемъ промышленной въ самомъ широкомъ смыслѣ, или дѣятельности хозяйственной, понимая подъ этимъ словомъ всякую дѣятельность человѣка, имѣющую характеръ промысла и направленную на добываніе, переработку или перемѣщеніе матеріальныхъ предметовъ. Организація хозяйственной или, что то же самое, экономической дѣятельности относится уже къ области культуры общественной, въ понятіе же культуры матеріальной входятъ всѣ созданные хозяйственною дѣятельностью продукты, количество и качество которыхъ говоритъ намъ, во-первыхъ, о бо̀льшемъ или меньшемъ благосостояніи общества, во-вторыхъ, о бо̀льшемъ или меньшемъ умѣніи самихъ людей созидать, преобразовывать или перемѣщать матеріальные предметы. Пріемы, какими люди пользуются для добыванія, обработки или перевозки всего, что̀ имъ нужно для матеріальнаго существованія, обозначаются обыкновенно словомъ техника. Имѣя отношеніе къ матеріальной культурѣ, техника въ широкомъ смыслѣ этого слова является, собственно говоря, результатомъ той обработки, которой подвергаются въ процессѣ исторіи сами способности человѣка, его т.-е. умъ и воля, направляющіе его дѣятельность.

92. Отношеніе человѣка къ окружающей его природѣ ограничивается не одною практическою стороною, и кромѣ умѣній, связанныхъ съ его воздѣйствіемъ на природу, человѣку нужны многія другія умѣнія. Природа дѣйствуетъ на чувство и умъ человѣка, рядомъ съ утилитарнымъ къ себѣ отношеніемъ вызывая въ человѣкѣ отношенія эстетическое и теоретическое, затрогивая его воображеніе и мысль. Человѣкъ стремится не только къ поддержанію своей жизни, но и къ ея украшенію, и находитъ удовольствіе въ удовлетвореніи не только своихъ физическихъ потребностей, но и потребностей духовныхъ. Его окружаетъ не одна природа, а окружаютъ еще люди, общеніе съ которыми бываетъ для него не только необходимымъ и полезнымъ, но и пріятнымъ, безкорыстно желательнымъ. Общеніе человѣка съ другими людьми требуетъ существованія и соотвѣтственнаго этому средства, особаго умѣнія передавать другимъ свои мысли, чувства и желанія, да и другія духовныя потребности человѣка могутъ удовлетворяться лишь при существованіи тѣхъ или другихъ пріемовъ въ достиженіи ставимыхъ себѣ человѣкомъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ языкомъ, какъ средствомъ общенія между людьми и въ то же время орудіемъ мысли, а въ случаяхъ другого рода—съ безсознательными пріемами и сознательными ме-

тодами мысли, направленной на міръ природы и міръ человѣка. Удовлетворяя своимъ духовнымъ стремленіямъ, человѣкъ создаетъ себѣ цѣлый міръ образовъ и идей, которымъ мы даемъ названія религіи и морали, литературы и искусства, науки (съ техникой) и философіи, міръ духовной культуры общества, являющійся для каждой отдѣльной личности тоже своего рода средой, вліяющей на все его духовное существованіе. Къ этому нужно прибавить еще нравы и обычаи, въ которыхъ проявляется моральная физіономія общества и которые равнымъ образомъ играютъ роль воспитывающей отдѣльную личность культурной среды.

93. Людей соединяютъ въ обществѣ естественная необходимость, взаимныя влеченія, привычка, расчетъ взаимной пользы и т. п.; но всякое прочное и постоянное соединеніе людей предполагаетъ извѣстную организацію, формы которой и составляютъ общественную культуру. Къ этой области относятся разныя явленія общественной жизни, обобщаемыя подъ названіями народнаго хозяйства, права, государства. Совмѣстное участіе отдѣльныхъ лицъ въ промышленной дѣятельности всегда совершается въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ для даннаго мѣста и времени формахъ, зависящихъ и отъ природы данной страны, и отъ состоянія техники у даннаго народа, и отъ выработаннаго у него исторіей общественнаго строя; эти формы мы называемъ экономическими. Въ обширную область народнаго хозяйства входятъ разныя явленія общественной жизни, которыя мы называемъ производствомъ, распредѣленіемъ, обмѣномъ, потребленіемъ продуктовъ и т. п. Другую категорію общественныхъ явленій, отличную отъ народнаго хозяйства, хотя во многихъ пунктахъ и соприкасающуюся съ нимъ, мы называемъ правомъ и къ числу юридическихъ явленій общественной жизни относимъ законы и многіе обычаи, имѣющіе ихъ силу (обычное право), суды, ихъ примѣняющіе къ отдѣльнымъ случаямъ, и т. д. Существованіе права и народнаго хозяйства предполагаетъ существованіе политической организаціи, т.-е. государства или, по крайней мѣрѣ, какой-либо зачаточной его формы, вообще такого общежитія, въ которомъ существуетъ какая-либо власть, правительство, внутреннее устройство, опредѣляющее взаимныя отношенія государя и подданныхъ, правителей и управляемыхъ и стоящее въ связи со взаимными отношеніями отдѣльныхъ классовъ или сословій, образующихъ общество. Все это — область явленій политическихъ. Такимъ образомъ общественная культура распадается на политическія, юридическія и экономическія формы, совокупностью которыхъ обусловливается весь соціальный строй общества. И онъ для отдѣльныхъ членовъ общества тоже является особаго рода средой, отъ которой зависитъ вся его жизнь.

94. Каждаго человѣка, слѣдовательно, окружаетъ двоякаго рода среда: одна, это—среда физическая, болѣе или менѣе преобразованная человѣкомъ (въ матеріальной культурѣ); другая, это — среда общественная, культурно-соціальная, т.-е. само общество съ его языкомъ и техникой, нравами и обычаями, съ его религіозными, моральными, философскими и научными идеями, съ его художественными и литературными формами, съ его экономическими, юридическими и политическими отношеніями. Всѣ эти, только-что перечисленные элементы культуры находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, одни другими обусловливаясь, одни на другихъ вліяя. Право, напр., находится въ связи съ моралью и оказываетъ вліяніе на народное хозяйство и само зависитъ отъ государства. Въ обществѣ могутъ существовать только извѣстныя комбинаціи отдѣльныхъ культурно-соціальныхъ формъ, и наличность той или другой комбинаціи зависитъ отъ той ступени общаго культурнаго развитія, на которой находится то или другое общество: то, что́ мыслимо и возможно у цивилизованнаго народа, не можетъ быть достигнуто и осуществлено въ какомъ-нибудь дикомъ племени. Матеріальная, духовная и общественная культура развивается болѣе или менѣе равномѣрно, хотя, конечно, и бываютъ случаи, когда однѣ стороны жизни болѣе или менѣе опережаются другими. Въ общемъ можно сказать, что успѣхи, сдѣланные обществомъ въ одномъ направленіи, только тогда оказываются прочными, когда успѣхи дѣлаются и въ другихъ направленіяхъ, такъ какъ жизнь всегда стремится возстановить нарушенное въ ней равновѣсіе.

95. Культурно-соціальныя формы обладаютъ способностью переживать цѣлыя поколѣнія того общества, въ которомъ существуютъ, въ то же время постепенно измѣняясь въ этомъ своемъ переживаніи. Это одинаково относится къ внѣшнему виду жилья или платья, къ техническимъ пріемамъ и къ языку, къ хозяйству и государственному устройству. Эта способность переживанія культурно-соціальныхъ формъ обусловливается тѣмъ, что каждый новый нарождающійся членъ общества находитъ ихъ уже готовыми, и ему остается лишь ихъ усвоить, имъ подчиниться. Составъ народа постоянно обновляется, старшія поколѣнія сходятъ постепенно со сцены, уступая мѣсто новымъ, но его языкъ и техническіе пріемы, его міросозерцаніе и нравы, его матеріальная культура и общественные порядки могутъ оставаться и во многихъ случаяхъ остаются неподвижными въ теченіе длинныхъ періодовъ, за которые смѣнится нѣсколько поколѣній. Бытъ дикарей отличается именно такою неподвижностью, которой и присвоено названіе культурнаго застоя. Но, съ другой стороны, въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютно неизмѣннаго, и только незначительность и медленность совершающихся измѣненій, собственно говоря, дозволяетъ

намъ употреблять терминъ — „застой". Обладая извѣстною устойчивостью, культурно-соціальныя формы тѣмъ не менѣе постоянно измѣняются. Если измѣненія прямо и сразу бросаются въ глаза и по своей важности, и по быстротѣ, съ какою совершаются, мы разсматриваемъ эти явленія, какъ нѣчто противоположное застою, и говоримъ о трансформаціи культуры вообще или отдѣльныхъ ея элементовъ (языка и техники, религіи и государства, права и экономическаго строя и т. п.), даже отдѣльныхъ словъ языка, представленій религіи, гражданскихъ законовъ и т. п.

96. Причинъ, вызывающихъ общее измѣненіе культурно-соціальныхъ формъ, существуетъ громадное количество. Полный культурный застой былъ бы мыслимъ лишь тогда, когда бы въ природѣ страны не происходило никакихъ измѣненій (не выпахивалась бы почва, не вырубались лѣса, не уменьшалось количество звѣрей и птицъ и т. п.), когда бы вмѣстѣ съ тѣмъ число жителей страны оставалось однимъ и тѣмъ же съ одинаковымъ распредѣленіемъ ихъ между отдѣльными полами и возрастами и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, когда бы, далѣе, у народа не было никакихъ сосѣдей, которые такъ или иначе могли бы вліять на его судьбу, когда бы, наконецъ, люди способны были лишь къ одному пассивному усвоенію и подчиненію по отношенію къ сложившимся культурно-соціальнымъ формамъ, т.-е. когда бы въ людяхъ не работала собственная мысль, въ ихъ дѣйствіяхъ не проявлялась собственная воля. Измѣненія, производимыя самимъ же человѣкомъ въ окружающей природѣ, увеличеніе народонаселенія, заставляющее его расширять свою экономическую дѣятельность, сосѣдскія отношенія народа, оказывающія то или другое вліяніе на его внутренній бытъ, наприм., необходимость усиленія военной обороны или заимствованіе у сосѣдей какого-либо изобрѣтенія, и единичныя или коллективныя уклоненія и отступленія самихъ людей отъ данныхъ воззрѣній, обычныхъ пріемовъ дѣятельности, установившихся порядковъ, — все это вмѣстѣ взятое и составляетъ общія причины культурно-соціальныхъ трансформацій.

97. Такъ какъ культурно-соціальныя формы существуютъ только, благодаря человѣческимъ дѣятельностямъ—физической и духовной, и проявляются только въ нихъ и черезъ нихъ, то въ концѣ концовъ непосредственный источникъ всѣхъ бытовыхъ перемѣнъ лежитъ въ самихъ же людяхъ, въ ихъ поведеніи, въ ихъ дѣятельности, въ ихъ поступкахъ, изъ которыхъ, замѣтимъ кстати, состоятъ и всѣ событія (т.-е. прагматическіе факты исторіи). Къ новому пріему какой-либо работы, къ установленію новаго отношенія къ своимъ сотрудникамъ въ этой работѣ, къ новой какой-либо мысли вообще можетъ придти или одинъ какой-либо человѣкъ, которому потомъ

подражаютъ другіе, или же подъ вліяніемъ обстоятельствъ и многіе, такъ сказать, „всѣ“ постепенно что-либо измѣняютъ въ своемъ образѣ мыслей, въ своемъ образѣ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ значеніе дѣятельности отдѣльныхъ людей въ исторіи соціально-культурныхъ формъ далеко неодинаково, какъ неодинаково оно и въ исторіи событій. Въ этомъ отношеніи между отдѣльными людьми можно установить цѣлую лѣстницу, на низшихъ ступеняхъ которой будутъ стоять люди, жизнь которыхъ прошла безслѣдно для культурнаго или прагматическаго движенія исторіи, а на верхнихъ—крупные историческіе дѣятели, великіе люди, какъ ихъ называютъ, геніи ума, чувства или воли, записавшіе свои имена на вѣки въ лѣтописяхъ міра.

98. На роль великихъ людей въ исторіи существуетъ нѣсколько взглядовъ, самыми крайними изъ которыхъ являются два: въ исторіи все сдѣлано одними великими людьми, и великіе люди не имѣютъ въ исторіи рѣшительно никакого значенія. Первый взглядъ отрицаетъ значеніе дѣятельности обыкновенныхъ смертныхъ, хотя они какъ-никакъ, а все-таки оставляютъ послѣ себя результаты своей работы, а другой приводитъ къ тому заключенію, что или „всѣ“ совершенно равны по своему историческому значенію, или что исторія движется какъ-то сама собою, безъ участія въ ней людей, т. е. представляетъ собою совершенно безличный процессъ. Правильный взглядъ заключается въ признаніи того, что отдѣльные люди по своему историческому значенію могутъ быть размѣщены на различныхъ и притомъ безгранично многихъ ступеняхъ нѣкоторой мысленной лѣстницы.

99. Старая точка зрѣнія на великихъ людей и вообще на единичныхъ лицъ, какъ на главныхъ, если не единственныхъ дѣятелей исторіи, теперь совсѣмъ оставлена, и исторія не сводится уже на однѣ біографіи государственныхъ мужей, полководцевъ, реформаторовъ и т. п. и очень далека отъ мысли, будто судьбы народовъ въ концѣ концовъ зависятъ отъ ихъ личнаго произвола. Современная историческая наука стремится объяснить всѣ подлежащіе ея вѣдѣнію факты генетически, т.-е. ищетъ ихъ происхожденія прежде всего въ общихъ условіяхъ мѣста и времени, въ общихъ причинахъ, которыя, между прочимъ, позволяли и отдѣльнымъ лицамъ играть особыя, имъ лишь принадлежащія роли въ историческомъ процессѣ. Еще историки классической древности, оперировавшіе главнымъ образомъ надъ прагматическими фактами, поставили научную задачу связывать отдѣльныя событія, какъ причины и слѣдствія. Разъ въ исторіи все связано одно съ другимъ причинною (каузальною) связью, тому же закону подчинена и вся дѣятельность людей, а чрезъ нее подчинена этому закону и культурно-соціальная трансформація: въ основѣ всѣхъ измѣненій, происходящихъ во внѣшнемъ быту, въ моральномъ мірѣ,

въ общественномъ строѣ народовъ, всегда лежатъ общія причины, которыя въ свою очередь являются лишь слѣдствіями другихъ причинъ, а тѣ—третьихъ и т. д. и т. д.

100. Одна и та же причина при однихъ и тѣхъ же условіяхъ дѣйствуетъ всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, т.-е. порождаетъ одно и то же слѣдствіе. Въ этомъ и заключается основная идея закономѣрности, господствующей въ теченіи общественной жизни и въ историческомъ процессѣ. Конечно, въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти о законахъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово употребляется, напр., въ физикѣ, т.-е. въ значеніи законовъ природы, а не въ значеніи нормъ, установленныхъ людьми. Жизнь общества протекаетъ закономѣрно въ томъ смыслѣ, что все, въ немъ происходящее, имѣетъ свои причины, и что каждая причина связана со своимъ слѣдствіемъ неизмѣннымъ образомъ. Разъ это такъ, то и культурно-соціальная трансформація совершается тоже закономѣрно. Въ указанномъ отношеніи развитіе общества можно сравнить съ развитіемъ организма, хотя первое гораздо сложнѣе второго. Каждый организмъ одного и того же вида развивается по извѣстному плану, какъ бы исполняя одну общую программу жизни, т.-е. измѣняется, переходитъ изъ одного состоянія въ другое, въ извѣстномъ порядкѣ. Законы, по которымъ происходитъ какое бы то ни было развитіе, или эволюція, какъ принято теперь говорить, можно назвать эволюціонными въ отличіе отъ причинныхъ, или каузальныхъ. Послѣдніе указываютъ, что̀ отъ чего зависитъ, а эволюціонные — что̀ во что̀ переходитъ. Разница между культурно-соціальною и органическою эволюціей та, что первая неизмѣримо сложнѣе, а это дѣлаетъ крайне труднымъ установленіе общихъ формулъ эволюціи обществъ или отдѣльныхъ сторонъ его внѣшняго быта, моральнаго міра и общественнаго строя, хотя наука и стремится къ этому.

101. Могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ формулированія эволюціонныхъ законовъ является историко-сравнительный методъ. Уже въ древности было указано на то, что большая часть городовыхъ государствъ Греціи переживала одни и тѣ же политическія перемѣны [1]), современная же наука обобщила лежащую въ основѣ такого наблюденія идею и привлекаетъ къ сравненію однородныя явленія изъ жизни всѣхъ странъ и народовъ, жившихъ въ разныя времена и находившихся на разныхъ ступеняхъ развитія, для того, чтобы такимъ путемъ устанавливать аналогіи въ развитіи однихъ и тѣхъ же элементовъ культуры. Другимъ методомъ, ведущимъ къ той же цѣли, является разсужденіе, сопоставляющее исходные пункты какого-либо

---

¹) Др. И., § 92.

развитія съ достигнутыми въ немъ результатами и старающееся выяснить, черезъ какія стадіи неизбѣжно должно было пройти развитіе, чтобы дать эти результаты. Въ области религіозной эволюціи, наприм., это—переходъ отъ фетишизма къ монотеизму черезъ политеизмъ [1]). И обобщенные итоги сравнительнаго изученія, и выводы изъ разсужденія уже дали нѣсколько прочныхъ заключеній. Для примѣра укажемъ на эволюцію каменнаго вѣка и смѣны его желѣзнымъ [2]), на переходъ отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому, а отъ него къ земледѣльческому и позднѣе всего къ индустріальному [3]), на возникновеніе и разложеніе родового быта, какъ промежуточной ступени между безформенными ордами и государственными образованіями [4]), на переходъ идеографическаго (и символическаго) письма въ силлабическое, а послѣдняго въ буквенное [5]) и пр. и пр.

102. Если бы всѣ народы, составляющіе человѣчество, были поставлены въ одинаковыя условія, то они развивались бы совершенно одинаково, и исторія одного была бы повтореніемъ исторіи другого. Лишь въ извѣстныхъ отношеніяхъ отдѣльные народы какъ бы продѣлываютъ одну и ту же исторію, повторяютъ одну и ту же эволюцію, но въ другихъ каждый имѣетъ свою собственную, непохожую на другія историческую судьбу. Это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ трехъ категорій причинъ, изъ которыхъ одна находится въ географической средѣ, другая—въ расовыхъ различіяхъ, существующихъ между народами, третья—въ общемъ ходѣ всемірной исторіи.

103. Географическія условія исторической жизни народовъ суть климатъ и другія физическія свойства странъ, обусловливающіе между прочимъ и произведенія природы, которыя существуютъ въ этихъ странахъ. Не даромъ первыми колыбелями исторической жизни были Египетъ, Месопотамія, Индія и Китай, находящіеся въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ и представляющіе одинаковыя почвенныя условія [6]). Недаромъ цивилизація распространялась постепенно изъ болѣе жаркихъ странъ въ страны болѣе холодныя, и въ Европѣ историческая жизнь началась на югѣ и позднѣе всего втянула въ себя самыя сѣверныя страны [7]). Недаромъ также первыя цивилизаціи были рѣчными, и только позднѣе явились цивилизаціи морскія, причемъ

---

[1]) Др. И., § 8.
[2]) Др. И., § 3.
[3]) Др. И., § 6.
[4]) Др. И., § 7.
[5]) Др. И., § 9.
[6]) Др. И., § 16. Карта I.
[7]) Др. И., § 53—54.

географическія условія Финикіи и Греціи и позволили имъ сыграть ихъ всемірно-историческую роль [1]. Недаромъ же равнымъ образомъ, Средиземное море дало возможность жившимъ около него народамъ развить такую богатую и разнообразную историческую жизнь, тогда какъ географическія условія Китая и Индіи, отдѣленныхъ трудно проходимыми пустынями и горами отъ главной исторической сцены древности, заставили ихъ вести болѣе изолированную жизнь [2]. Довольно этихъ немногихъ примѣровъ для иллюстраціи общаго положенія о вліяніи географическихъ условій на историческую жизнь [3].

104. Съ другой стороны, по своимъ расовымъ свойствамъ отдѣльные народы рѣзко отличаются между собою. Что бы ни говорили на тему о томъ, что нѣтъ ни одного историческаго народа чистой расы, или на тему о значеніи географическихъ условій и внѣшнихъ историческихъ судебъ, факты существованія болѣе способныхъ и менѣе способныхъ къ культурному развитію расъ и существованія исторически сложившихся національныхъ особенностей въ предѣлахъ одной и той же расы не подлежатъ оспариванію. Недаромъ народы черной расы отстали въ своемъ развитіи отъ народовъ желтой и бѣлой расъ, недаромъ же сама желтая раса отстаетъ отъ бѣлой, а въ бѣлой первоначальное первенство семитовъ перешло къ арійцамъ. Какую печать на народъ ни накладывали бы его географическая среда и его историческая судьба, на немъ сказывается и дѣйствіе законовъ органической наслѣдственности, и, наприм., въ жилахъ теперешнихъ французовъ все еще течетъ кровь ихъ кельтскихъ предковъ [4].

105. Рядомъ съ географическими условіями странъ и расовыми особенностями народовъ стоятъ и ихъ историческія судьбы, прежде всего заключавшіяся въ томъ, въ какой именно моментъ всемірной исторіи каждый отдѣльный народъ втягивался въ ея процессъ и какая роль выпадала здѣсь на его долю. Каждый историческій народъ не только живетъ своею жизнью, но и участвуетъ въ общей жизни, вступая въ нее на извѣстной ступени и своего развитія, и развитія самой этой жизни. На Средиземномъ морѣ торговая и колонизаціонная дѣятельность грековъ началась позже финикійской, но раньше римскихъ завоеваній [5]. Германцы и славяне начали свою историческую жизнь подъ вліяніемъ античной цивилизаціи, но первые изъ нихъ находились, повидимому, уже на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ

---

[1]) Др. И., § 18. Карты VIII и X.
[2]) Др. И., § 17. Карта I.
[3]) См., кромѣ того, Др. И., § 19, 21, 26, 30, 36, 44, 55, 58, 223, 225.
[4]) Др. И., §§ 11—13. Карта II.
[5]) Др. И., §§ 19, 55 и 225.

торые [1]). Каждый историческій народъ всегда болѣе или менѣе продолжаетъ не только то, что начали его собственные предки, но и культурную работу другихъ народовъ, дѣлая у нихъ культурныя заимствованія или принимая на себя ихъ историческія задачи. Археологическія раскопки съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ глубочайшей древности существовали культурныя вліянія однихъ народовъ на другіе. Одинъ изъ общихъ результатовъ культурныхъ вліяній народа на народъ и исторической преемственности заключается въ томъ, что далеко не всегда культурно-соціальныя измѣненія совершаются путемъ одного внутренняго развитія. Исторія каждаго народа зависитъ не только отъ окружающей его физической среды и отъ его прирожденныхъ свойствъ и способностей, но и отъ тѣхъ историческихъ вліяній, которымъ онъ подвергался, отъ культурныхъ заимствованій, которыя онъ могъ дѣлать.

106. Особенности природныхъ и историческихъ условій существованія народовъ и производятъ крайнія несходства въ ихъ исторіи, затрудняющія формулировку законовъ культурно-соціальной эволюціи, но съ другой стороны, многія общія черты, которыя можно подмѣтить и уловить въ развитіи разныхъ народовъ, и участіе отдѣльныхъ народовъ въ общей культурно-соціальной эволюціи человѣчества позволяютъ все-таки разрѣшать научную задачу, поставленную общею идеей закономѣрности культурно-соціальной эволюціи. Каждый народъ какъ бы повторяетъ въ своей жизни тѣ же ступени развитія, которыя переживаются и другими народами, а вмѣстѣ съ тѣмъ иногда какъ-бы и продолжаетъ еще дѣло, начатое другими, ранѣе его вступившими въ историческую жизнь народами. Иными словами, дѣйствіе законовъ развитія можетъ быть прослѣжено и на исторіи отдѣльныхъ народовъ, и на исторіи всего человѣчества, взятаго въ его цѣломъ.

107. Всемірная исторія культуры есть исторія рѣшенія великаго множества очень трудныхъ задачъ, ставимыхъ человѣчеству жизнью, и начатое въ этомъ отношеніи одними народами часто продолжается другими. Наша гражданская азбука, передѣланная изъ церковно-славянской при Петрѣ Великомъ, черезъ эту славянскую азбуку, передѣланную изъ греческой при Кириллѣ и Меѳодіи, происходитъ изъ азбуки финикійской, которая въ свою очередь произошла въ концѣ концовъ изъ египетскихъ іероглифовъ [2]. Вся новая европейская наука имѣетъ корень въ наукѣ грековъ, которые сами были учениками восточныхъ народовъ [3]). На государственной организа-

[1]) И. ср. вв., §§ 3, 4, 13, 30, 126.
[2]) Др. И., §§ 24, 32. И ср. вв., § 106.
[3]) Др. И., §§ 24, 28, 64, 146.

ціи современныхъ европейскихъ націй сказалось вліяніе Римской имперіи (у насъ черезъ Византію и позднѣе черезъ Западъ), но на самой римской организаціи отразилось вліяніе эллинистическаго Востока, въ частности Египта, который при Птолемеяхъ сохранилъ и развилъ многое изъ временъ фараоновъ [1]). Такихъ примѣровъ исторія представляетъ великое множество.

108. Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать тотъ естественный выводъ, что у каждаго народа есть, такъ сказать, особая роль во всемірной исторіи культурнаго развитія, у однихъ народовъ болѣе значительная, у другихъ совсѣмъ малая, у однихъ въ однихъ отношеніяхъ, у другихъ—въ другихъ, у однихъ въ одно время, у другихъ—въ другое. Укажемъ въ видѣ примѣровъ на значеніе финикійцевъ для исторіи торговаго мореплаванія и распространенія культуры передъ выступленіемъ грековъ, на роль Персидской державы, на услуги, оказанныя греками философіи и наукѣ, искусствамъ и литературѣ, на объединительную и организаторскую роль римлянъ и на созданное ими право, на значеніе евреевъ въ религіозной исторіи цивилизованнаго міра, на временный блескъ исторіи арабовъ и т. п., а въ новой исторіи на такія явленія, какъ географическія открытія португальцевъ и испанцевъ, на итальянскій гуманизмъ, на нѣмецкую реформацію, на французское просвѣщеніе XVIII в. и пр. и пр.

109. Изучая культурную исторію отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества, мы не только устанавливаемъ фактъ совершающагося въ ней развитія въ смыслѣ выработки болѣе сложныхъ формъ изъ формъ, менѣе сложныхъ, простыхъ, элементарныхъ, но и оцѣниваемъ внутреннее значеніе этого развитія, видя въ немъ совершенствованіе культуры, лучшее достиженіе ея средствами тѣхъ цѣлей, какія ставитъ себѣ человѣкъ, расширеніе и все большее облагороженіе этихъ цѣлей, приближеніе человѣка къ болѣе истинному пониманію всего существующаго въ мірѣ и увеличеніе общечеловѣческой солидарности. Сколько бы несовершеннаго ни представляла современная жизнь человѣчества, все-таки въ насъ живетъ воспитываемое историческимъ образованіемъ сознаніе, что въ исторіи человѣчества совершается прогрессъ въ смыслѣ увеличенія власти человѣка надъ природой и улучшенія его матеріальнаго существованія, въ смыслѣ улучшенія его умственной, нравственной и общественной культуры. Въ умственномъ и нравственномъ развитіи самой личности и въ ея работѣ надъ улучшеніемъ окружающей культуры заключается одинъ изъ залоговъ и дальнѣйшаго прогресса въ грядущихъ періодахъ всемірной исторіи.

---

[1]) Др. И., § 278.

110. О матеріальной культурѣ первобытнаго человѣка мы узнаёмъ главнымъ образомъ изъ данныхъ доисторической археологіи, дополняемыхъ наблюденіями надъ бытомъ современныхъ дикарей. Первыми орудіями, которыми пользовался человѣкъ для разнаго рода цѣлей, были крѣпкіе камни, грубо обдѣланные въ формѣ топоровъ, ножей, наконечниковъ для копья и т. п., находимые теперь во множествѣ въ рѣчныхъ наносахъ и пещерахъ. Для того періода доисторической жизни народовъ, когда люди пользовались лишь каменными орудіями, принято въ наукѣ названіе каменнаго вѣка, въ которомъ притомъ различаютъ еще отдѣльныя эпохи, свидѣтельствующія, что техника изготовленія каменныхъ орудій постепенно совершенствовалась. Вмѣстѣ съ орудіями, сдѣланными уже изъ болѣе мягкихъ породъ камня и болѣе или менѣе искусно отшлифованными, находятъ уже слѣды такъ называемыхъ свайныхъ построекъ, глиняную посуду, остатки лодокъ и рыболовныхъ снастей, а также и хлѣбныя зерна. Къ болѣе поздней эпохѣ каменнаго вѣка относятся также и наиболѣе раннія украшенія и первыя попытки изображенія животныхъ, равно какъ и древнѣйшія мѣста погребенія покойниковъ. Прежде думали, что за каменнымъ вѣкомъ повсемѣстно слѣдовалъ бронзовый, а за нимъ уже желѣзный, но теперь дознано, что иногда желѣзный вѣкъ предшествовалъ бронзовому. Металлическія вещи, приготовленіе которыхъ требуетъ болѣе сложной техники, встрѣчаются уже вмѣстѣ съ предметами самой поздней эпохи каменнаго вѣка, но любопытно, что при выдѣлкѣ металлическихъ топоровъ, ножей, стрѣлъ и т. п., какъ образцами, пользовались соотвѣтственными предметами изъ камня: это указываетъ на эволюціонную связь между каменнымъ вѣкомъ и слѣдовавшими за нимъ. Изготовленіе металлическихъ предметовъ требуетъ уже хорошаго умѣнія обращаться съ огнемъ, но не сразу люди перешли даже къ приготовленію пищи на огнѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нахожденіе такъ называемыхъ кухонныхъ остатковъ лишь съ предметами болѣе позднихъ эпохъ. Равнымъ образомъ и прирученіе животныхъ, или ихъ одомашненіе относится только къ болѣе позднимъ періодамъ каменнаго вѣка, да и то, напр., пользованіе лошадью нужно признать явленіемъ сравнительно очень позднимъ и на первыхъ порахъ весьма рѣдкимъ [1]).

111. Вещественные памятники, оставленные народами древняго Востока, уже свидѣтельствуютъ о значительномъ техническомъ прогрессѣ, совершенномъ этими народами раньше, нежели они стали воздвигать пирамиды и обелиски, храмы и дворцы, каналы и цистерны и выдѣлывать разныя вещи, имѣющія уже и художественное зна-

---

[1]) Др. И., §§ 2—6.

ченіе, а также начертывать на своихъ памятникахъ цѣлые тексты. Идеографическое письмо древнѣйшихъ надписей связываетъ искусство закрѣпленія рѣчи посредствомъ видимыхъ знаковъ съ тѣми рисунками, которые первобытный человѣкъ выцарапывалъ на кости или рогѣ. У народовъ Востока мы уже имѣемъ дѣло съ развитою художественною техникою, служившею религіознымъ цѣлямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующею о большомъ навыкѣ къ разнаго рода ручнымъ работамъ. Восточная культура есть уже культура земледѣльческихъ народовъ, пережившихъ стадіи охотничьяго и пастушескаго быта и даже развивавшихъ у себя промышленность и торговлю [1]).

112. Наиболѣе ранніе періоды матеріальной культуры древнѣйшихъ историческихъ народовъ намъ совершенно неизвѣстны, но относительно другихъ народовъ, позднѣе выступавшихъ на исторической сценѣ, мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія объ очень раннихъ ступеняхъ ихъ быта. По даннымъ языка [2]) мы можемъ прослѣдить культурное развитіе арійцевъ до временъ перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому, отъ исключительнаго занятія скотоводствомъ къ земледѣлію, а въ Библіи сохранились указанія на пастушескій бытъ и предковъ еврейскаго народа. Съ европейскими арійцами, т.-е. съ греками, италиками, германцами и славянами исторія знакомится на гораздо низшей ступени развитія, чѣмъ та, на которой стояли Египетъ или Ассиро-Вавилонія. И иранцы въ Азіи, и греки съ италиками въ Европѣ стали развивать свою матеріальную культуру подъ сильнымъ вліяніемъ египтянъ и ассиро-вавилонянъ при посредствѣ финикійцевъ. Греческая археологія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ постепенно переходили предки историческихъ эллиновъ отъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій и глиняныхъ горшковъ, сдѣланныхъ руками, къ желѣзу и гончарному станку [3]).

113. Уже древній міръ стоялъ на высокой степени техническаго развитія въ сельскомъ хозяйствѣ, въ прядильной и ткацкой промышленности, въ изготовленіи каменныхъ, глиняныхъ и металлическихъ вещей, каковы домашняя утварь, орудія всякаго рода, вооруженіе и т. п., въ строительномъ искусствѣ, въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ, напр., уже употреблялись осадныя машины, въ судостроеніи и т. п., причемъ торговыя сношенія и военные походы содѣйствовали распространенію разныхъ изобрѣтеній по самымъ отдаленнымъ странамъ. Этотъ техническій прогрессъ сопровождался раз-

---

[1]) Др. И., §§ 10, 24, 28, 32.

[2]) Др. И., § 12.

[3]) Др. И., §§ 35, 51, 54, 64, 64—66, 230 и др. И. ср. вв., §§ 30 и 126.

витіемъ прикладныхъ наукъ, т.-е. примѣненіемъ къ практическимъ цѣлямъ теоретическихъ знаній, выработанныхъ чистыми науками въ родѣ математики. Первоначально техника совершенствовалась путемъ одной практики, но въ эпоху александрійской образованности на помощь къ такимъ искусствамъ, какъ кораблестроеніе, сооруженіе стѣнобитныхъ машинъ и т. п. стала приходить наука. Отмѣтимъ еще, что въ древности существовали и большіе города съ многоэтажными зданіями, съ толстыми стѣнами и башнями, хорошо устроенные порты, большія торговыя и военныя дороги и т. п., остатки которыхъ и теперь говорятъ о высотѣ достигнутой тогда культуры [1]).

114. Въ матеріальной культурѣ средніе вѣка почти исключительно жили наслѣдіемъ древней техники. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно въ первую половину среднихъ вѣковъ происходилъ не прогрессъ, а регрессъ техники, которую древніе довели уже до большого совершенства, а если и совершались какія-либо частныя улучшенія, то крайне медленно, съ большими промежутками и съ очень нескорымъ распространеніемъ въ другихъ мѣстахъ. Только къ концу среднихъ вѣковъ было сдѣлано нѣсколько особенно важныхъ изобрѣтеній и открытій. Кое-чѣмъ матеріальная культура новой Европы была обязана арабамъ, но главное значеніе имѣютъ изобрѣтенія самихъ европейцевъ, каковы порохъ и огнестрѣльное оружіе, компасъ, бумага и книгопечатаніе, хотя и тутъ изобрѣтатели только совершенствовали искусства, бывшія въ ходу уже раньше и занесенныя въ Европу съ Востока. Открытіе Америки и морского пути въ Индію познакомили европейскіе народы со многими новыми произведеніями американской и азіатской природы, что̀ тоже оказало вліяніе на нашу матеріальную культуру: стоитъ только вспомнить о появленіи въ Европѣ такихъ растеній, какъ картофель и табакъ [2]).

115. Замѣтимъ вообще, что съ развитіемъ сношеній между отдѣльными народами распространяются не только ихъ техническія изобрѣтенія, но и культурныя растенія и домашнія животныя, полезныя для человѣка. Родиной очень многихъ растеній и животныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ обходиться, была Азія, и лишь путемъ постепеннаго усвоенія пріемовъ при разведеніи этихъ растеній и животныхъ и путемъ постепенной акклиматизаціи ихъ самихъ они распространились и по Европѣ. Съ другой стороны, появленіе европейцевъ во всѣхъ частяхъ свѣта—со времени открытія Америки и морского пути въ Индію—содѣйствовало распространенію европейской техники и нашихъ культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ

---

[1]) Др. И., §§ 21, 22, 24, 26, 28, 32, 66, 91, 220, 250, 255.

[2]) И. ср. вв., §§ 253—258, 274. Н. И., §§ 6 и 15.

тамъ, гдѣ ихъ прежде не было. Напр., лошадь появилась въ Америкѣ впервые вмѣстѣ съ европейскими поселенцами. Къ сожалѣнію, дикіе народы очень часто пользуются главнымъ образомъ такими продуктами нашей матеріальной культуры, которые приносятъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы (алкоголь и порохъ).

116. Особенно быстрые техническіе успѣхи стали оказывать въ своей матеріальной дѣятельности цивилизованные народы съ середины XVIII в., и чѣмъ ближе подходимъ мы къ нашему времени, тѣмъ быстрѣе идетъ техническій прогрессъ и тѣмъ болѣе глубокое вліяніе оказываетъ онъ на всю культурную жизнь человѣчества. Эта быстрота появленія все новыхъ и новыхъ техническихъ изобрѣтеній и громадность ихъ значенія въ жизни человѣчества зависятъ отъ того, что вся новѣйшая техника развивается въ связи съ успѣхами теоретической науки, въ особенности механики, физики и химіи. Цѣлый переворотъ во всей экономической жизни произвело изобрѣтеніе разныхъ машинъ и искусство создавать новыя вещества. Единственною движущею силою, необходимою для производства разныхъ работъ, была первоначально мускульная сила человѣка или животныхъ. Наприм., чтобы перемалывать зерно въ муку, нужно вертѣть жернова, и дѣлалось это раньше всего руками людей или домашними животными. Силою воды стали пользоваться для устройства мельницъ (а потомъ лѣсопиленъ, сукноваленъ и т. п.) впервые около начала нашей эры, а вѣтряныя мельницы появились въ Европѣ только въ эпоху крестовыхъ походовъ, хотя силою вѣтра для мореплаванія пользовались уже давно. Въ серединѣ XVIII в. была изобрѣтена паровая машина, которая вскорѣ стала примѣняться къ горному дѣлу, потомъ и къ фабричной промышленности, а въ первой половинѣ XIX в.—къ перевозкѣ тяжестей по воднымъ и сухому путямъ (пароходы и желѣзныя дороги). Тогда же, во второй половинѣ XVIII в. стали изобрѣтаться разныя рабочія машины, какъ-то: прядильная, ткацкая и т. п., которыя сразу нѣсколькими инструментами, аналогичными ручнымъ, дѣлаютъ ту же работу, какую въ данное количество времени могутъ произвести лишь десятки рабочихъ. Машинное производство, все болѣе и болѣе увеличивающееся, и паровой транспортъ сильно содѣйствовали развитію въ XIX в. каменноугольной промышленности. Въ только-что истекшемъ столѣтіи рядомъ съ паромъ въ промышленной жизни стало играть роль электричество, и въ послѣднее время развилась цѣлая область электротехники (электрическій телеграфъ, электрическій свѣтъ, электрическая тяга и т. п.). Всѣ эти изобрѣтенія въ связи съ другими позволили проложить новые пути для сношеній между странами, соорудить грандіозные каналы и длинные туннели въ горахъ. Приложеніе химіи

къ сельскому хозяйству и къ индустріи дало тоже весьма важные результаты въ дѣлѣ преобразованія нашей матеріальной культуры, и мы пользуемся массой продуктовъ, которые въ XVIII в. были совершенно неизвѣстны, каковы: свекловичный сахаръ, керосинъ, анилиновыя краски и пр. и пр. Человѣкъ все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ природу и ея силы, извлекая изъ природы все большее и большее количество продуктовъ и заставляя силы природы все быстрѣе и быстрѣе ихъ перемѣщать. Къ сожалѣнію, успѣхи техники распространяются и на способы вооруженной борьбы между народами, дѣлая войны все болѣе и болѣе страшными и разорительными, если только не видѣть въ этомъ самомъ обстоятельствѣ залога будущаго прекращенія вооруженныхъ столкновеній между народами [1]).

112. Сравнивая жалкіе зачатки матеріальной культуры съ ея теперешнимъ состояніемъ, сравнивая, напр., каменный молотокъ съ паровымъ молотомъ теперешнихъ желѣзныхъ заводовъ или утлый челнокъ дикаря съ океанскимъ пароходомъ и т. п., мы самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣждаемся въ общемъ прогрессѣ матеріальной культуры. Этотъ прогрессъ является и основою, и слѣдствіемъ другихъ видовъ прогресса въ жизни человѣка, но ближайшимъ образомъ онъ связанъ съ прогрессомъ экономическимъ и съ прогрессомъ умственнымъ, такъ какъ совершается параллельно съ развитіемъ производительныхъ силъ и умственной дѣятельности въ обществѣ. Но развитіе производительныхъ силъ немыслимо внѣ какой бы то ни было организаціи общества, которая въ то же время создается не ради одного совмѣстнаго производства нужныхъ для жизни матеріальныхъ продуктовъ. Наконецъ, и сама умственная дѣятельность предполагаетъ общее развитіе духовной культуры, которая равнымъ образомъ выростаетъ на болѣе широкой основѣ, нежели одно придумываніе лучшихъ способовъ извлекать изъ природы все, что нужно человѣку для чисто физическаго его существованія.

---

[1]) Н. И., §§ 277 и 349.

ГЛАВА III.

Развитіе общественной культуры.

118. Человѣкъ по самой природѣ своей есть существо общественное. Уже одинъ долгій періодъ безпомощнаго существованія въ раннемъ дѣтствѣ создаетъ первый общественный союзъ матери съ ея дѣтьми, начало семьи, въ которой человѣкъ впервые пріучается жить въ обществѣ себѣ подобныхъ. Стремленіе къ общенію съ другими является однимъ изъ весьма сильныхъ инстинктовъ человѣческой природы, и его удовлетвореніе можетъ считаться одною изъ причинъ того, что человѣкъ живетъ въ обществѣ. Другимъ мотивомъ является взаимная помощь при защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ и при добываніи пищи, лежащая въ основѣ политическаго и экономическаго развитія человѣческихъ обществъ. Такимъ образомъ общественная жизнь покоится на эмоціональныхъ и утилитарныхъ основаніяхъ: въ общеніи съ другими человѣкъ находитъ для себя и удовольствіе, и пользу. Изъ перваго источника вытекаетъ вся духовная культура, изъ второго—общественная организація.

119. Самыми ранними обществами, и теперь еще наблюдаемыми у наиболѣе отсталыхъ племенъ, являются бродячія орды съ очень простымъ внутреннимъ устройствомъ, безъ постояннаго правительства, безъ расчлененія на какіе бы то ни было классы,—орды, питающіяся плодами и кореньями, мясомъ убиваемыхъ звѣрей и пойманныхъ рыбъ, устраивающія свои жилища въ пещерахъ или на деревьяхъ и т. п. Люди древнѣйшихъ періодовъ каменнаго вѣка не могли жить иначе, какъ именно такими ордами съ ихъ низкимъ культурнымъ уровнемъ и однообразнымъ бытомъ [1]).

---

[1]) Др. И., §§ 3, 6 и 7.

120. Дальнѣйшею ступенью въ развитіи общественныхъ формъ является родъ, т.-е. совокупность нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ между собою дѣйствительною или воображаемою общностью происхожденія, подчиняющихся власти общаго старѣйшины, сообща владѣющихъ землею, т.-е. пастбищами и полями, поклоняющихся однимъ и тѣмъ же духамъ-покровителямъ и т. п. Внѣ рода нельзя было существовать, и „каждый жилъ съ родомъ своимъ" (лѣтопись Нестора), причемъ между отдѣльными такими общинами происходили войны, и „родъ возставалъ на родъ". Если членъ какого-либо рода убивалъ человѣка изъ другого рода, то подвергался кровавой мести со стороны родичей убитаго. Родовладыка, или старшій въ родѣ, былъ его „отцомъ", соединяя въ себѣ функціи вождя, судьи и жреца. Земля была въ общемъ владѣніи, и работа велась вмѣстѣ, такъ что частной собственности не существовало. Слѣды родового быта долго сохранялись и при переходѣ на высшія ступени быта, что и наблюдается, напр., у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ. Вспомнимъ въ частности, что въ Спартѣ, въ Аѳинахъ, въ Римѣ, мы встрѣчаемся съ родами, которые объединялись въ бо́льшіе союзы фратрій-курій и филъ-трибъ, бывшихъ нѣкоторымъ образомъ расширенными родами. Особенно родовое устройство играло важную роль въ первоначальномъ Римѣ, гдѣ каждый родъ имѣлъ одно общее имя и царь могъ править лишь въ согласіи съ собраніемъ родовыхъ старѣйшинъ или „отцовъ", которые и составляли сенатъ. И аѳинскій ареопагъ состоялъ изъ старѣйшинъ наиболѣе важныхъ аттическихъ родовъ [1]).

121. Исторія измѣненій въ родовомъ быту сводится къ двумъ процессамъ, а именно къ постепенному разложенію родовъ на отдѣльныя семьи и къ постепенному же сліянію сосѣднихъ родовъ въ болѣе крупные союзы — племена. Еще недавно думали, что каждый родъ являлся дѣйствительно разросшейся индивидуальною семьею, тогда какъ теперь принято думать, что индивидуальная семья происходитъ изъ разложенія рода. Дѣло въ томъ, что индивидуальной семьѣ, состоящей изъ отца, матери и дѣтей, предшествовала патріархальная семья, состоявшая изъ нѣсколькихъ супружествъ (братьевъ, дѣтей, племянниковъ и т. п. съ ихъ женами и дѣтьми), которая сама выдѣлилась изъ рода. Послѣдній былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ первобытной орды, не знавшей прочныхъ семейныхъ узъ. Сначала дѣти были связаны только съ матерью, и семья, во главѣ которой стоитъ отецъ,—будетъ ли то семья патріархальная, или индивидуальная, полигамическая или моногамическая,—есть уже явленіе

---

[1]) Др. И., §§ 7, 35, 79, 104, 108, 109 и 231. И. ср. вв., §§ 30 и 126.

болѣе позднее. Родовому быту особенно благопріятствовало занятіе скотоводствомъ, но съ развитіемъ земледѣлія началось распаденіе родовъ на семьи, которое сопровождалось выдѣленіемъ изъ общаго земельнаго владѣнія рода семейныхъ участковъ [1]).

122. Сосѣдскія отношенія и общіе интересы, напр., взаимная помощь для защиты отъ внѣшнихъ враговъ заставляли отдѣльные роды соединяться для какихъ-либо общихъ дѣлъ и такимъ образомъ сливаться въ болѣе обширные племенные союзы (таково значеніе и двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ). Слѣды такихъ союзовъ мы находимъ, напр., въ филахъ-трибахъ и фратріяхъ-куріяхъ древне-греческаго и римскаго строя. Только подобныя племена, добровольно соединяясь между собою или одно другія себѣ подчиняя силою, складывались въ государства. Такія государства не могли быть на первыхъ порахъ большими, и устройство ихъ не могло быть сложнымъ. Чѣмъ менѣе прочен былъ союзъ, тѣмъ бо́льшую роль играли въ немъ роль племенные вожди; чѣмъ болѣе сплачивались племенные союзы въ государства, тѣмъ бо́льшую роль игралъ его общій глава, въ Греціи называвшійся басилевсомъ, въ Римѣ рексомъ, у германцевъ конунгомъ, у славянъ княземъ. Такой государь былъ въ одно и то же время вождемъ, судьею и жрецомъ, но онъ долженъ былъ совѣтоваться съ племенными или родовыми старѣйшинами, а въ особо важныхъ случаяхъ созывать народное вѣче, на которомъ появлялись всѣ отцы семействъ. Съ разнымъ значеніемъ вѣче мы встрѣчаемъ и въ Греціи, и въ Римѣ, и у германцевъ, и у славянъ [2]).

123. Смотря по мѣстнымъ условіямъ такія, первоначально маленькія государства могли занимать бо́льшую и меньшую территорію и имѣть чисто сельскій или городской характеръ. Особенностью государственнаго быта финикійцевъ, грековъ и италиковъ было то, что у нихъ развились городовыя государства, т.-е. государства, состоявшія изъ одного города и его округа. Таковы были Сидонъ, Тиръ, Кареагенъ и другіе города съ ихъ колоніями, таковы были греческія государства, таковъ былъ Римъ и другія гражданскія общины въ Италіи. Государство-городъ является типической стороной политическаго развитія въ античномъ мірѣ, и даже когда создалась обширная Римская имперія, она продолжала носить на себѣ черты чисто городовой политической организаціи. Самое объединеніе городовъ-государствъ въ болѣе крупныя политическія организаціи совершалось въ формѣ подчиненія одному городу другихъ городовъ, которые свою

---

[1]) Др. И., § 7.
[2]) Др. И., § 7, 38, 80, 108, 231. И. ср. вв., §§ 30 и 126.

гегемонію (предводительство) стремились превращать въ державство (ἀρχή, imperium). Такова была исторія установленія власти Аѳинъ и Рима надъ многими городами [1]).

124. Съ самыми древними монархіями Востока исторія имѣетъ дѣло, когда онѣ уже прожили длинную эпоху своего сплоченія, но и тутъ мы все-таки встрѣчаемся со слѣдами образованія ихъ изъ меньшихъ государствъ. Наприм., древній Египетъ состоялъ изъ отдѣльныхъ номовъ, или областей, изъ которыхъ каждый былъ первоначально особымъ государствомъ. Образованіе такихъ крупныхъ монархій, какъ Египетъ, нельзя приписывать исключительно однимъ завоеваніямъ: въ данномъ случаѣ оказывала вліяніе на отдѣльные номы потребность сообща производить работы по устройству каналовъ, плотинъ, водохранилищъ и т. п. Вавилонія тоже была первоначально раздѣлена между мелкими царями, пока надъ всѣми не возвысился одинъ. Что соединеніе мелкихъ государствъ въ болѣе крупныя могло происходить и чисто мирнымъ образомъ для достиженія общихъ цѣлей, это доказывается также возникновеніемъ федерацій въ древней Греціи и въ Италіи. Но самыя общирныя государства древности, „всемірныя монархіи“ обязаны своимъ происхожденіемъ большею частью завоевательной политикѣ [2]).

125. Итакъ, въ исторіи политическихъ образованій мы видимъ постепенную соціальную интеграцію болѣе мелкихъ и простыхъ единицъ въ болѣе крупныя и сложныя: отдѣльные роды соединялись въ племена (филы, трибы, колѣна), племена—въ мелкія государства-области и государства-города, тѣ и другія—въ государства національныя, наконецъ, послѣднія — въ міровыя державы. Этотъ процессъ невсегда приводилъ къ прочнымъ результатамъ, и за соединеніемъ воедино слѣдовало часто распаденіе. Примѣрами распаденія національныхъ государствъ могутъ служить времена феодальнаго дробленія въ Западной Европѣ и дробленія удѣльнаго у славянъ. Распадались также и міровыя державы ассирійцевъ, Александра Македонскаго, древняго Рима, преемниковъ Магомета, монгольскихъ завоевателей и т. п. На развалинахъ стараго возникали политическія новообразованія въ непрерывномъ процессѣ исторической жизни народовъ [3]).

126. Съ разложеніемъ родового быта и образованіемъ государствъ начинается расчлененіе общества на классы, превращающіяся съ теченіемъ времени въ сословія и касты. Выдѣленіе изъ рода отдѣльныхъ семей, сопровождавшееся выдѣленіемъ изъ общей поземельной

[1]) Др. И., §§ 31, 80, 83, 105, 130—131, 180, 251, 273 -274, 320.
[2]) Др. И., § 22, 23, 47, 49, 194—195, 252—271.
[3]) Др. И., §§ 48, 199, 356. И. ср. вв., §§ 5, 7—9, 79, 109, 134, 195.

собственности семейныхъ участковъ, приводило къ установленію между ними неравенства, такъ какъ одни семейства богатѣли и пріобрѣтали чужіе участки, а другія бѣднѣли и лишались своихъ земель, откуда развивалось дѣленіе общества на классы крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и даже совсѣмъ безземельнаго люда. Далѣе, съ усложненіемъ всей жизни совершалось раздѣленіе занятій, причемъ имущественное положеніе лица такъ или иначе опредѣляло и его занятія: кто дѣлался воиномъ, кто землевладѣльцемъ, кто ремесленникомъ и т. п. При существованіи наслѣдственной передачи имуществъ и весьма естественномъ переходѣ занятій отъ отца къ сыну самая принадлежность къ тому или другому классу стала опредѣляться рожденіемъ въ той или другой семьѣ. Болѣе богатые сдѣлались и болѣе вліятельными, начавъ называть себя благородными, знатными (эвпатриды, патриціи, эделинги и т. п.) и закрѣплять за собою фактическое господство юридическими привилегіями, что превращало этотъ общественный классъ уже въ сословіе съ особыми правами. Съ развитіемъ торговли и промышленности рядомъ со старою, родовою знатью болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ стала развиваться знать новая, торгово-промышленная, купеческая, если только не сами же „благородные“ дѣлались купцами. При выдѣленіи изъ народа аристократіи народъ иногда терялъ личную свободу, попадая въ экономическую кабалу и потомъ даже формально закрѣпощаясь. Крѣпостное населеніе имѣній знати иногда происходило и отъ первоначальныхъ жителей завоеванныхъ областей; это были люди, обрабатывавшіе чужую землю, зависѣвшіе отъ своихъ господъ и отбывавшіе по отношенію къ нимъ разныя повинности и оброки, но ведшіе самостоятельно свое маленькое хозяйство. Отъ нихъ нужно отличать рабовъ, т.-е. людей, игравшихъ роль домашняго скота въ господскомъ хозяйствѣ, — классъ, первоначальнымъ источникомъ котораго были военно-плѣнные, а затѣмъ и ихъ потомство. Рабы не имѣли своего хозяйства. Это были не подневольные фермеры, какъ крѣпостные, а подневольные рабочіе, трудившіеся на своего господина, который за то ихъ содержалъ. При существованіи крѣпостничества въ сельскомъ быту и развитіи рабскаго труда—какъ въ области ремесла, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ—свободному члену общества, не имѣвшему своей земли, приходилось очень плохо [1]).

127. По одной весьма извѣстной формулѣ, въ исторіи трудящейся массы нужно различать три большіе періода: въ древности господствовало рабство, въ средніе вѣка—крѣпостничество, въ новое время—вольно-наемный трудъ. Въ общемъ эта формула, дѣйствительно, вѣрна,

---

[1]) Др. И., §§ 7, 22, 38, 82, 94—96, 110, 232, 280.

но не нужно забывать, что крѣпостные крестьяне существовали и въ древности, что въ нѣкоторыхъ странахъ крѣпостничество какъ-разъ возникло или развилось въ новое время, что рабство негровъ тоже есть явленіе именно новаго времени, и что въ разныя эпохи исторіи существовали свободные рабочіе, такъ что абсолютнаго значенія указанное обобщеніе имѣть не можетъ [1]). Единаго непрерывнаго процесса перехода рабовъ въ крѣпостныхъ и крѣпостныхъ въ свободныхъ не замѣчается, и все зависитъ отъ экономическихъ и политическихъ условій мѣста и времени, т.-е. отъ того, на какой ступени развитія хозяйственнаго быта находится данное общество и какое вліяніе оказываетъ на него данный государственный строй.

128. Другая извѣстная формула соціальной эволюціи, взятой въ ея цѣломъ, указываетъ на то, что общество въ своемъ развитіи совершаетъ переходъ отъ военнаго типа къ типу промышленному, т.-е. что главною задачею ранняго государства является организація военныхъ силъ для защиты и нападенія, но что съ теченіемъ времени эта задача замѣняется другою — организаціей производительныхъ силъ общества въ видахъ увеличенія его матеріальнаго благосостоянія. И эта формула оправдывается многими наблюденіями и соображеніями и между прочимъ указаніемъ на то, что главное соціальное значеніе въ жизни государствъ принадлежитъ сначала военному классу и что съ теченіемъ времени оно переходитъ къ классу промышленному, но и это обобщеніе допустимо лишь съ большими оговорками и ограниченіями. Только въ самомъ общемъ смыслѣ развитіе общества совершается въ направленіи побѣды мирнаго труда надъ военнымъ хищничествомъ, и опять-таки преобладаніе милитаризма или индустріализма, а равнымъ образомъ та или другая форма ихъ сочетанія зависятъ отъ экономическихъ и политическихъ условій мѣста и времени.

129. Гораздо болѣе глубокое и всеобъемлющее значеніе имѣетъ третья существующая въ наукѣ формула — естественный переходъ общества отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Натуральнымъ хозяйствомъ называется такое, которое въ собственныхъ предѣлахъ производитъ всѣ хозяйственныя блага, какія только нужны его членамъ, тогда какъ подъ хозяйствомъ денежнымъ разумѣется такое, въ которомъ производятся лишь извѣстныя категоріи продуктовъ, предназначенныхъ для продажи за деньги, въ свою очередь необходимыя для покупки другихъ продуктовъ. При натуральномъ хозяйствѣ продукты потребляются самими же производителями, при денежномъ же хозяйствѣ потребленіе отдѣляется отъ производства

---

[1]) Др. И., §§ 82 и 341. И. ср. вв., §§ 30, 32, 38, 86—87, 252. Н. И., §§ 12.

обмѣномъ однихъ продуктовъ на другіе при помощи денегъ. Чѣмъ длиннѣе тотъ путь, который проходятъ хозяйственныя блага, чтобы, отправляясь отъ производителя, достигнуть потребителя, тѣмъ дальше стоитъ экономическая жизнь отъ системы натуральнаго хозяйства, тѣмъ, слѣдовательно, бо̀льшую роль играютъ въ экономической жизни деньги. Экономическое развитіе состоитъ въ постепенномъ удлинненіи, посредствомъ развитія обмѣна, того пути, который проходитъ хозяйственныя блага отъ производителей къ потребителямъ. Сначала не должно было существовать никакого подобнаго пути, потому что производитель былъ и потребитель, и обмѣна поэтому не могло быть, но по мѣрѣ общаго развитія экономическаго быта длина пути, проходимаго хозяйственными благами отъ исходнаго момента (производства) до конечнаго (потребленія) должна была постепенно увеличиваться, да и самый характеръ движенія по этому пути (т.-е. обмѣна) долженъ былъ постепенно усложняться, начиная съ простѣйшей формы обмѣна товара на товаръ и кончая очень сложнымъ торговымъ обращеніемъ товаровъ. Чѣмъ болѣе развивается денежное хозяйство, тѣмъ большее значеніе въ обществѣ получаютъ его представители въ ущербъ военному классу, и тѣмъ менѣе въ обществѣ дѣлается возможнымъ существованіе рабства и крѣпостныхъ отношеній. Переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное совершается постепенно, и уже на первыхъ порахъ излишки производства въ отдѣльныхъ замкнутыхъ хозяйствахъ обмѣниваются на продукты, производимые въ другихъ такихъ же замкнутыхъ хозяйствахъ. Постепенное внѣдреніе процессовъ обмѣна въ систему натуральнаго хозяйства мы наблюдаемъ и въ исторіи отдѣльныхъ странъ, и въ исторіи такихъ крупныхъ эпохъ, какъ древность или средніе вѣка, и въ исторіи всего человѣчества.

130. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вся древность и почти всѣ средніе вѣка были временемъ господства натуральнаго хозяйства, когда въ предѣлахъ одного домоваго хозяйства гражданина рабы и женщины изготовляли всѣ предметы, необходимые для домашняго потребленія или въ предѣлахъ одной феодальной сеньеріи то же дѣлали дворовые слуги и крѣпостные крестьяне; то же было въ дворахъ отдѣльныхъ поселянъ. Вѣрнѣе, однако, та мысль, что процессъ экономическаго развитія дважды начинался въ странахъ, окружающихъ Средиземное море, и что натуральное хозяйство начала среднихъ вѣковъ было какъ бы возвращеніемъ назадъ отъ болѣе уже подвинувшагося впередъ внѣдренія въ экономическую жизнь древняго міра денежнаго хозяйства. Т.-е. въ римскую эпоху уже была достигнута нѣсколько болѣе высокая ступень, чѣмъ та, на которую спустились средніе вѣка. Болѣе рѣшительнымъ образомъ стало развиваться въ

Европѣ денежное хозяйство лишь при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, но въ помѣщичьихъ усадьбахъ и въ крестьянскихъ дворахъ натуральное хозяйство продолжало господствовать вплоть до XIX в., когда быстрый ростъ обрабатывающей промышленности и удешевленіе ея продуктовъ начали и въ деревняхъ вытѣснять старыя хозяйственныя формы [1]).

131. Характерная особенность денежнаго хозяйства—изготовленіе продуктовъ не для непосредственнаго потребленія, а для продажи. Ранѣе всего оно являлось въ обрабатывающей промышленности. Если изъ продуктовъ земледѣлія продавались на сторону первоначально лишь излишки, то въ области обрабатывающей промышленности впервые стало возникать производство прямо для продажи. Уже въ глубокой древности отдѣльныя страны обмѣнивались своими произведеніями, но впервые въ Финикіи стала систематически заводиться разнообразная промышленность для вывоза, причемъ предприниматели работали по образцамъ, заимствованнымъ въ старыхъ культурныхъ странахъ, приспособляясь, однако, ко вкусу тѣхъ народовъ, для которыхъ они готовили свои товары вплоть до изображеній боговъ. Потомъ промышленность для вывоза товаровъ въ болѣе отсталыя страны развилась и въ греческихъ городахъ, особенно въ Милетѣ, въ Аѳинахъ, въ Сиракузахъ и т. д., гдѣ она находилась въ рукахъ отдѣльныхъ ремесленниковъ или болѣе крупныхъ предпринимателей, имѣвшихъ цѣлыя заведенія съ рабами и рабынями, какъ подневольной рабочей силой. Параллельно съ этимъ совершался и торговый обмѣнъ, принимавшій въ нѣкоторыхъ частяхъ древняго міра довольно значительные размѣры. Въ общемъ въ эпоху Римской имперіи восточныя ея провинціи въ отношеніи развитія промышленности и торговли стояли гораздо выше Италіи и вообще западныхъ частей имперіи, гдѣ все еще занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ. Римъ, сдѣлавшись владыкой міра, развилъ у себя только двѣ формы оборотовъ съ деньгами — откупъ налоговъ въ провинціяхъ и отдачу денегъ въ ростъ, но ни та, ни другая форма не служила цѣлямъ промышленнаго развитія, такъ какъ, получая все нужное за деньги, добытыя войной, римляне не имѣли надобности развивать собственную промышленность. Впрочемъ, многіе откупщики и банкиры вели и крупную торговлю [2]). Слабое развитіе самостоятельной промышленности на Западѣ дало возможность, въ эпоху экономическаго истощенія имперіи, снова возобладать натуральному хозяйству, тѣмъ болѣе, что лица, обогатившіяся денежными операціями и

---

[1]) Др. И., §§ 82, 92, 140, 278, 280, 341, 362. И. ср. вв., §§ 86—87, 258.

[2]) Др. И., §§ 32, 91, 110, 255, 277, 278.

торговлею, очень часто покупали себѣ громадныя помѣстья въ Италіи и въ провинціяхъ. Вотъ почему на Западѣ въ средніе вѣка и въ варварскихъ государствахъ, и въ феодальную эпоху на долго восторжествовало натуральное хозяйство съ крѣпостнымъ крестьянствомъ и и упадкомъ городовъ. На новой исторической почвѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не распространялась власть имперіи или гдѣ она была слаба, въ Англіи и въ Германіи, у народовъ славянскихъ и въ Скандинавіи могло только существовать натуральное хозяйство. Произведеніями промышленности средневѣковую Европу снабжалъ Востокъ, но больше всего изготовлялось необходимыхъ предметовъ самими же ихъ потребителями или ихъ домочадцами. Потребности крестьянина удовлетворялись вполнѣ его собственными руками, на богатаго землевладѣльца работали его домашніе слуги, городское же ремесло было въ упадкѣ. То развитіе, которое промышленность и денежное хозяйство начали-было получать въ городахъ, не только остановилось, но и вообще не удержалось, задавленное возстановленіемъ въ прежней силѣ натуральнаго хозяйства [1]).

132. Оживленіе промышленности въ западно-европейскихъ городахъ началось только около времени крестовыхъ походовъ. Въ ней въ средніе вѣка и отчасти въ новое время господствовало, однако, мелкое производство на ближайшій и притомъ ограниченный рынокъ, а не для вывоза въ далекія страны. Правда, хозяева мастерскихъ, изготовлявшихъ тѣ или другіе товары, соединялись въ товарищества (цехи), регулировавшія производство, но послѣднее оставалось мелкимъ, т.-е большихъ заводовъ и фабрикъ не существовало. Мастера работали не только на мѣстный рынокъ, т.-е. на сбытъ товаровъ въ своемъ городѣ и его ближайшемъ округѣ, но первоначально большею частью непосредственно на заказчиковъ, такъ что между производителями и потребителями не стояли еще посредники въ лицѣ оптовыхъ скупщиковъ и крупныхъ или мелкихъ продавцовъ. До возникновенія развитой ремесленной промышленности потребность владѣльческихъ классовъ (феодальнаго дворянства и духовенства) въ разнаго рода предметахъ удовлетворялась работой подневольныхъ слугъ, обученныхъ всевозможнымъ ремесламъ, причемъ нерѣдко такимъ людямъ землевладѣльцы для ихъ содержанія давали участки земли. Въ городахъ занятіе ремесломъ отдѣлилось отъ земледѣлія и стало дѣломъ людей, пользовавшихся уже полною гражданскою свободою. Въ новое время эта мелкая ремесленная промышленность начала переходить въ крупную, когда раз-

---

[1]) Др. И., §§ 341 и 362. И. ср. вв., §§ 30, 86—87, 258.

[2]) И. ср. вв. §§ 168 и 259. Н. И., §§ 130, 184.

витіе торговли создало классъ предпринимателей, которые, скупая продукты городского ремесла для перепродажи или заказывая для той же цѣли большое количество товаровъ, все болѣе и болѣе подчиняли себѣ бывшихъ прежде вполнѣ самостоятельными мастеровъ. Мелкія мастерскія во многихъ производствахъ стали замѣняться крупными мануфактурами, гдѣ уже большое количество ремесленниковъ работало за счетъ одного предпринимателя. Развитію крупной промышленности мѣшали только недостатокъ рабочихъ рукъ да цеховые уставы, поддерживавшіе мелкое ремесло, пока обезземеленіе крестьянъ, съ одной стороны, и отмѣна цеховой организаціи ремесленниковъ, съ другой, не создали новыхъ условій жизни, уже вполнѣ благопріятныхъ для развитія крупной индустріи. Изобрѣтеніе машинъ во второй половинѣ XVIII в., продолжавшееся и въ XIX столѣтіи, т.-е. техническій прогрессъ новѣйшаго времени доставилъ во многихъ производствахъ окончательное торжество крупной обрабатывающей промышленности надъ мелкою [1]).

133. Въ эпоху натуральнаго хозяйства главнымъ занятіемъ населенія каждой страны было земледѣліе, главнымъ богатствомъ была земля. Кто владѣлъ землею, тотъ и пользовался господствующимъ положеніемъ въ обществѣ, такъ что первоначальная знать, въ рукахъ которой находилась и военная сила страны, была знать землевладѣльческая. Это болѣе или менѣе одинаково относится и къ сословію воиновъ на Востокѣ, и къ греческимъ эвпатридамъ или римскимъ патриціямъ, и къ поссессорамъ временъ имперіи, и къ знати въ варварскихъ государствахъ начала среднихъ вѣковъ, и къ феодальнымъ сеньерамъ слѣдовавшей затѣмъ эпохи, и къ боярству у южныхъ славянъ, и къ магнатамъ или шляхтѣ въ Чехіи, Венгріи и Польшѣ и т. д. и т. д. [2]). Даже богатые купцы такой торговой республики, какою былъ Кароагенъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцами обширныхъ помѣстій, гдѣ они вели хозяйство при помощи рабовъ или закрѣпощенныхъ туземцевъ. Римскіе откупщики налоговъ, коммерсанты и банкиры тоже были очень часто и крупными землевладѣльцами или становились въ ихъ ряды покупкою большихъ имѣній и скупкою болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ [3]). Но постепенное развитіе торговли и промышленности вездѣ создавало особый имущій классъ, сила котораго была не въ недвижимой собственности, а въ обладаніи движимымъ имуществомъ, капиталомъ, деньгами.

134. Конечно, эти три понятія не слѣдуетъ одно съ другимъ отожествлять, но между ними существуетъ связь, безъ которой не

[1]) И. ср. вв., §§ 168 и 260. Н. И., §§ 130, 184 и 277.

[2]) Др. И., §§ 82, 108—110, 232, 341. И. ср. вв., §§ 32, 80, 85, 128, 150.

[3]) Др. И., §§ 255 и 283.

могло бы и быть ошибочнаго ихъ отожествленія. Наукѣ, которая подъ названіемъ политической экономіи изучаетъ хозяйственную сторону общественной жизни, удалось установить, что въ производствѣ играютъ роль три основныхъ фактора: земля или природа вообще, капиталъ, т.-е. совокупность результатовъ прежняго труда, нужныхъ для производства новыхъ вещей (орудія, сырой матеріалъ и т. п.), и самый трудъ. Крестьянинъ, ведущій хозяйство на собственной землѣ при помощи своего скота, своихъ орудій и т. п. и собственнымъ своимъ трудомъ, является одновременно и землевладѣльцемъ, и капиталистомъ и рабочимъ, но возможно также, что земля, находящаяся въ обработкѣ, принадлежитъ однимъ лицамъ, капиталъ—другимъ, а третьи только даютъ свой трудъ, и тогда въ обществѣ существуютъ раздѣльные классы землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Въ такомъ случаѣ выгода, получаемая отъ производства, распредѣляется между ними такимъ образомъ: собственники земли получаютъ ренту, обладатели капитала—прибыль (въ формѣ процента въ случаѣ обладанія деньгами), представители труда—заработную плату. При рабскомъ трудѣ заработная плата замѣняется содержаніемъ рабочихъ на счетъ хозяина, при крѣпостномъ землевладѣніи рента поступала въ пользу помѣщика въ формѣ оброка или отбыванія повинности, но во всякомъ случаѣ главнымъ доходомъ имущихъ классовъ при натуральномъ хозяйствѣ является доходъ съ земли.

135. Образованіе капиталовъ, отдѣленныхъ отъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства, совершается посредствомъ торговли, денежныхъ операцій и промышленности, а на почвѣ дѣятельности въ этихъ трехъ областяхъ создается классъ купцовъ, банкировъ, фабрикантовъ, и они получаютъ доходъ уже не въ формѣ ренты, а въ формѣ прибыли, которая въ случаѣ дохода съ самихъ денегъ носитъ названіе процента. Первоначально торговля была мѣновая, т.-е. товары обмѣнивались прямо на товары, пока это не стало дѣлаться при помощи монеты. Деньги прежде всего орудіе обмѣна, но потомъ онѣ сами сдѣлались товаромъ, которымъ можно торговать, ссужая ихъ подъ проценты купцамъ, нуждающимся въ нихъ для расширенія или поддержанія своей торговли, и предпринимателямъ въ разныхъ областяхъ промышленности, не имѣющимъ собственнаго капитала въ достаточномъ количествѣ. Развитіе денежнаго хозяйства все болѣе и болѣе усиливаетъ значеніе денегъ и создаетъ цѣлую новую область экономическихъ отношеній, съ которою связаны понятія кредита и процентовъ, банковъ и биржъ, бумажныхъ денегъ и денежныхъ бумагъ. Занятія торговлею и промышленностью требуютъ сосредоточенія населенія въ городахъ, и городской бытъ въ свою оче-

редь заставляетъ людей искать пропитанія и наживы внѣ сельско-хозяйственныхъ занятій.

136. Торговля и денежное хозяйство постепенно разрушаютъ экономическую замкнутость и независимость отдѣльныхъ дворовъ и помѣстій, городовъ и округовъ, странъ и даже частей свѣта, объединяя ихъ въ одну общую и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сложную систему хозяйственныхъ взаимоотношеній. Однимъ словомъ, въ исторіи человѣчества происходитъ постепенный процессъ экономической интеграціи, захватывающій все болѣе и болѣе разрозненныя хозяйственныя единицы въ общій круговоротъ обмѣна продуктами [1]). Эта интеграція сопровождается дифференціацией, раздѣленіемъ занятій между отдѣльными странами, а въ нихъ между отдѣльными округами и городами и еще далѣе между отдѣльными частными или коллективными хозяйствами. Одни занимаются однимъ, другіе другимъ, третьи—третьимъ и т. д., гдѣ и когда, какъ и кому выгоднѣе, чтобы потомъ обмѣниваться продуктами при помощи сложной системы денежнаго обращенія и кредита. Параллельно съ этимъ идетъ усиленіе раздѣленія занятій между отдѣльными классами населенія, въ которомъ экономическая эволюція создаетъ различіе профессій, общественныхъ положеній, имущественной состоятельности и т. д. и т. д. Свою исторію имѣютъ не только производство и обмѣнъ продуктовъ, но и распредѣленіе ихъ между отдѣльными общественными классами, участвующими въ общей хозяйственной дѣятельности своимъ трудомъ, своими капиталами, своими земельными участками.

137. Исторія взаимныхъ отношеній классовъ общества, ихъ стремленій, происходящихъ въ нихъ движеній составляетъ существенное содержаніе соціальной исторіи въ ея отличіи отъ исторіи политической и отъ культурной въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. исторіи духовной культуры. Въ соціальной исторіи разныхъ народовъ можно найти массу аналогичныхъ чертъ, что̀ объясняется сходствомъ путей развитія при наружномъ разнообразіи общественныхъ формъ. Образованіе крупнаго землевладѣнія, подчиненіе сельской массы его представителямъ, возникновеніе торгово-промышленнаго класса, вступленіе его въ борьбу съ землевладѣльческою знатью, распаденіе промышленнаго класса на капиталистовъ и простыхъ рабочихъ, соціальныя движенія среди рабовъ, крестьянъ, городского пролетаріата,—все это явленія, одинаково встрѣчающіяся и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ. Исторія одного народа, позднѣйшаго, какъ бы повторяетъ при новыхъ обстоятельствахъ и въ новыхъ формахъ то, что̀ уже переживали болѣе ранніе народы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и общее

---

[1]) См. о міровой торговлѣ Н. И., § 349.

движеніе впередъ, въ которомъ новое является не повтореніемъ, а продолженіемъ стараго, болѣе сложнымъ, на болѣе обширной сценѣ, съ болѣе прочными результатами.

138. Въ основѣ классового строя общества лежатъ экономическія отношенія между классами, но они усложняются еще отношеніями политическими и культурными. Современные соціальные классы не представляютъ собою совершенно замкнутыхъ категорій съ полною невозможностью перехода изъ одной въ другую: все зависитъ отъ умѣнія либо неспособности подняться по общественной лѣстницѣ или удержаться на той ступени, на которую человѣка поставила случайность рожденія въ данномъ классѣ. Въ началѣ развитія классового строя общества такъ быть не могло, потому что данныя общественныя рамки строго опредѣляли мѣсто каждаго въ обществѣ и были соединены съ существованіемъ у знати особыхъ правъ и привилегій, и весь этотъ строй освященъ былъ религіозной вѣрой, учившей смотрѣть на него, какъ на установленіе самихъ боговъ. Таково было значеніе индійскихъ кастъ, родовыхъ привилегій греческихъ эвпатридовъ и римскаго патриціата, а безъ религіозной санкціи—значеніе феодальнаго дворянства. Другими словами, классы были сословіями, т.-е. были надѣлены разными особыми правами и привилегіями, пользованіе которыми сообщалось только рожденіемъ въ данной кастѣ, въ данномъ сословіи [1]). Появленіе на сцену новыхъ общественныхъ классовъ, начавшимъ требовать уравненія правъ, вносило въ старый сословный строй элементы разложенія, но во многихъ случаяхъ это разложеніе начиналось съ замѣны аристократическаго, родового принципа тимократическимъ, имущественнымъ, съ введенія ценза, какъ основанія для пользованія извѣстными правами. Таковъ смыслъ солоновой реформы въ Аѳинахъ и сервіевой въ Римѣ, двухъ законодательствъ, которыя часто сравнивались между собою. И въ другихъ мѣстахъ пользованіе особыми правами стояло въ зависимости отъ условій имущественнаго ценза, замѣнившихъ привилегіи рожденія [2]). Съ этимъ можно сравнить и избирательный цензъ западноевропейскихъ конституцій [3]).

139. Экономически господствующіе классы всегда стремились сдѣлаться и классами правящими, т.-е. пользоваться и политическою властью. Элементъ политической власти присущъ самымъ простымъ людскимъ общежитіямъ. Уже родовладыка былъ вождемъ и судьею своихъ родичей, и при сплоченіи родовъ въ племена и племенъ въ

---

[1]) Др. И., §§ 38, 80, 94 и 232.
[2]) Др. И., §§ 114 и 233.
[3]) И. ср. вв., § 183. Н. И., §§ 213, 234, 276, 283.

государственныя общины эти функціи предводительства на войнѣ и охраненія внутренняго міра стали исполняться князьями и царями или, по крайней мѣрѣ, временными вождями, каковы были герцоги у германцевъ временъ Тацита. И родовладыки, и племенные князья, каждый у себя и всѣ вмѣстѣ, когда соединялись, равно какъ и греческій басилевсъ, и римскій рексъ, и германскій конунгъ, и славянскій князь были представители общихъ интересовъ цѣлаго рода, цѣлаго племени, цѣлаго государства, т.-е. всѣхъ свободныхъ членовъ даннаго политическаго союза [1]). Таково происхожденіе политической власти, и тотъ же характеръ представительства общихъ интересовъ, стоящихъ выше интересовъ отдѣльныхъ классовъ, сохраняла, въ идеѣ, власть правителей государствъ, когда изъ вождей народа они стали его безусловными владыками, какъ это случилось съ царями древняго Востока, пользовавшимися деспотическою властью надъ своими подданными [2]). И вообще идея общихъ интересовъ государства продолжала играть роль во всей политической эволюціи человѣчества.

140. Но для пользованія такою властью ея носителямъ приходилось или создавать подчиненные и зависимые органы, или опираться на какую-либо соціальную силу въ обществѣ, а съ другой стороны, и общественные классы довольно рано стали обнаруживать стремленіе къ участію въ государственной власти въ исключительныхъ своихъ интересахъ.

141. Такое государственное устройство, при которомъ власть опирается главнымъ образомъ на свои собственные органы, можетъ быть только результатомъ весьма продолжительной политической эволюціи или, по крайней мѣрѣ, особенно быстрой интеграціи, обязанной своимъ существованіемъ завоевательной политикѣ и обыкновенно не бывающей особенно прочною. Тѣмъ удивительнѣе то, что въ началѣ исторіи мы имѣемъ передъ собою такое государство, какъ Египетъ, гдѣ уже существовало многочисленное чиновничество, при посредствѣ котораго фараоны правили страною. Интересно также, что и Персидская монархія была устроена такимъ же образомъ. Такой же принципъ былъ осуществленъ въ эллинистическихъ монархіяхъ Востока, образовавшихся изъ монархіи Александра Македонскаго, между прочимъ въ Египетскомъ царствѣ Птолемеевъ, сохранившимъ многіе порядки еще фараоновскихъ временъ. Въ исторіи Европы такое государственное устройство является довольно поздно: Македонію передъ завоеваніемъ ею Греціи скорѣе слѣдуетъ

---

[1]) Др. И., §§ 81, 231. И. ср. вв., §§ 30, 126.
[2]) Др. И., § 50.

сравнивать, по отношенію къ ея государственному быту, съ древне-греческими государствами или съ первоначальными государствами германцевъ и славянъ, нежели съ деспотіями Востока. Политическія учрежденія Греціи и Рима получили особое направленіе, и только послѣ установленія въ Римѣ имперіи возникла новая власть, постепенное развитіе которой и привело къ образованію въ созданномъ римлянами государствѣ абсолютной монархіи съ бюрократической іерархіей. Варварскія государства, образовавшіяся въ западно-римскихъ провинціяхъ, не смогли и не съумѣли поддержать эту организацію, и здѣсь начался новый порядокъ вещей, но созданное имперіей устройство удержалось въ Византіи. Исторія средневѣковой Европы начинается періодомъ германскихъ и славянскихъ государствъ, только что формировавшихся на основахъ племенного быта: съ созданными Римомъ, а потомъ удержанными Византіей порядками имъ было справляться не по плечу, доказательствомъ чему служитъ феодальное и удѣльное дробленіе. Впервые абсолютизмъ и бюрократическій строй стали осуществляться въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, когда королевская власть на Западѣ стала дѣлаться абсолютною и затѣмъ начала мало-по-малу вводить въ управленіе государствомъ принципы централизаціи и бюрократіи. Въ ту же эпоху въ томъ же направленіи совершалась и эволюція политическихъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ [1]).

152. Приведенные примѣры относятся всѣ къ одному и тому же явленію — къ сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ, которое могло разсматривать себя, какъ земное божество (на Востокѣ и въ Римской имперіи), какъ живой законъ на землѣ, какъ воплощеніе государства („государство, это — я" Людовика XIV) или „перваго слугу государства" (взглядъ Фридриха II), но которое одинаково считало себя призваннымъ осуществлять нѣкоторыя задачи, стоящія выше стремленій отдѣльныхъ кастъ, сословій, классовъ. Съ такой точки зрѣнія всѣ эти группы населенія разсматривались, какъ нѣчто подчиненное возвышающемуся надъ ними государству или его главѣ, какъ его органы, какъ служебныя его части. Условія политическаго существованія требовали нерѣдко большаго или меньшаго закрѣпощенія отдѣльныхъ сословій государству въ интересахъ цѣлаго, и тѣ классы, которые экономически господствовали, являлись въ государственной жизни не правящими, а служилыми,—терминъ Московскаго государства. Съ этимъ явленіемъ подчиненнаго значенія всѣхъ классовъ общества, не исключая и имущихъ классовъ, мы очень часто

---

[1]) Др. И., §§ 22, 36, 52, 196, 201, 202, 321, 322, 340. И ср. в., §§ 29, 39, 214—216. Н. И., §§ 126, 130, 150, 156, 168 и 186.

встрѣчаемся въ исторіи, и это придаетъ особый оттѣнокъ сословному быту, когда отдѣльныя соціальныя группы отличаются между собою не по правамъ, а по обязанностямъ [1]).

143. Иную картину представляютъ намъ тѣ случаи, когда имущіе классы дѣлаются правящими, т.-е. являются не въ роли подчиненныхъ органовъ надъ ними стоящей власти, а участниками въ этой самой власти по собственному своему значенію. Это—правленіе эвпатридовъ въ Аѳинахъ и вообще знати въ греческихъ городахъ и патриціевъ въ Римѣ, когда землевладѣльческая и вмѣстѣ съ тѣмъ родовитая аристократія овладѣваетъ царскою властью, дробитъ ее между отдѣльными магистратами и пользуется ею въ интересахъ своего сословія. Это—правленіе феодальнаго дворянства въ средніе вѣка, когда государственная власть, такъ сказать, разошлась по рукамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и хотя королевское званіе не было уничтожено, но король былъ только первый между равными. Это—правленіе польской шляхты, которая, превративъ крестьянскую массу въ своихъ крѣпостныхъ и лишивъ города всякаго политическаго значенія, организовалась въ рядъ соединенныхъ воедино маленькихъ республикъ (воеводствъ) съ ихъ почти суверенными сеймиками. Вообще во всѣхъ этихъ случаяхъ государственная власть становится достояніемъ привилегированнаго меньшинства, которое пользуется ею въ своихъ сословныхъ интересахъ [2]).

144. Установленіе такихъ аристократическихъ правленій было лишь результатомъ аристократизаціи соціальнаго строя. Все, что́ мы знаемъ о томъ раннемъ періодѣ въ исторіи Греціи или германскихъ и славянскихъ народовъ, когда рядомъ съ княжескою властью въ нихъ существовали народныя вѣча, позволяетъ намъ думать, что эти вѣча имѣли демократическій характеръ, такъ какъ въ народныхъ собраніяхъ имѣли право участвовать болѣе или менѣе всѣ свободные члены племенного союза. По мѣрѣ все бо́льшаго и бо́льшаго выдѣленія изъ народа знати, сосредоточенія въ ея рукахъ земли и экономическаго порабощенія массы эти народныя вѣча,—тамъ, гдѣ они сохранились,—пріобрѣтаютъ характеръ аристократическихъ собраній, что́ особенно наблюдается въ исторіи нѣкоторыхъ германскихъ государствъ. При этой формѣ государственная власть раздѣляется между королемъ и высшимъ сословіемъ, что́ на западѣ Европы продолжалось и во времена феодальной монархіи. На томъ же принципѣ была основана вышедшая изъ феодальной монархіи монархія сословная, въ которой король тоже дѣлился властью съ сословіями въ

---

[1]) Др. И., § 50. Н. И., §§ 152, 192.

[2]) Др. И., §§ 94, 110, 232. И. ср. вв., 80, 84, 86—88, 252. Н. И., § 86.

лицѣ ихъ представителей. Все различіе между обѣими формами состояло въ слѣдующемъ. Въ феодальной монархіи знатные являются и государями, хотя и вассальными, въ сословной они только привилегированные подданные государя; въ феодальной монархіи каждый пользовался правомъ участія въ собраніяхъ лично, въ сословной развивается принципъ выборнаго представительства. Наконецъ, въ сословной монархіи рядомъ съ представителями знати участвуютъ въ пользованіи властью и представители городовъ [1]). Это послѣднее обстоятельство уже отмѣчаетъ начало паденія исключительнаго политическаго значенія землевладѣльческой и родовой знати.

145. Выдѣленіе изъ народной массы промышленныхъ классовъ и обогащеніе части ихъ путемъ промышленности и торговли влечетъ за собою появленіе и въ нихъ стремленія къ участію въ политической власти. Борьба аристократіи и демократіи въ Греціи и въ Римѣ была борьбою за право занятія высшихъ государственныхъ должностей, бывшихъ достояніемъ аристократіи, за право участія въ государственныхъ собраніяхъ, за политическое равенство вообще. Выше было уже упомянуто, что переходъ отъ аристократіи къ демократіи совершался черезъ тимократію, т.-е. что къ привилегіи знатности присоединилась привилегія богатства, къ экономической основѣ землевладѣнія экономическая основа капитала. Богатый классъ городского населенія очень часто цѣликомъ захватывалъ власть въ свои руки, и мы это видимъ не только въ городахъ-государствахъ античнаго міра, но и въ средневѣковыхъ городовыхъ республикахъ Италіи, французскихъ коммунахъ, германскихъ имперскихъ городахъ. Появленіе городскихъ представителей въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ сословной монархіи знаменуетъ собою пріобщеніе къ власти зажиточной буржуазіи и въ исторіи цѣлыхъ королевствъ [2]).

146. Сліяніе въ одинъ правящій классъ землевладѣльческой знати и зажиточныхъ слоевъ населенія, выдѣлившихся изъ народной массы, наблюдается на многихъ примѣрахъ древней, средневѣковой и новой исторіи. Противоположность патриціата и плебса, двухъ настоящихъ сословій, на которыя распадалось первоначальное населеніе Рима, уступила мѣсто другой, классовой противоположности—нобилитета и пролетаріата съ распредѣленіемъ власти и вліянія сообразно съ имущественнымъ цензомъ. Въ средневѣковой Англіи тимократическій принципъ тоже занялъ мѣсто сословнаго, такъ какъ уже въ XV в. для права посылки представителей въ парламентъ нужно было обладать извѣстнымъ годовымъ доходомъ. Французскія кон-

---

[1]) Др. И., § 81. И. ср. вв., §§ 30, 32, 81—82, 90, 169—170, 182, 218.
[2]) И. ср. вв., §§ 165—170, 172, 235.

ституціи въ 1814 и 1830 гг. призывали къ участію въ государственной власти — и правомъ выбора депутатовъ, и правомъ выбираться въ депутаты—только самую зажиточную часть населенія, въ составъ которой входили и бывшее дворянство, и буржуазія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ замѣною сословнаго господства чисто классовымъ, органами котораго и дѣлаются въ свое время и римскій сенатъ, и англійскій парламентъ, и французскія палаты [1]). Это не значитъ, впрочемъ, чтобы въ самомъ правящемъ классѣ не возникало внутреннихъ несогласій, примѣры каковыхъ мы наблюдаемъ въ Римѣ между сенаторскимъ и всадническимъ сословіями, какъ землевладѣльческимъ и денежнымъ классами, въ англійскомъ парламентѣ между представителями интересовъ сельскаго хозяйства и торгово-промышленныхъ интересовъ, во Франціи между дворянами-землевладѣльцами и капиталистами-буржуа [2]).

147. Между служилымъ и правящимъ положеніями сословій въ государствѣ возможны положенія переходнаго и смѣшаннаго характера, причемъ иногда независимая отъ нихъ власть,—разъ только она существуетъ въ данномъ государствѣ,—становится въ то или иное къ нимъ отношеніе. Политическая борьба сословій и классовъ даже прямо способствовала иногда установленію такой независимой отъ нихъ власти, которой, однако, все-таки приходилось искать опоры въ широкихъ кругахъ общества противъ привилегированнаго меньшинства. Таково было именно значеніе древне-греческой тиранніи, и совершенно такое же явленіе повторилось въ концѣ среднихъ вѣковъ въ республиканскихъ городахъ Италіи: и тамъ, и здѣсь происходила борьба знати съ народомъ, и опираясь на послѣдній, власть въ свои руки захватывали князья новаго типа, тиранны въ Греціи, принчипы въ средневѣковой Италіи. Имперія въ Римѣ была тоже результатомъ соціальной борьбы. Королевская власть на Западѣ выростала послѣ періода феодальной неурядицы въ борьбѣ съ феодальной аристократіей, при поддержкѣ народной массы, вслѣдствіе сословныхъ раздоровъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Къ этой же категоріи явленій можно отнести имперію Наполеона I и Наполеона III во Франціи [3]). Но, съ другой стороны, мы наблюдаемъ въ исторіи и противоположные примѣры, къ числу которыхъ нужно отнести такой фактъ. Сокрушивъ политическое могущество феодальнаго дворянства, королевская власть какъ бы въ награду за отказъ отъ политическаго значенія дворянства стала всѣми бывшими

---

[1]) Др. И., §§ 283—284. Н. И., §§ 213 и 294.

[2]) Др. И., §§ 283. Н. И., §§ 284, 287, 289.

[3]) Др. И., §§ 97—98, 117, 301, 320. И. ср. вв., § 215. Н. И., §§ 251 и слѣд., 298 и слѣд.

въ ея распоряженіи средствами охранять ихъ соціальныя привилегіи.

158. Предыдущее изложеніе показываетъ, до какого разнообразія доходятъ формы государственнаго устройства, но всѣ онѣ подходятъ подъ монархическое, аристократическое и демократическое правленіе, какъ чистые типы, и подъ формы смѣшаннаго характера, въ которыхъ происходитъ сочетаніе разныхъ принциповъ. Намъ остается разсмотрѣть теперь развитіе демократическаго элемента.

159. Самыя раннія демократическія формы общежитія наблюдаются въ свободныхъ земледѣльческихъ общинахъ съ ихъ сельскими сходами, и нѣчто подобное имѣлъ въ виду византійскій писатель, говорившій, что славяне живутъ въ демократіи *). Демократическій принципъ осуществленъ былъ и въ народныхъ вѣчахъ на зарѣ государственной жизни грековъ, германцевъ, славянъ и т. д. Но эти явленія не получили дальнѣйшаго развитія, а напр., образованіе швейцарскаго союза изъ нѣсколькихъ самоуправляющихся крестьянскихъ кантоновъ, жившихъ вокругъ горнаго озера,—фактъ совершенно исключительный въ исторіи государствъ **). Лишь два раза во всемірной исторіи мы встрѣчаемся съ попытками демократической организаціи государства.

160. Въ большей части греческихъ государствъ въ VI—VIII в. до Р. Х. шла борьба между знатью и народомъ, и нерѣдко побѣждалъ народъ, хотя прежде чѣмъ утверждалось „народоправство", на время устанавливалась тираннія, и переходъ отъ аристократіи къ чистой демократіи въ иныхъ случаяхъ совершался чрезъ тимократію. Самый замѣчательный демократическій опытъ сдѣланъ былъ Аѳинами V в. до Р. Х., и этотъ опытъ характеризуетъ вообще античное народоправство. Во-первыхъ, демократія въ древнемъ мірѣ была непосредственной, т.-е. въ политической власти участвовалъ весь народъ лично, такъ какъ граждане для рѣшенія государственныхъ вопросовъ сходились всѣ на общее вѣче. Но, во-вторыхъ, подъ народомъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть не все населеніе государства, а лишь ту часть его, которая составляла гражданство: античныя республики были замкнутыя общины, и внѣ ихъ находились, не говоря уже о рабахъ, разные другіе мѣстные жители, которые, будучи лично свободными, не пользовались политическими правами. Въ Аттикѣ, напр., они назывались метэками, а въ Римѣ „народъ" составляли сначала одни патриціи, плебеи же стояли внѣ гражданской общины. Въ-третьихъ, распространяя свою власть на другія

*) И. ср. в., § 126.
**) И. ср. в., § 296.

города и земли, создавая изъ нихъ цѣлую державу, аѳинская демократія смотрѣла на гражданъ подвластныхъ городовъ, какъ на своихъ подданныхъ, на счетъ которыхъ потомъ аѳинскій демосъ и старался жить. Такимъ образомъ, античная демократія была непосредственнымъ народоправствомъ, заключавшимъ себя въ тѣсныя рамки полноправнаго гражданства и ставившимъ себя въ положеніе обладателя государственною властью надъ множествомъ другихъ городовъ. Аѳинскій демосъ былъ народомъ-государемъ, у котораго были подданные, и свою волю онъ проявлялъ на общемъ собраніи гражданъ, сходясь на площадь для законодательства и выбора должностныхъ лицъ и для отправленія другихъ функцій верховной власти [1]).

151. Хотя римскія государственныя учрежденія всегда имѣли болѣе аристократическое устройство, въ Римѣ тоже верховная власть находилась въ совокупности гражданъ, только и составлявшихъ народъ, равнымъ образомъ сходившійся тоже на комиціи, и все остальное населеніе созданной этимъ народомъ державы состояло изъ не-гражданъ, именно изъ союзниковъ, подданныхъ и рабовъ. Осуществленіе въ Римѣ полной демократіи не измѣнило бы характера вообще античнаго народоправства, и недаромъ права римскаго гражданства (но уже безъ политическаго значенія) распространены были на все свободное населеніе этой державы только тогда, когда въ самомъ Римѣ установилась императорская власть [2]).

152. Въ средніе вѣка республиканскій строй и отчасти демократическія установленія встрѣчаются только въ муниципальномъ быту [3]), и первые опыты демократической организаціи большихъ государствъ сдѣланы были лишь въ концѣ XVIII в. Первый изъ этихъ опытовъ былъ произведенъ Соединенными Штатами Сѣверной Америки, возникшими изъ англійскихъ колоній, которыя съ самаго начала получили чисто демократическое устройство. Ихъ первоначальнымъ населеніемъ были англійскіе эмигранты, еще на родинѣ выработавшіе свои новые полическіе принципы. Здѣсь для демократической организаціи большого государства была подготовлена уже почва, и опытъ удался. Совсѣмъ иное приходится сказать объ опытѣ, сдѣланномъ тогда же Франціей. Сословному строю общества съ абсолютною королевскою властъю во главѣ государства было очень трудно превратиться въ демократію, которую стремилась создать французская революція сначала въ видѣ демократической конституціонной монархіи, потомъ въ видѣ демократической республики. Черезъ десять лѣтъ

---

[1]) Др. И., §§ 131, 134, 137, 138, 139.

[2]) Др. И., §§ 273—277, 334, 341.

[3]) И. ср. вв., § 167—168.

послѣ начала этой революціи на широкой основѣ народнаго верховенства выросла первая имперія, смѣнившаяся потомъ конституціонной монархіей съ высокимъ избирательнымъ цензомъ. Вторая попытка утвержденія во Франціи демократической республики тоже окончилась неудачею, и снова здѣсь установилась, опять-таки путемъ всенароднаго голосованія, имперія, аналогичная первой. Теперешняя, третья республика во Франціи, однако, удержалась [1]).

153. Отличіе новѣйшей демократіи отъ античной заключается въ томъ, что, во-первыхъ, она видитъ гражданъ во всемъ населеніи страны (всеобщее избирательное право), а во-вторыхъ, имѣетъ представительную форму, т.-е. не требуетъ непосредственнаго участія во власти. Эта послѣдняя форма была выработана впервые въ эпоху сословной монархіи, въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ. При этомъ и въ другихъ государствахъ Западной Европы, сохраняющихъ монархическое устройство, замѣчается демократизація представительныхъ учрежденій, которая хорошо прослѣживается на исторіи англійскаго парламента. Онъ возникъ въ XIII в. съ характеромъ сословнаго представительства, которое въ XV в. превратилось въ безсословное, классовое. Благодаря измѣненіямъ въ соціальномъ строѣ, парламентъ въ XVIII и началѣ XIX в. получилъ даже прямо олигархическій характеръ, но три реформы, произведенныя въ XIX в., приблизили представительство въ Англіи къ демократическому строю, хотя онъ далеко еще не совпадаетъ со всеобщимъ правомъ голосованія [2]). Послѣднее между прочимъ введено было въ Германіи при созданіи ея теперешняго государственнаго устройства [3]).

154. Разныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ происходили или постепенно, или сразу, вслѣдствіе политическихъ революцій и государственныхъ переворотовъ. Иногда эти измѣненія имѣли только политическій характеръ, т.-е. не задѣвали сколько-нибудь взаимныя отношенія между общественными классами, иногда же получали и соціальный характеръ, именно когда чисто политическія измѣненія лишь отражали на себѣ глубокія перемѣны, происшедшія въ соціальномъ строѣ. Во главѣ политическихъ и соціальныхъ движеній обыкновенно мы находимъ болѣе или менѣе сплоченныя партіи, которыя отличались между собою или по защитѣ ими интересовъ и притязаній разныхъ классовъ, или по своему одинаковому отношенію къ даннымъ порядкамъ и къ новымъ требованіямъ жизни. Уже въ классической древности мы знаемъ такія партіи, напр., консервативную и прогрессивную въ

---

[1]) Н. И., §§ 234. 237, 252, 283, 285, 297, 303, 335.

[2]) И. ср. вв., §§ 182, 183, 228. Н. И., §§ 133, 210, 212, 213, 289, 336.

[3]) Н. И., §§ 311, 331, 333.

Аѳинахъ временъ персидскихъ войнъ, оптиматовъ и популяровъ въ послѣднія времена римской республики и т. п. [1]). Иногда политическія партіи имѣютъ очень длинную исторію. Въ серединѣ XVII в. въ Англіи возникли партіи кавалеровъ и круглоголовыхъ, которыя въ концѣ того же столѣтія какъ бы возродились въ партіяхъ торіевъ и виговъ, существующихъ и до сихъ поръ подъ названіемъ консервативной и либеральной партій. Онѣ съ начала XVIII в. поочередно стоятъ у власти, и исполнительная власть въ государствѣ принадлежитъ министрамъ, которые въ данный моментъ имѣютъ за себя большинство членовъ народнаго представительства [2]).

155. Къ числу важныхъ вопросовъ въ исторіи общественной эволюціи принадлежитъ еще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и государствомъ. Въ первобытномъ обществѣ и на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи человѣкъ, какъ таковой, т.-е. какъ личность, имѣющая собственное прирожденное достоинство и прирожденныя права, не существовалъ, потому что цѣнился лишь, какъ членъ извѣстнаго общественнаго союза (рода, племени, общины), извѣстной общественной группы (касты, сословія), по отношенію къ которымъ у него не было никакихъ правъ, такъ что все его существованіе поглощалось жизнью этого союза, этой группы. Широко распространенное учрежденіе рабства было отрицаніемъ человѣческаго достоинства и правъ личности: рабъ, напримѣръ, считался не личностью, а только вещью, какъ учили римскіе юристы [3]). Въ старой патріархальной семьѣ отцовская власть не знала никакихъ предѣловъ, и взрослые сыновья, имѣющіе собственныхъ дѣтей, находились подъ такой же опекою, какъ и малолѣтки, въ положеніи которыхъ навѣки были обречены оставаться и женщины [4]). Государственный бытъ древности менѣе всего благопріятствовалъ признанію въ человѣкѣ личнаго достоинства. Великія монархіи Востока были деспотіями, и каждый подданный былъ только безправнымъ рабомъ своего владыки [5]). Въ античныхъ республикахъ жизнь гражданина всецѣло принадлежала государству, которое черезъ свое законодательство вмѣшивалось въ личныя дѣла, въ повседневное поведеніе гражданина, карая его за самые маловажные оступленія. Уже давно указывалось на то, что между древнимъ и новымъ пониманіемъ свободы есть громадная разница: въ древности подъ свободою разумѣли главнымъ образомъ широкое участіе во власти, хотя бы самóю этою властью создава-

---

[1]) Др. И., §§ 120, 133, 287.

[2]) Н. И., §§ 137, 144, 212.

[3]) Др. И., §§ 82, 280.

[4]) Др. И., § 231.

[5]) Др. И., § 52.

лисъ уваженія, крайне стѣснительныя для личной независимости, тогда какъ въ новое время свободу видятъ именно въ самомъ широкомъ пользованіи личною независимостью, хотя бы и безъ прямого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Лучше всего эта сущность античнаго государства выражена въ политическихъ идеалѣ Платона [1].

156. По мѣрѣ усложненія жизни и расширенія общественныхъ связей личность все болѣе и болѣе получала возможность пользоваться большимъ просторомъ, тѣмъ болѣе, что разложеніе старыхъ формъ должно было сопровождаться и ослабленіемъ тѣхъ узъ, которыя ими налагались на личность. Такъ происходило выдѣленіе индивидуальной семьи изъ семьи патріархальной, освобожденіе совершеннолѣтнихъ сыновей изъ-подъ безусловной отцовской власти, улучшеніе гражданскаго положенія женщины. Разложеніе родового быта позволило отдѣльнымъ людямъ вступать въ личныя между собою отношенія для образованія союзовъ, ставившихъ себѣ свои цѣли, а такимъ путемъ возникали, напр., древнія германскія дружины, игравшія видную роль въ исторіи великаго переселенія народовъ [2]. Такимъ образомъ въ эпоху разложенія политическаго строя греческихъ республикъ или средневѣковыхъ городовъ Италіи ополченія, состоявшія изъ гражданъ, стали уступать мѣсто кондотьерскимъ дружинамъ, набиравшимся изъ наемниковъ, которые стремились только къ личнымъ цѣлямъ, — одно изъ наиболѣе отрицательныхъ проявленій индивидуализма упадочныхъ эпохъ [3].

157. Наибольшее развитіе принципъ индивидуальной свободы началъ получать у новыхъ народовъ. Античное государство опредѣляло и религію своихъ гражданъ, а впервые христіанство провозгласило принципъ свободы религіозной совѣсти по отношенію къ требованіямъ земныхъ властей. Правда, этотъ принципъ не былъ осуществленъ въ жизни, и въ средніе вѣка какъ государственная власть, такъ и духовенство широко практиковали религіозныя преслѣдованія, но онъ возродился въ эпоху реформаціи и сдѣлался однимъ изъ главныхъ требованій передового протестантизма. Правда, и въ эпоху реформаціи въ самихъ протестантскихъ государствахъ восторжествовала формула: „чья страна, того и вѣра", — формула, отдававшая совѣсть подданныхъ въ распоряженіе земныхъ властей, но въ XVIII в. передовые писатели снова подняли вопросъ о вѣротерпимости, и послѣдующее время стало ее все болѣе и болѣе осуществлять въ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ принципъ сталъ все болѣе и болѣе

---

[1] Др. И., §§ 212.
[2] И. ср. в., § 30.
[3] Др. И., §§ 173, 174, 181. И. ср. в., § 215.

обобщаться въ принципъ вообще духовной свободы личности, какъ ея естественнаго и прирожденнаго права [1]).

158. Съ другой стороны, хотя установленіе феодальныхъ порядковъ сопровождалось закрѣпощеніемъ массы, но въ то же время среди сословія господъ возникали новыя отношенія. Тутъ не было того безусловнаго подчиненія, въ какомъ находился гражданинъ въ древнемъ мірѣ, а былъ обоюдный договоръ, устанавливавшій взаимныя права и обязанности сюзерена и вассала, что послужило исходнымъ пунктомъ для цѣлаго новаго развитія личной чести и личной свободы. Во всякомъ случаѣ права сеньера по отношенію къ вассаламъ были ограничены, и у вассаловъ были свои особыя права, которыя за ними гарантировалъ феодальный договоръ. Далѣе, то, что было сначала лишь сословнымъ правомъ феодальныхъ сеньеровъ, распространилось впослѣдствіи и на другіе классы, какъ это можно видѣть уже въ англійской „Великой хартіи“ начала XIII в., пока вопросъ о естественныхъ и прирожденныхъ правахъ человѣка и гражданина въ XVIII в. не получилъ общей формулировки [2]).

159. Рядомъ съ экономической и политической эволюціей въ исторіи отдѣльныхъ народовъ совершается и эволюція юридическая. Понятіе права относится къ числу тѣхъ же соціологическихъ категорій, какъ и понятія народнаго хозяйства и государства. Задача права состоитъ въ томъ, чтобы вносить порядокъ во взаимныя отношенія членовъ общества посредствомъ установленія правилъ поведенія, которыя поддерживаются принудительнымъ воздѣйствіемъ власти. Эти правила первоначально диктуются общепринятымъ обычаемъ, отклоненія отъ котораго подвергаются карѣ, а потомъ они устанавливаются законодательствомъ, равнымъ образомъ опредѣляющимъ наказанія за преступленія и регулирующимъ семейныя, имущественныя и разныя другія отношенія людей въ обществѣ. Сначала право разсматривалось, какъ совокупность нормъ, имѣющихъ божественное происхожденіе, чѣмъ оно всегда и оставалось на Востокѣ, но въ Греціи и въ Римѣ, гдѣ въ созданіи законовъ участвовали или самъ народъ, или выбранныя имъ должностныя лица, въ правѣ стали видѣть лишь одно изъ созданій самого человѣка въ цѣляхъ защиты личной и имущественной неприкосновенности членовъ общества или интересовъ цѣлаго общества отъ всякихъ на нихъ посягательствъ. Самыя раннія собранія законовъ въ родѣ аѳинскихъ законовъ Драконта, римскихъ XII таблицъ, варварскихъ правдъ (leges barbarorum) или Русской Правды, были скорѣе записью старыхъ обычаевъ, чѣмъ резуль-

[1]) Др. И., § 350. И. ср. вв., §§ 39, 153, 156. Н. И., §§ 69, 71, 75, 91, 102, 109. 141, 157, 172. 175, 192, 197.

[2]) И. ср. вв., §§ 82, 181. Н. И., §§ 173, 233.

татомъ законодательнаго творчества, но съ теченіемъ времени сознательная дѣятельность въ процессѣ правообразованія играла уже все болѣе и болѣе видную роль [1]).

160. Въ исторіи права особое значеніе принадлежитъ Риму. Исторія римскаго права отъ первой записи законовъ (XII таблицъ) до соединенія всѣхъ главныхъ результатовъ юридическаго творчества (законодательство Юстиніана) тянется отъ середины V в. предъ Р. Х. до середины VI в. по Р. Х., т.-е. охватываетъ собою цѣлое тысячелѣтіе,—періодъ времени, достаточно продолжительный для того, чтобы право успѣло пережить нѣсколько стадій своего развитія. Съ другой стороны, римляне создали правовыя нормы для всего тогдашняго цивилизованнаго міра, подвергнувъ обработкѣ обычаи и законы не только своей родины, но и другихъ народовъ и придавъ этой обработкѣ философскій характеръ (главнымъ образомъ подъ греческимъ вліяніемъ). Наконецъ, въ измѣненномъ видѣ римское право стало правомъ Византіи, откуда оно оказало свое вліяніе на славянскія законодательства, въ XI—XII в. его стали изучать теоретически въ Западной Европѣ, а въ XIII—XV вв. оно начало оказывать и практическое вліяніе на юридическія отношенія во Франціи и въ Германіи,—фактъ, извѣстный подъ названіемъ „рецепціи" (т.-е. принятія) римскаго права [2]).

161. Въ общемъ юридическая эволюція отражаетъ на себѣ эволюцію экономическую и политическую, завися, кромѣ того, и отъ роста нравственнаго сознанія въ обществѣ. Оно сообщаетъ санкцію данному укладу хозяйственныхъ и государственныхъ отношеній и данному взгляду на достоинство человѣческой личности. Законъ именно беретъ подъ свою охрану и личность человѣка, поскольку личность въ человѣкѣ признаётся, и его имущественные интересы, и данное политическое устройство. Смотря по тому, кто пользуется законодательною властью, и исходящіе отъ нея законы получаютъ тотъ или другой характеръ, но часто то, что одни признаютъ за право, другимъ можетъ казаться безправіемъ, откуда противоположность между положительнымъ правомъ и правомъ, какъ его называли, естественнымъ, т.-е. между существующимъ и долженствующимъ существовать. Эту противоположность впервые формулировали греческіе софисты, за ними—стоики, повліявшіе на римскихъ юристовъ. Ихъ представленіе объ естественномъ правѣ возродилось въ новой европейской философіи XVII и XVIII вв., оказавъ большое вліяніе на общественную жизнь [3]).

---

[1]) Др. И., §§ 112, 243. 342—344. И. ср. вв., 31.

[2]) Др. И., §§ 342—344. И. ср. вв., §§ 40, 42, 66, 123, 174, 214, 265, 287—288.

[3]) Др. И., §§ 152, 344. Н. И., §§ 173, 233.

ГЛАВА IV.

Развитіе духовной культуры.

---

162. Духовную культуру каждаго народа составляютъ его вѣрованія и воззрѣнія, его знанія и навыки, т.-е. все, что входитъ въ понятія религіи и морали, поэзіи и искусства, философіи и науки, и къ тому же у каждаго народа есть свой языкъ, отличающій его отъ другихъ народовъ и являющійся внѣшнимъ показателемъ принадлежности отдѣльныхъ лицъ къ той или другой народности. Единство языка, хотя бы и раздѣленнаго на нарѣчія, общность религіозныхъ вѣрованій, нравственныхъ воззрѣній и т. п., равно какъ общность иногда чисто внѣшнихъ культурныхъ признаковъ являются факторами, создающими національное самосознаніе отдѣльныхъ народовъ. Это сознаніе принадлежности къ одной націи среди племенъ, говорящихъ однимъ языкомъ, вырабатывается лишь постепенно съ развитіемъ сношеній между ними и по мѣрѣ того, какъ, сталкиваясь съ народами чужого языка, родственныя по языку племена начинаютъ отличать себя отъ чужеземцевъ. Древніе греки называли всѣхъ говорившихъ не на ихъ языкѣ варварами, что значитъ приблизительно „неясно говорящіе", какъ славяне для подобнаго же случая создали названіе—„нѣмцы". Принадлежность человѣка къ какой-либо національности накладываетъ на него особую печать, и потому каждый человѣкъ является сыномъ своего народа.

163. Чѣмъ ниже стоитъ народъ на лѣстницѣ культурнаго развитія, т.-е. чѣмъ бѣднѣе и однообразнѣе его жизнь, тѣмъ больше его члены похожи другъ на друга, тѣмъ духовная культура народа цѣльнѣе и однороднѣе. Но едва только начинается раздѣленіе народа на отдѣльные классы по роду занятій и по имущественному положенію, какъ общность міросозерцанія начинаетъ исчезать, и въ единой національной культурѣ начинается разрывъ между народной

массой и выдѣлившимися изъ нея культурными группами. Мы болѣе или менѣе вездѣ наблюдаемъ, что языкъ образованныхъ слоевъ, подвергшійся извѣстной литературной обработкѣ, отличается отъ простонародныхъ говоровъ и романскіе языки, напр., произошли не изъ классической латыни, а изъ мѣстныхъ говоровъ простого народа [1]). Съ выдѣленіемъ изъ народной массы жречества, какъ особаго сословія, разрывается иногда и религіозное единство: въ то самое время, какъ масса продолжаетъ коснѣть въ первобытныхъ суевѣріяхъ, жрецы приходятъ нерѣдко къ болѣе возвышеннымъ представленіямъ. Это можно видѣть хотя бы на примѣрѣ Египта, гдѣ народная и жреческая вѣра между собою не вполнѣ совпадали. Аналогичныя явленія представляетъ намъ религіозная жизнь и другихъ народовъ Востока. То же было и въ Греціи, гдѣ поэты и философы старались облагородить грубую народную миѳологію, внося въ нее новыя толкованія, или просто отрицали старыя вѣрованія, ища новаго міросозерцанія. Такое же, наконецъ, явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи Рима, когда въ Римъ проникло греческое вліяніе и религіозное сознаніе образованныхъ классовъ общества было совсѣмъ инымъ, чѣмъ у народной массы, продолжавшей жить старыми вѣрованіями, которыхъ не могла уже раздѣлять интеллигенція [2]).

164. Высшія проявленія художественнаго и литературнаго творчества, въ особенности же философское и научное изслѣдованіе были всегда достояніемъ интеллигентнаго меньшинства, которое культурно поэтому отрывалось отъ народной массы. Общность жизненной обстановки, экономическихъ условій, политическихъ стремленій и культурнаго уровня, отличавшая всегда одинъ общественный кругъ отъ другихъ, создавала своего рода классовую и сословную духовную культуру, т. е. культуру съ разнымъ содержаніемъ и характеромъ у отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Между прочимъ, это явленіе отмѣчается въ исторіяхъ литературы, въ которой отражаются идеи, настроенія, вкусы и стремленія разныхъ соціальныхъ классовъ. Недаромъ же въ исторіи западно-европейскихъ литературъ можно говорить о рыцарской поэзіи, о литературѣ горожанъ, о простонародной пѣснѣ или сатирѣ [3]). Такимъ образомъ соціальная дифференціація, т.-е. распаденіе общества на классы сопровождается и распаденіемъ духовнаго единства націи.

165. Нѣкоторыя занятія по самой сущности своей заставляли предававшихся имъ людей работать головой надъ рѣшеніемъ слож-

---

[1]) И. ср. вв., § 1.

[2]) Др. И., §§ 26, 29, 40—42, 144, 148, 346.

[3]) И. ср. вв, §§ 291—292.

ныхъ проблемъ жизни и мысли. Первымъ образованнымъ классомъ въ самыхъ древнихъ обществахъ были жрецы, бывшіе и первыми учеными. Въ ихъ средѣ впервые зародилось отвлеченное мышленіе, и они же были первыми знатоками многихъ вещей. Извѣстной умственной культуры требовала также и чиновничья служба, гдѣ она, какъ въ Египтѣ, была уже организована. Развитіе свободной политической жизни въ античныхъ республикахъ равнымъ образомъ вызывало потребность въ пріобрѣтеніи знаній, а въ Римѣ даже образовался цѣлый классъ знатоковъ права, которые явились въ данномъ отношеніи лишь наслѣдниками жрецовъ, бывшихъ прежде хранителями права [1]). Замѣтимъ, что и въ средніе вѣка первую интеллигенцію составляло духовенство, пока въ эпоху гуманизма не возникъ классъ свѣтскихъ писателей, мыслителей и ученыхъ [2]).

166. Наконецъ, начало разложенія вносилось въ господство традиціонной культуры и развитіемъ личной мысли, иначе культурнымъ индивидуализмомъ. Вообще на извѣстной ступени развитія и при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ появляются отдѣльныя лица, которыя подвергаютъ всѣ господствующіе въ обществѣ порядки, воззрѣнія и установленія критикѣ съ точки зрѣнія своего личнаго разума. Примѣры такого отношенія къ традиціонной культурѣ своего времени и своего народа представляютъ собою въ древности греческіе софисты, а въ новое время гуманисты (главнымъ образомъ итальянскіе) и французскіе „просвѣтители" XVII в., какіе бы пункты различія мы ни находили между этими тремя историческими группами [3]).

167. Развитіе духовной культуры и происходитъ такимъ образомъ, что новыя идеи или новые пріемы мысли зарождаются въ немногихъ головахъ и потомъ уже принимаются другими, и что принятое образованнымъ меньшинствомъ лишь съ теченіемъ времени проникаетъ въ народную массу. Иными словами, культурное развитіе идетъ отъ меньшинства къ большинству и сверху внизъ. Съ другой стороны, для того, чтобы въ обществѣ совершался культурный прогрессъ, нужна извѣстная степень матеріальнаго благосостоянія и политическаго развитія, а потому и разныя колебанія въ ходѣ соціальной жизни отражаются на повышеніяхъ и пониженіяхъ культурнаго уровня.

168. Развитіе духовной культуры, какъ и другихъ сторонъ исторической жизни, не совершается непрерывно. Напротивъ, въ этой сферѣ постоянно замѣчаются приливы и отливы творчества и пере-

---

[1]) Др. И., §§ 8, 22, 151, 343.
[2]) И. ср. вв., §§ 261 и слѣд.
[3]) Др. И., §§ 150—151. Н. И., §§ 16, 36, 171—173.

мѣны въ направленіяхъ, которыя принимаетъ умственная дѣятельность. Есть періоды, характеризующіеся развитіемъ религіозной мысли или положительной науки, драматической поэзіи или живописи и т. п. Въ каждой отдѣльной странѣ культурная дѣятельность то падала, то снова поднималась. Но никогда историческое человѣчество не переживало такого общаго кризиса во всѣхъ областяхъ культуры, какъ тотъ, который происходилъ въ концѣ древняго міра и въ началѣ среднихъ вѣковъ [1]).

169. Въ общей исторіи духовной культуры древнихъ и новыхъ народовъ можно установить два основныхъ ея типа—религіозный и свѣтскій. Религіозный типъ господствовалъ на Востокѣ и въ средніе вѣка на Западѣ, въ Византіи и у насъ до Петра Великаго, свѣтскій—въ классическій періодъ греко-римской цивилизаціи и въ новой исторіи вообще. До возникновенія философіи и науки, основанныхъ на дѣятельности человѣческаго разума, все духовное содержаніе культуры заключалось въ одной религіи, которая не только была религіей въ обычномъ значеніи слова, но также замѣнила собою и науку, и философію. Вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ образованнымъ классомъ являлись служители религіи, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми мыслителями и первыми же учеными. При такомъ состояніи культуры и установившимся государственнымъ порядкамъ, и правовымъ нормамъ обыкновенно приписывалось божественное происхожденіе, какъ и во всѣхъ вообще явленіяхъ природы и событіяхъ общественной жизни, имѣющихъ свои естественныя причины, усматривалось непосредственное вмѣшательство сверхъ-естественныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерна религіозная культура народовъ древняго Востока, отличавшаяся гораздо большею цѣлостностью, чѣмъ, наприм., средневѣковая на Западѣ. Въ послѣдней все-таки былъ дуализмъ религіознаго и свѣтскаго, котораго Востокъ не зналъ, сливая оба начала воедино: онъ не зналъ именно дуализма церкви и государства, теологіи и философіи, каноническаго и гражданскаго права и т. п., а на Западѣ этотъ дуализмъ все-таки существовалъ, хотя и съ подчиненіемъ всего свѣтскаго религіозному [2]).

170. Впервые свѣтская духовная культура возникла въ Греціи, гдѣ начало ея развитію было положено еще за VI в. Р. Х. и откуда она во II в. стала проникать и въ Римъ. Къ концу античнаго міра она, впрочемъ, стала клониться къ упадку въ зависимости отъ матеріальнаго обѣднѣнія и политическихъ бѣдствій эпохи. Распространеніе въ имперіи христіанства поставило для общественной

---

[1]) И. ср. вв., §§ 251, 253, 258—261.

[2]) Др. И. §§ 52, 142, 358. И. ср. вв., 20, 27, 262, 281 и др.

дѣятельности новыя задачи, за рѣшеніе которыхъ взялись лучшія умственныя силы эпохи. Въ средніе вѣка возродилось господство религіозной культуры, допускавшей, наприм., философію лишь въ качествѣ „служанки богословія". Такъ продолжалось до XIV—XVI вв., т.-е. до эпохи гуманизма, когда не одно „божественное", но и „человѣческое" (humanum) стало считаться достойнымъ духовнаго интереса человѣка. Въ эту эпоху произошла въ Западной Европѣ секуляризація духовной культуры, т.-е. освобожденіе ея отъ исключительной опеки католической церкви. Гуманизмъ былъ первымъ умственнымъ движеніемъ, изъ котораго вышла вся свѣтская цивилизація новой Европы. Весьма естественно, что возродители свѣтской культуры должны были предаться изученію философіи, науки и литературы классическихъ народовъ, гдѣ только они и могли найти опору для своихъ новыхъ стремленій. Наступленіе эпохи религіозной реформаціи XVI — XVII вв. нѣсколько задержало начавшійся въ гуманизмѣ процессъ секуляризаціи, но въ XVIII в. онъ возобновился въ такъ называемомъ „просвѣщеніи" этого столѣтія, справедливо названнаго „философскимъ вѣкомъ" [1]).

171. Въ своемъ историческомъ существованіи всѣ религіи, какія только вообще извѣстны исторіи, представляютъ изъ себя очень сложныя явленія духовной культуры. Основу всякой религіи составляетъ вѣра въ невидимый міръ, находящійся за предѣлами окружающаго насъ міра видимаго, и въ продолженіе личнаго существованія людей послѣ ихъ смерти въ загробномъ мірѣ. Съ этою основою въ неразрывномъ соединеніи сначала находились, съ одной стороны, теоретическое объясненіе явленій природы,—задача будущей философіи и науки,—съ другой, нравственныя требованія отъ человѣка, которыя впослѣдствіи тоже сдѣлались однимъ изъ предметовъ философіи. Общественное значеніе религіи всегда состояло въ томъ, что она духовно связывала между собою членовъ общества, подчиняла ихъ извѣстнымъ правиламъ общежитія и служила санкціей для учрежденій, поддерживавшихъ политическую связь между отдѣльными частями общества и внутренній въ немъ порядокъ. Такимъ образомъ религія является въ исторіи не только въ значеніи чисто теоретическаго міросозерцанія, но и въ качествѣ важнаго фактора всей моральной и соціальной жизни. Отсюда всеобъемлющее значеніе религій въ исторіи народовъ: что въ соціальной жизни представляетъ собою государство, объединяющее и заключающее въ себѣ всѣ другіе общественные союзы, то же самое въ области духовной культуры представляетъ собою религія. Мало того: въ первоначальныхъ

---

[1]) Др. И. §§ 142, 305. Н. И., §§ 16—17, 53, 171.

государствахъ—и раньше ихъ, еще въ родовомъ быту,—политическій и религіозный элементы были нераздѣльно слиты воедино, и вся древность, наприм., не знала раздѣленія государства и церкви, потому что каждое государство было одновременно союзомъ и политическимъ, и религіознымъ. На этой, самой ранней ступени своего развитія религія была нестолько дѣломъ индивидуальной души, моральнымъ запросамъ которой должна была удовлетворять, сколько одною изъ сторонъ государственнаго общежитія, одною изъ принадлежностей политическаго существованія. Служа внутреннею связью отдѣльныхъ національностей и государствъ, она вообще могла очень много говорить уму и чувству людей, принадлежавшихъ къ даннымъ общественнымъ союзамъ, но не членамъ другихъ союзовъ, не человѣку вообще. Только съ теченіемъ времени нравственная сторона религіи стала брать верхъ надъ политическою, и лишь послѣ разложенія старыхъ національно-государственныхъ вѣрованій сдѣлалось возможнымъ распространеніе религій, обращавшихся съ проповѣдью къ народамъ разнаго происхожденія и языка, разныхъ вѣръ и разныхъ странъ. Такихъ міровыхъ, какъ ихъ называютъ, религій исторія знаетъ три: въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ исторіи это—буддизмъ, христіанство и магометанство. Каждая изъ этихъ трехъ религій наложила неизгладимую печать на всю духовную и соціальную культуру принявшихъ ихъ народовъ. Онѣ и въ настоящее время раздѣляютъ между собою наиболѣе культурную часть человѣчества. Однихъ христіанъ около трети всего населенія земного шара.

172. Первобытныя вѣрованія были очень грубы. Самую раннюю форму религіи представляетъ собою слѣпое поклоненіе предметамъ видимаго міра (фетишизмъ), которые одухотворялись въ представленіи дикаря, наполнявшаго такимъ образомъ всю природу духами, аналогичными его собственной душѣ (анимизмъ). Мало-по-малу изъ первобытнаго анимизма выработались, съ одной стороны, культъ предковъ, получившій большое развитіе у нѣкоторыхъ народовъ, съ другой, вѣра въ стоящихъ выше человѣка личныхъ боговъ, управляющихъ явленіями природы и людской жизни. Религіи народовъ древняго Востока стояли уже на этой ступени многобожія (политеизма), еще соединявшагося, однако, съ разными анимистическими и фетишистическими представленіями, особенно въ народной массѣ. Въ исторіи политеистическихъ религій древности мы обнаруживаемъ постепенный прогрессъ въ пониманіи божественнаго. Болѣе ранні звѣрообразныя божества принимаютъ съ теченіемъ времени человѣческій образъ и дѣлаются идеальными воплощеніями тѣхъ качествъ, которыя особенно цѣнились людьми. Мало-по-малу боги утрачивали свое физическое значеніе и пріобрѣтали значеніе благихъ существъ, давшихъ

людямъ знанія, нравственныя правила, законы, искусства и т. п. и покровительствующихъ людямъ въ разныхъ ихъ занятіяхъ и предпріятіяхъ. Въ самое представленіе о богахъ по мѣрѣ культурнаго развитія вносилось все больше и больше нравственной одухотворенности, и соотвѣтственно съ этимъ разсказы о богахъ, заключавшіе въ себѣ наивныя и вмѣстѣ съ тѣмъ очень грубыя объясненія явленій природы, или отвергались, какъ ложные и недостойные боговъ, или толковались иносказательно. Особенно важное значеніе получало развитіе того взгляда, по которому души предковъ и боги караютъ за дурныя дѣла, и религія, морализируясь сама, въ то же время дѣлалась постепенно великимъ воспитательнымъ органомъ общественности, хотя, съ другой стороны, во всѣхъ религіяхъ древности нравственныя предписанія и разныя обрядовыя требованія уравнивались между собою, и это искажало истинную сущность первыхъ [1]).

123. Религіозныя вѣрованія политеистической эпохи, созданныя народной фантазіей, были и первымъ матеріаломъ отвлеченнаго мышленія для жрецовъ и поэтовъ, стремившихся ихъ согласовать между собою и объединить, найти въ нихъ отвѣты на новые вопросы мысли и опору для новыхъ рѣшеній старыхъ вопросовъ, разгадать внутренній смыслъ того, что́ казалось непонятнымъ, или придать тому, что́ представлялось слишкомъ грубымъ, иное, хотя бы аллегорическое значеніе. Въ этомъ религіозномъ творчествѣ жрецы, поэты и мудрецы доходили до высшихъ религіозныхъ представленій, создавая цѣлыя системы міра, объяснявшія его происхожденіе, возникновеніе государства и законовъ и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимавшія мысль на высоту единобожія, зачатки котораго мы находимъ въ разныхъ политеистическихъ религіяхъ. Въ общемъ, однако, монотеистической идеѣ было очень трудно пробить себѣ путь въ сознаніи народныхъ массъ, и даже образованные люди большею частью представляли себѣ единое Божество, какъ верховное среди другихъ божествъ. Исторія евреевъ показываетъ, напр., какъ часто впадали они въ идолопоклонство: лишь пророки поддерживали у нихъ единобожіе, причемъ, однако, народъ думалъ, что единый Богъ-Іегова есть только еврейскій національный Богъ, и опять-таки лишь пророки возвышались до настоящаго монотеизма. Въ Индіи мысль также не могла выбиться изъ области политеистическихъ представленій, и стремленіе свести все религіозное міросозерцаніе къ одному высшему началу привело жрецовъ-мыслителей не къ монотеизму, а къ пантеизму, т.-е. къ всебожію, къ отожествленію міра съ Богомъ, именно въ связи съ ихъ представленіемъ о единой, безличной причинѣ (brahman, слово средняго

---

[1]) Др. И., §§ 8, 25, 29, 32, 35, 41, 67—71, 227.

рода), изъ которой истекли всѣ боги и всѣ другія существа. Иранцы въ маздеизмѣ пришли къ дуалистическому міросозерцанію, признавъ существованіе двухъ высшихъ боговъ, добраго и злого, но и эта религія не была чужда политеистическихъ представленій. Греческая и римская религіи на всѣхъ ступеняхъ своего развитія оставались чистѣйшимъ политеизмомъ, и лишь философы, искавшіе основного начала мірозданія, приходили иногда къ нѣкоторому подобію монотеизма или къ пантеизму.

124. Единственнымъ народомъ древности, въ средѣ котораго жила вѣра въ единаго Бога, были все-таки евреи, которые сначала часто подъ вліяніемъ сосѣдей впадали въ идолопоклонство, пока не стали видѣть въ своей вѣрѣ въ Іегову основной признакъ собственной національности, особенно во время гоненій на эту религію въ эпохи Селевкидовъ или римскаго владычества. Строго храня единобожіе, евреи въ концѣ концовъ стали распространять его среди язычниковъ (прозелитизмъ), но эта проповѣдь монотеизма не могла быть особенно успѣшною, потому что юдаизмъ сохранялъ исключительно національную окраску, мѣшавшую данной проповѣди получить дѣйствительно общечеловѣческій характеръ. Но въ нѣдрахъ еврейскаго народа возникло христіанство, отрѣшившееся отъ національной исключительности, чтобы сдѣлаться религіей множества народовъ разнаго происхожденія и языка. На той же почвѣ еврейскаго монотеизма позднѣе выросло и магометанство, которое тоже стало распространяться среди разныхъ народовъ и въ самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ [2]).

125. Если исключить Индію, изъ которой еще раньше христіанства вошла проповѣдь буддизма среди разныхъ народовъ Азіи, религіозная исторія древняго міра представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сначала образовались строго національныя религіи, изъ которыхъ одна только еврейская заключала въ себѣ сѣмена религіи универсальной. Между большею частью этихъ національныхъ религій происходило нѣкоторое взаимодѣйствіе, такъ какъ одни народы заимствовали у другихъ ихъ культы, что́ особенно облегчалось развитіемъ торговыхъ сношеній и образованіемъ великихъ завоевательныхъ державъ. Особенно сильно было религіозное взаимодѣйствіе въ эпоху Римской имперіи, когда въ ней происходилъ такъ называемый синкретизмъ, подготовлявшій почву для религіознаго объединенія всѣхъ народовъ вокругъ Средиземнаго моря въ христіанствѣ.

---

[1]) Др. И., §§ 25, 29, 33, 42, 45, 147—148 (ученія Гераклита, Ксенофана, Анаксагора), 211 (ученіе Платона), 345 (неоплатонизмъ).

[2]) Др. И., §§ 33, 202, 348, 249. Ср. И., §§ 46, 50—51, 54.

176. Сначала каждая мѣстность имѣла свой особый культъ, и, напр., обще-греческая національная религія сложилась лишь постепенно. Очень рано, однако, одни народы стали заимствовать у другихъ ихъ религіозныя вѣрованія: беря опять для примѣра религію древнихъ грековъ, мы видимъ, что многое въ ней было восточнаго происхожденія. Этому содѣйствовали культурныя сношенія и переселенія. Извѣстно, что уже финикійцы имѣли храмы своихъ боговъ въ Египтѣ и въ Палестинѣ, а на родинѣ выдѣлывали идоловъ для торговли ими въ отдаленныхъ странахъ. Въ свою очередь распространеніе греческаго вліянія въ эпоху эллинизма сопровождалось и распространеніемъ греческихъ культовъ, иногда даже насильственнымъ путемъ (первый примѣръ каковаго подали еще ассирійскіе цари). Эта эпоха была особенно благопріятна для религіознаго взаимодѣйствія народовъ, напр., въ такихъ городахъ, какъ египетская Александрія, гдѣ рядомъ другъ съ другомъ жили египтяне, греки и евреи: здѣсь священныя книги евреевъ были переведены на греческій языкъ; здѣсь же въ I в. по Р. Х. еврей Филонъ примирялъ въ общей системѣ юдаизмъ и платонизмъ, т.-е. еврейскую религію съ греческой философіей; здѣсь, наконецъ, возникъ въ III в. неоплатонизмъ, бывшій тоже результатомъ взаимодѣйствія греческой философіи съ религіозными воззрѣніями Востока и въ частности съ ученіями египетскихъ жрецовъ. Благодаря образованію Римской имперіи, въ это смѣшеніе религіозныхъ вѣрованій былъ втянутъ и Западъ. Первоначальная религія римлянъ во многомъ была похожа на греческую, и когда римляне познакомились съ послѣднею, то стали отожествлять своихъ боговъ съ греческими, не говоря уже о томъ, что многіе греческіе культы были и прямо заимствованы Римомъ. Покоряя разныя племена, римляне даже „переманивали“ къ себѣ ихъ боговъ, да и вообще рядомъ съ политическимъ объединеніемъ шло религіозное объединеніе въ формѣ смѣшенія культовъ, синкретизма. Въ Римѣ стали чествовать и египетскія, и сирійскія, и иранскія божества и отправлять ихъ культы съ разными таинственными обрядами, такъ что въ концѣ концовъ въ эпоху имперіи стало возникать нѣчто въ родѣ общаго греко-римскаго политеизма, сильно смѣшаннаго съ религіозными вѣрованіями Востока [1]).

177. Въ то время, однако, когда совершался этотъ религіозный синкретизмъ, подготовившій почву для будущаго религіознаго объединенія, самъ греко-римскій политеизмъ внутренне разлагался, и миѳологія постепенно теряла кредитъ въ образованныхъ классахъ общества. Въ лучшихъ для нея случаяхъ ее стремились облагородить новыми толкованіями, съ которыми мы встрѣчаемся потомъ и въ

---

[1]) Др. И., §§ 72—76, 61. 201, 222, 245, 227, 345.

неоплатонизмѣ, но рядомъ съ этимъ шло отрицаніе старыхъ вѣрованій, приводившее или къ прямому сомнѣнію и невѣрію, или къ исканію новой вѣры. Съ отрицательнымъ отношеніемъ къ миѳологіи политеизма мы встрѣчаемся уже въ первыя времена греческой философіи, съ теченіемъ же времени оно только усиливалось, такъ что миѳологія становилась даже предметомъ насмѣшекъ, и съ нею осмѣивался также политеистическій синкретизмъ. Подрывало религію и то, что политеизмъ допускалъ обоготвореніе людей, иногда очень порочныхъ, разъ они пользовались властью. Большой вредъ язычеству приносила апоѳеоза (обоготвореніе) римскихъ императоровъ, заимствованная съ Востока. Съ посмертнымъ обоготвореніемъ государей мы встрѣчаемся еще въ Египтѣ, и когда Александръ Македонскій завоевалъ эту страну, то заставилъ себя тоже признать богомъ; божескаго себѣ поклоненія требовали и нѣкоторые его преемники въ эллинистическихъ царствахъ. Извѣстно, что даже въ Аѳинахъ былъ обоготворенъ знаменитый искатель приключеній Димитрій Поліоркетъ. Суевѣрія и раболѣпство языческихъ жрецовъ не могли, конечно, содѣйствовать поддержанію умственнаго и нравственнаго авторитета политеистической религіи. Если одни образованные люди и довольствовались той или другой философской системой, то у другихъ и особенно въ широкихъ кругахъ общества рождалась потребность въ новой, лучшей вѣрѣ [1]).

178. Политеистическія религіи древности были безпорядочною смѣсью самыхъ грубыхъ представленій (и въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень чувственныхъ культовъ) съ высшими нравственными воззрѣніями, требовавшими отъ человѣка духовнаго совершенства. Все грубое, чувственное, жестокое (въ родѣ человѣческихъ жертвоприношеній) было первобытнаго происхожденія, все одухотворенное, моральное, человѣчное было обязано своимъ возникновеніемъ развитію лучшихъ сторонъ человѣческой природы. Съ особенною ясностью въ религіяхъ Египта, Ирана, Греціи проявляется моральный прогрессъ въ богопочитаніи, когда оно стало отожествляться съ праведною жизнью, съ душевной чистотою, съ нравственнымъ настроеніемъ человѣка. Особенно замѣчательны (во всякомъ случаѣ позднѣйшія) религіозныя представленія о необходимости очищенія себя и искупленія отъ всякой совершенной вины, дабы достигнуть блаженства въ загробной жизни, такъ какъ съ вѣрою въ нее стало соединяться представленіе о посмертномъ воздаяніи за все совершенное человѣкомъ во время земного существованія. Что въ эту сторону начали направляться помыслы людей, это доказывается сильнымъ распро-

---

[1]) Др. И., §§ 148, 346, 25, 194, 201, 204.

страненіемъ въ Римской имперіи разныхъ мистерій большею частью восточнаго происхожденія, имѣвшихъ отношеніе къ загробной судьбѣ души. Въ нихъ, конечно, было много суевѣрнаго, но онѣ показываютъ, до какой степени чувство грѣховности начинало проникать въ душу тогдашняго человѣка [1]).

179. Когда отдѣльные культы древности были принадлежностью замкнутыхъ политическихъ и религіозныхъ союзовъ, — были ли то мелкія общины или цѣлыя націи,—каждый человѣкъ, не принадлежавшій къ данному союзу, разсматривался, какъ лишенный покровительства его боговъ, какъ существо безправное, иногда даже нечистое, оскверняющее однимъ своимъ присутствіемъ культъ этихъ боговъ. Эта первоначальная политическо-религіозная и національно-религіозная исключительность падала по мѣрѣ разложенія древняго государственнаго быта съ его замкнутостью и по мѣрѣ усиленія религіознаго синкретизма. Греко-македонское и римское завоеванія отдѣльныхъ частей древняго міра сильно содѣйствовали моральному объединенію человѣчества. Греческіе современники Александра Македонскаго—и между ними даже Аристотель—стояли еще на той точкѣ зрѣнія, что только одни эллины достойны быть свободными, и что, напротивъ, варвары самою природою своею обречены на то, чтобы оставаться въ вѣчномъ рабствѣ. Но уже самому этому философу приходилось считаться съ мнѣніемъ, что всякое рабство противно человѣческой природѣ. Въ позднѣйшей философіи все болѣе и болѣе утверждалось представленіе о прирожденномъ всѣмъ людямъ, а слѣдовательно, и варварамъ, и рабамъ нравственномъ достоинствѣ. Особенно школа стоиковъ въ позднѣйшемъ періодѣ своего существованія развивала ученіе о внутренней свободѣ человѣческой личности, о братствѣ всѣхъ людей, о необходимости любви къ ближнему независимо отъ ихъ происхожденія и общественнаго положенія. Первоначально нравственныя обязанности признавались существующими лишь въ предѣлахъ даннаго союза: по отношенію къ чужимъ все было дозволено. Болѣе высокое нравственное сознаніе, наоборотъ, пріучало видѣть въ каждомъ человѣкѣ существо, имѣющее право на справедливое къ себѣ отношеніе. Одновременно съ паденіемъ нравственной исключительности падала и исключительность юридическая, когда римское право, проникшись идеями греческой философіи, пришло къ идеямъ уваженія личности человѣка и равноправности всѣхъ людей [2]).

180. Особенно былъ проникнутъ нравственнымъ характеромъ и

---

[1]) Др. И. §§ 25, 45, 73, 345.

[2]) Др. И., §§ 198, 215, 347, 344.

общечеловѣческимъ содержаніемъ еврейскій монотеизмъ въ проповѣди пророковъ. Они учили видѣть въ Богѣ не національное божество однихъ евреевъ, а Бога всего міра, Отца всѣхъ людей, Высшее Существо, всесвятое и всеблагое, требующее внутренняго раскаянія и исправленія. Богу, говорили они, угодны не жертвы, а исканіе правды и дѣланіе добра. Онъ не ищетъ смерти беззаконниковъ, а только желаетъ, чтобы они отстали отъ путей своихъ и остались въ живыхъ. Пророки, кромѣ того, проповѣдовали наступленіе вѣчнаго мира, когда народы перекуютъ мечи свои на плуги и не будутъ учиться воевать. Эти возвышенныя идеи пророковъ, конечно, далеко не раздѣлялись всѣмъ народомъ, который и въ возвѣщавшемся пророками Мессіи хотѣлъ видѣть царя-завоевателя, долженствующаго возвеличить еврейское государство. Еврейскій мессіанизмъ былъ идеальнымъ чаяніемъ лучшаго будущаго въ смыслѣ нравственнаго совершенства и въ этомъ отношеніи былъ прямою противоположностью античной вѣрѣ въ золотой вѣкъ въ невозвратномъ прошломъ.

184. Появленіе христіанства въ Іудеѣ и распространеніе его оттуда по всей Римской имперіи было однимъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ во всемірной исторіи. Христіанство явилось, какъ религія духа, любви къ ближнему и братства всѣхъ людей, какъ проповѣдь, обращенная къ совѣсти человѣка и ко всѣмъ народамъ безъ различія происхожденія и языка, какъ призывъ къ общенію свободныхъ и рабовъ, іудеевъ и язычниковъ, грековъ и варваровъ. Новая религія утвердилась въ греко-римскомъ обществѣ лишь послѣ упорной борьбы, которую ей пришлось выдержать со стороны политеистическаго государства, со стороны языческихъ жрецовъ и философовъ, со стороны, наконецъ, народныхъ массъ. Во времена преслѣдованія христіанъ, принимавшихъ разныя мученія за свою вѣру, новая религія получила особую, отдѣльную отъ государства и отъ него независимую церковную организацію, что было началомъ выдѣленія религіозной сферы изъ политической для самостоятельнаго существованія во исполненіе словъ: „воздадите кесарева кесареви, а Божія Богови“. Для язычниковъ религія была прежде всего дѣломъ государства, для христіанъ — дѣломъ индивидуальной души, ищущей Бога, а потому они, не желая подчиняться требованіямъ властей въ дѣлахъ вѣры, тѣмъ самымъ отстаивали свободу религіозной совѣсти. Мало-по-малу, въ теченіе трехъ вѣковъ, христіане сдѣлались въ имперіи, благодаря своей численности, внушительною силою, и въ IV столѣтіи по Р. Х. государственная власть не только даровала имъ свободу вѣроисповѣданія, но и сама перешла на сторону новой религіи, признавъ за нею государственное значеніе. Пока, однако, христіанская церковь была обществомъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ,

въ ней господствовали строгость и чистота нравовъ, но онѣ стали исчезать по мѣрѣ того, какъ новую вѣру начали принимать люди безъ внутренняго убѣжденія, приносившіе съ собою языческія суевѣрія и языческіе пороки. Въ христіанское общество Римской имперіи стали проникать и утверждаться въ немъ старые взгляды, позволявшіе, наприм., преслѣдовать людей за вѣру, хотя лучшіе учители церкви проповѣдовали свободу религіозной совѣсти. Съ паденія греко-римскаго язычества и торжества христіанства начинается совсѣмъ новый періодъ въ исторіи главнымъ образомъ европейскихъ народовъ [1]).

182. Христіанство не было первой по времени религіей, вышедшей за предѣлы національности, въ которой она явилась. За пять вѣковъ до Р. Х. въ Индіи, имѣвшей уже длинную религіозную исторію, возникла новая вѣра, получившая названіе буддизма. Это тоже была отрѣшенная отъ всякой связи съ опредѣленнымъ государствомъ или съ опредѣленной націей проповѣдь милосердія и состраданія ко всему живущему и ко всѣмъ людямъ безъ различія ихъ соціальныхъ положеній, такъ какъ и буддизмъ провозглашалъ равноправность всѣхъ людей. Послѣ періода сильнаго распространенія въ Индіи буддизмъ подвергся въ ней гоненіямъ со стороны послѣдователей старой вѣры, и дѣло кончилось полнымъ его искорененіемъ во всей странѣ. Зато онъ широко распространился внѣ Индіи на громадной территоріи отъ Цейлона и Сіама до сопредѣльныхъ частей Сибири и Монголіи и отъ низовьевъ Волги до Японіи. Число буддистовъ въ точности неизвѣстно, но если мнѣніе, что ихъ цѣлыя сотни милліоновъ, и можно считать преувеличеніемъ, то во всякомъ случаѣ ихъ многіе десятки милліоновъ [2])

183. Третьею міровою религіей является магометанство, которое въ Азіи распространилось во многихъ странахъ, гдѣ уже раньше господствовали христіанство или буддизмъ, а изъ Азіи проникло и въ Африку и даже въ Европу. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ магометанство распространялось на счетъ язычества. Это — самая младшая (послѣ юдаизма и христіанства) монотестическая религія, возникшая среди арабовъ подъ сильнымъ вліяніемъ обѣихъ старшихъ. Она, однако, лишена возвышеннаго нравственнаго идеализма христіанства и отличается меньшею мягкостью, чѣмъ буддизмъ. Съ самаго начала эта религія, извѣстная еще подъ именами ислама и мусульманства, стала распространяться при помощи оружія, — явленіе, знакомое и христіанскому міру, но только въ позднѣйшія времена вар-

---

[1]) Др. И., §§ 349 - 351, 353—354, 357, 359.
[2]) Др. И., § 40.

варства. И опять-таки не такъ, какъ въ христіанствѣ, политическая и религіозная сферы являются въ магометанствѣ принципіально слитыми воедино, т.-е. мусульманскій міръ въ сущности не знаетъ раздѣленія церкви и государства, и самое право магометанскихъ народовъ цѣликомъ основано на религіозномъ началѣ [1]).

184. Разсматривая карту религій въ Старомъ Свѣтѣ, мы увидимъ такое распредѣленіе сплошныхъ территорій, занятыхъ послѣдователями христіанства, ислама и буддизма. Христіане населяютъ сѣверно-западную часть этого материка, т.-е. Европу, и имѣютъ многочисленныхъ представителей во всей Сѣверной Азіи, составляющей сѣверо-восточный уголъ материка, но здѣсь еще очень много язычниковъ (сибирскіе инородцы). Юго-восточный уголъ Стараго Свѣта является территоріей, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточены буддисты, которые, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ живутъ въ перемежку съ представителями другихъ религій (даосизмъ и конфуціанство, двѣ національныя религіи Китая). Что касается до магометанства, то ему принадлежитъ весь юго-западъ Азіи и сѣверъ Африки, гдѣ исламъ и въ настоящее время все болѣе и болѣе подвигается къ югу. Внѣ Стараго Свѣта, въ Америкѣ и въ Австраліи изъ трехъ названныхъ религій лишь одна, именно христіанство, имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей. Столь широкое распространеніе каждой изъ трехъ главныхъ религій современнаго человѣчества среди народовъ, живущихъ въ разныхъ климатахъ, говорящихъ многими языками, стоящихъ на неодинаковой ступени культуры, и долговременное историческое существованіе этихъ религій (буддизма 24 вѣка, христіанства 19 вѣковъ, ислама почти 13 столѣтій) имѣли своимъ слѣдствіемъ образованіе въ каждомъ изъ трехъ міровъ, исповѣдующихъ названныя религіи, мѣстныхъ и національныхъ особенностей, разъединяющихъ и христіанскіе, и магометанскіе народы, равно какъ послѣдователей буддизма на отдѣльныя крупныя вѣроисповѣданія и мелкія секты. Въ буддизмѣ различаются два основныхъ толка—южный и сѣверный буддизмъ, а въ послѣднемъ особое мѣсто принадлежитъ такъ называемому ламаизму, исповѣдуемому, между прочимъ, въ Россіи бурятами, нѣкоторыми тунгусами и калмыками. Вообще это — самая распространенная изъ буддійскихъ сектъ. Въ исламѣ съ самаго же начала произошелъ религіозный расколъ между суннитами и шіитами [2]), и въ большей части магометанскаго міра утвердилось ученіе суннитовъ, а шіитство существуетъ главнымъ образомъ въ Персіи. Кромѣ того, въ исламѣ

---

[1]) И. Ср. вв., §§ 46—54.

[2]) И. Ср. вв., § 51.

различаются еще разныя другія направленія. Вѣроисповѣдное раздѣленіе проникло и въ христіанскій міръ. Несмотря, однако, на внутреннія несогласія, существующія въ этихъ трехъ религіяхъ, каждая изъ нихъ держится извѣстныхъ общихъ основъ, изложенныхъ въ священныхъ книгахъ, и то самое значеніе, которое во всемъ христіанскомъ мірѣ имѣетъ Библія, содержащая въ себѣ божественное откровеніе, въ буддійскомъ мірѣ принадлежитъ Трипитакѣ, своду всего ученія Будды, сдѣланному его учениками [1]), а въ мусульманскомъ — Корану [2]). Кромѣ различій въ національномъ характерѣ и въ степени культуры отдѣльныхъ народовъ, на образованіе разногласій въ дѣлахъ вѣры оказывали большое вліяніе и разныя личныя толкованія основныхъ положеній каждой религіи.

185. Первоначально христіанство въ Римской имперіи принималось только людьми, которые глубоко проникались его возвышеннымъ ученіемъ и подъ его вліяніемъ совершенно перерождались въ духовномъ отношеніи, но когда новая религія сдѣлалась господствующею, массы народа становились христіанами лишь по имени и только съ теченіемъ времени подвергались моральному воздѣйствію христіанства. Изъ Римской имперіи христіанская вѣра стала постепенно распространяться среди народовъ, которые въ культурномъ отношеніи были варварами и, принявъ новое ученіе, долгое время сохраняли еще многіе воззрѣнія и обычаи языческой старины, внося ихъ даже въ свое пониманіе христіанства. Съ IV в. началось обращеніе германскихъ народовъ въ лицѣ готовъ и кончилось лишь къ XII в. съ принятіемъ христіанства шведами. Изъ славянъ ранѣе другихъ стали обращаться въ христіанство сербы (въ VI в.), но настоящая эпоха обращенія народовъ славянскаго племени, это—вторая половина IX и слѣдующіе вѣка. Народы финнскаго и литовскаго происхожденія стали дѣлаться христіанами позднѣе. въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Еще позднѣе христіанство начало проповѣдоваться во вновь открывавшихся европейцами странахъ за океанами и въ Сѣверной Азіи, куда устремились съ XVI в. потоки европейской эмиграціи, причемъ было организовано и миссіонерство среди язычниковъ [3]). Лишь постепенно вообще проникали высшія нравственныя истины христіанства въ міросозерцаніе и нравы полудикихъ народовъ, которые принимали новую религію, и варварство этихъ народовъ отражалось на самомъ ея пониманіи въ тѣхъ теоретическихъ и практическихъ искаженіяхъ, какія вкрадывались въ самоё религіозную

[1]) Др. И., § 43.
[2]) И. ср. вв., § 51.
[3]) И. ср. вв., §§ 2, 4, 8, 26, 64, 70, 128, 131, 132, 190, 192. Карта V. Н. И., §§ 11, 350.

жизнь. Только низкимъ культурнымъ уровнемъ средневѣковой Европы объясняются тѣ печальныя явленія, которымъ въ XIV—XV вв. было присвоено названіе порчи католической церкви въ главѣ и членахъ [1]).

186. Съ другой стороны, весьма рано началось въ христіанскомъ мірѣ и распаденіе религіознаго единства. Въ первые же вѣка своего существованія христіанство организовалось въ единую вселенскую церковь, которая охватила всю Римскую имперію и потомъ на соборахъ опредѣлила свое вѣроученіе. Но уже и тогда христіане существовали на Востокѣ внѣ предѣловъ имперіи, благодаря чему, возникли внѣ вселенской церкви другія христіанскія исповѣданія, каковы армяно-грегоріанское, несторіанское (въ Новоперсидскомъ царствѣ Сассанидовъ) и коптское (въ Абиссиніи), существующія и до сихъ поръ. Далѣе, господство въ восточной половинѣ имперіи греческой культуры, а въ западной — культуры римской и разная судьба обѣихъ половинъ имперіи привели къ раздѣленію вселенской церкви на восточную и западную, между которыми въ серединѣ XI в. совсѣмъ прекратилось религіозное общеніе, и изъ которыхъ каждая имѣла потомъ свою совершенно особенную исторію. Въ этотъ великій религіозный расколъ христіанства были втянуты и новые европейскіе народы, которые приняли свою вѣру или изъ Рима, или изъ Византіи. Въ то время, какъ Востокъ сохранилъ свое религіозное единство, хотя и распадаясь при этомъ на нѣсколько автокефальныхъ церквей, Западъ, въ теченіе многихъ вѣковъ объединенный въ духовную монархію римскихъ первосвященниковъ, въ XVI в. подвергся новому религіозному раздѣленію, и рядомъ съ римскимъ католицизмомъ здѣсь организовались новыя протестантскія церкви—лютеранская и реформатская, отторгшія отъ Рима нѣсколько народовъ, и англиканская, получившая характеръ національно-государственной церкви лишь одной страны. Въ эту же эпоху распаденія религіознаго единства Запада возникла среди православнаго міра особая подчиненная Риму церковь уніатская, сохранившая при этомъ восточный обрядъ [2]).

187. Религіозныя раздѣленія оказывали по временамъ сильное вліяніе на политическую исторію среднихъ вѣковъ и новаго времени. Сюда прежде всего нужно отнести уже упоминавшуюся выше вѣковую борьбу христіанства съ исламомъ, однимъ изъ эпизодовъ которой являются крестовые походы [3]). Во вторыхъ, несогласія происходили и въ самомъ христіанскомъ мірѣ, гдѣ они порождали внутреннія

---

[1]) Др. И., § 359. И ср. вв., §§ 27, 114, 198. Н. И., §§ 39—42.

[2]) Др. И., § 349. И. ср. вв., §§ 2—3, 22, 111—113. Н. И., §§ 48, 51, 76, 110.

[3]) И. ср. вв., §§ 137 и слѣд.

смуты и внѣшнія войны. Ко внутреннимъ смутамъ относятся въ особенности раздоры, вызывавшіеся въ первые вѣка христіанства появленіемъ и развитіемъ такихъ ересей, какъ аріанство въ IV в. или иконоборство въ VIII столѣтіи, а также религіозныя междоусобія, происходившія на Западѣ въ эпоху реформаціи и католической реакціи XVI—XVII вв., сопровождавшіяся и международною борьбою католиковъ съ протестантами. Въ русской исторіи отмѣтимъ, съ одной стороны, расколъ старообрядства въ Московскомъ государствѣ XVII в. и борьбу православнаго населенія съ уніей и католицизмомъ въ Польско-Литовской Рѣчи Посполитой въ ту же самую эпоху. Въ XVI—XVII вв. Западная Европа дѣлилась на два большіе вѣроисповѣдные лагеря, и борьба между ними осложняла международныя отношенія со всѣми ихъ національными и династическими, политиэкономическими причинами и условіями [1]).

188. Одновременно съ этимъ религіозное чувство очень часто сросталось съ національнымъ патріотизмомъ, и принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію отожествлялась съ принадлежностью къ извѣстной народности, разъ ей угрожала какая-либо опасность извнѣ отъ иновѣрцевъ. Борьба за вѣру отцовъ поддерживала національность христіанскихъ народовъ, находившихся подъ мусульманскимъ игомъ, какъ это было, напр., въ Испаніи или на Балканскомъ полуостровѣ. Національное самосознаніе играло большую роль и въ происхожденіи реформаціоннаго движенія у чеховъ въ XV в. и у другихъ народовъ Запада въ XVI столѣтіи, пожелавшихъ освободиться отъ всепоглощающей опеки Рима. Вѣроисповѣдное различіе поддерживало національную отдѣльность поляковъ и русскихъ въ Рѣчи Посполитой и раздѣлило одну изъ славянскихъ народностей на два враждебные народа сербовъ и хорватовъ. Лучшіе люди во всѣ времена напоминали, однако, что эти раздоры и раздѣленія противорѣчатъ христіанскому ученію о любви къ ближнему и о братствѣ всѣхъ людей [2]).

189. Національное начало, какъ начало самостоятельности коллективныхъ личностей, представляемыхъ отдѣльными народностями, само по себѣ не разрушаетъ религіознаго единства, которое, наоборотъ, въ западной церкви было понято именно въ смыслѣ полнаго отрицанія правъ отдѣльныхъ національностей. Въ то время какъ въ восточной церкви утвердился принципъ, въ силу котораго священное писаніе и богослуженіе давались народу на понятномъ ему языкѣ, римская церковь допускала и для того, и для другого лишь одинъ

---

[1]) И. ср. вв., §§ 16, 39, 61, 156. Н. И., §§ 67—68, 71, 96, 100, 102, 105—107, 119—123.

[2]) Н. И., §§ 39, 90, 273.

латинскій языкъ. Съ другой стороны, религіозное единство православнаго Востока мирится съ существованіемъ автокефальныхъ національныхъ церквей, чего не допускаетъ въ принципѣ римскій католицизмъ, хотя и въ немъ обнаруживались аналогичныя стремленія [1]).

190. Взаимныя отношенія церкви и государства складывались въ средніе вѣка и въ новое время различнымъ образомъ. До IV в. христіанская церковь существовала въ языческомъ государствѣ, причемъ это государство преслѣдовало церковь, а церковь протестовала противъ языческаго характера государства, и это приводило къ полному разъединенію политической и религіозной областей. Въ IV в. Римская имперія сдѣлалась христіанской, и церковь получила государственное значеніе, но въ разныхъ половинахъ имперіи взаимныя отношенія государства и церкви сложились различно. Въ то время, какъ въ Византіи свѣтская власть всегда стремилась къ подчиненію себѣ духовной и могла осуществлять свои стремленія, въ католицизмѣ установилось обратное отношеніе, и церковь стала главенствовать надъ государствомъ. Различіе объясняется сохраненіемъ въ Византіи единства и силы государства и, наоборотъ, паденіемъ ихъ на Западѣ въ эпоху варварскихъ королевствъ и феодальнаго раздробленія. По мѣрѣ того, однако, какъ государство стало усиливаться на Западѣ, оно стало стремиться не только къ освобожденію отъ папской опеки, но и къ подчиненію себѣ церкви. Сюда относятся такіе факты, какъ средневѣковая борьба папства и имперіи и вообще духовной и свѣтской власти, подчиненіе церкви государству въ протестантскихъ странахъ со временъ реформаціи, а также попытки, сдѣланныя католическими правительствами эпохи просвѣщеннаго абсолютизма и дѣятелями французской революціи поставить духовенство въ полную зависимость отъ свѣтской власти и т. п. Совсѣмъ новыя отношенія установились въ Сѣверной Америкѣ. Сюда переселялись изъ Англіи гонимые на родинѣ сектанты, принадлежавшіе къ разнымъ толкамъ и стоявшіе на точкѣ зрѣнія полной ихъ свободы, а потому возникшее здѣсь государство (Соединенные Штаты) не могло установить у себя какого-либо господствующаго вѣроисповѣданія. Таково было происхожденіе утвердившагося въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣленія церкви отъ государства [2]).

191. При тѣсномъ союзѣ между политикой и религіей часто возникалъ вопросъ и объ отношеніи государства къ иновѣрцамъ и еретикамъ. Въ средніе вѣка укрѣпился взглядъ, по которому всѣ подданные госу-

---

[1]) И. ср. вв., §§ 153, 205, 207.

[2]) И. ср. вв., §§ 20, 39, 116, 118—122, 153, 157—162, 200, 202. Н. И., §§ 39, 54, 64, 75, 188, 197, 234.

дарства должны быть одной вѣры,—взглядъ, сложившійся еще въ римскую эпоху. Когда на Западѣ началась реформація, то и протестантизмъ усвоилъ себѣ принципъ религіознаго единообразія въ отдѣльныхъ государствахъ (напр., cujus regio, ejus religio). Отсюда насильственное подавленіе ересей и сектъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, но, съ другой стороны, отсюда же и отстаиваніе преслѣдуемыми вѣротерпимости—иногда съ оружіемъ въ рукахъ, какъ это было въ эпоху религіозныхъ войнъ XVI—XVII вв. Вѣротерпимость защищали еще многіе церковные писатели первыхъ вѣковъ, сторонники ея существовали въ эпоху реформаціи и католической реакціи, но особое вліяніе эта идея стала оказывать на законодательство въ XVIII в. въ связи съ уваженіемъ къ свободѣ религіозной совѣсти человѣка [1]).

192. Церковная исторія полна примѣрами внутреннихъ реформъ, требовавшихся внѣдреніемъ въ религіозную жизнь разныхъ непорядковъ. Таковы клюнійское движеніе XI в. и вышедшая изъ него реформа Григорія VII, таковы реформаторскіе планы XIV—XV вв. въ эпоху порчи католической церкви [2]) и т. п., или имѣющее болѣе частный характеръ исправленіе богослужебныхъ книгъ въ Россіи XVII в. и т. п. Внѣшняя организація церкви также измѣнялась съ теченіемъ времени въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ. Наконецъ, въ обществѣ происходили новыя религіозныя движенія, возникавшія на почвѣ личной мысли или коллективной неудовлетворенности даннымъ состояніемъ церкви. Таково было происхожденіе разныхъ ересей и сектъ да и самого реформаціоннаго движенія XVI в

193. Первыя ереси возникли еще до признанія христіанства Римской имперіей, и нѣкоторыя изъ нихъ сложились подъ вліяніемъ религіозныхъ системъ Востока. Таково было, напр., манихейство, являющееся своеобразною смѣсью христіанскихъ и персидскихъ дуалистическихъ воззрѣній (оно возникло въ III в.). Эта ересь изъ Азіи проникла въ Европу, гдѣ въ IX в. породила болгарское богумильство, а въ XII—XIII вв. мы встрѣчаемъ ея видоизмѣненіе въ Южной Франціи, куда она проникла съ Балканскаго полуострова черезъ Сѣверную Италію, и гдѣ она получила названіе альбигойства [3]). Это былъ послѣдній отголосокъ восточнаго религіознаго синкретизма въ Европѣ. Всѣ другія ереси и секты возникали въ ней самой, въ особенности въ эпоху окончательнаго установленія догматовъ на вселенскихъ соборахъ (въ IV—VIII вв.) и въ эпоху религіозной реформаціи на Западѣ (XV—XVII вв.), въ основѣ же ихъ лежали главнымъ

---

[1]) Др. И., § 357. И. ср. вв., 41, 156. См. выше прим. къ §

[2]) И. ср. вв. 115—117, 207. Н. И., §§ 44, 89, 94.

[3]) И. ср. вв., §§ 128, 156.

образомъ или раціоналистическія, или мистическія стремленія. Всѣ ереси, возникавшія въ IV и слѣд. вв. въ Византійской имперіи были большею частью порожденіемъ раціонализма, т.-е. толкованія истинъ вѣры на основаніи личнаго разума. Таково въ особенности было аріанство. Раціоналистическія толкованія возродились въ средніе вѣка въ нѣкоторыхъ направленіяхъ схоластики, но особенно въ XVI—XVIII вв. въ антитринитаризмѣ (особенно у Сервета и Социна) и въ деизмѣ, отожествившемъ себя съ естественной религіей. Отличіе мистическихъ сектъ — вѣра въ новыя откровенія вообще и въ частности во внутреннее откровеніе въ душѣ самого человѣка. Въ средніе вѣка, какъ на примѣръ мистическаго сектантства, можно указать на проповѣдь „вѣчнаго евангелія" (въ XIII в.), въ реформаціонную эпоху мы имѣемъ дѣло съ мистическимъ сектантствомъ среди части гуситовъ (XV в.), но особенно среди анабаптистовъ XVI в. и среди индепендентовъ XVII столѣтія. Иногда раціонализмъ и мистицизмъ шли рука объ руку, и элементы обоихъ мы находимъ и въ протестантизмѣ. И мистицизмъ, и раціонализмъ въ послѣднемъ результатѣ приводили къ религіозному индивидуализму, часто разрушавшему самое понятіе церкви, какъ внѣшней организаціи религіозной жизни [1]).

194. Религіозныя движенія, возникавшія на почвѣ рѣшенія умственныхъ задачъ и нравственныхъ вопросовъ, нерѣдко получали и соціально-политическій характеръ, когда ставили себѣ цѣлью измѣненія въ самомъ общественномъ строѣ. Особенно рельефно связь религіозныхъ движеній съ движеніями политическими и соціальными наблюдается на исторіи Чехіи въ гуситскую эпоху, на реформаціи XVI в., на первой англійской революціи. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что недовольные данными порядками общественной жизни старались оправдать свои стремленія ссылками на религіозный авторитетъ священнаго писанія, воли Божіей, внутреннихъ откровеній и пророчествъ [2]). Съ XVIII в. политическія и соціальныя движенія начали уже становиться подъ знамя идей свѣтской философіи [3]).

195. Въ религіозномъ раціонализмѣ и религіозномъ мистицизмѣ отдѣльный человѣкъ или полагается на свой личный разумъ въ дѣлѣ достиженія истины, или въ личномъ своемъ настроеніи усматриваетъ внутреннее озареніе своей души божественнымъ свѣтомъ. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ самоутвержденіе человѣческой личности. Наоборотъ, въ аскетизмѣ происходитъ ея самоотрицаніе, такъ какъ

---

[1]) И. ср. вв., §§ 16—17, 156, 281, 283, 285. Н. И., §§ 46, 50, 52, 53, 79, 139—141.

[2]) И. ср. вв, § 209. Н. И., §§ 65—66, 139—141.

[3]) Н. И., §§ 171—174, 180—181, 186—187, 219.

въ сущности аскетизмъ есть отказъ отъ радостей жизни, отреченіе отъ своей воли, удрученіе плоти и уничиженіе духа. Впервые аскетизмъ развился въ буддизмѣ, который исходитъ изъ той мысли, что сущность бытія и жизни — страданіе, что цѣль всѣхъ стремленій человѣка—въ нирванѣ, т.-е. въ полномъ исчезновеніи человѣческаго *я*, что единственный путь, ведущій къ нирванѣ, это—самоотверженіе, отказъ отъ всякихъ желаній и отъ всякой даже мысли [1]). Совершенно независимо аскетизмъ получилъ развитіе и у христіанскихъ народовъ, сдѣлавшись даже основою средневѣкового моральнаго міросозерцанія, которое требовало отъ человѣка полнаго отреченія отъ плотской жизни и отъ мірскихъ радостей ради загробнаго спасенія души. Средневѣковые аскеты возводили свои требованія въ нравственный принципъ, часто полагая, что въ этомъ, а не въ любви къ ближнему заключается высшая степень христіанскаго совершенства. Аскетизмъ, отреченіе отъ міра представляетъ собою одну сторону средневѣкового міросозерцанія, которое, съ другой стороны, во имя того же самаго приготовленія людей къ вѣчной жизни требовало господства католической церкви надъ міромъ и дополнялось требованіемъ полнаго подчиненія ей какъ государства, такъ и умственной дѣятельности человѣка. Нигдѣ и никогда свойственное среднимъ вѣкамъ міросозерцаніе не получало такого развитія, какъ на католическомъ Западѣ въ XI—XIII вв. [2]).

196. Первоначальныя религіи съ ихъ миѳологическимъ содержаніемъ составляли все умственное богатство народовъ глубокой древности, и лишь съ теченіемъ времени выдѣлились изъ этой сферы основанная на наблюденіи и опытѣ наука и основанная на разсужденіи философія. Источникъ умственной дѣятельности, породившей науку, былъ двоякій. Съ одной стороны, практическія потребности жизни заставляли присматриваться къ окружающему міру, наблюдать явленія природы, отыскивать наилучшіе пріемы для подчиненія своей власти ея силъ, съ другой—эти же явленія вызывали пытливую мысль на рядъ вопросовъ о томъ, какъ и почему эти явленія происходятъ и что такое вообще они собою представляютъ. Другими словами, однимъ источникомъ научнаго мышленія является удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка, другимъ—то, что можно обозначить, какъ присущую человѣку любознательность. Изъ этихъ двухъ мотивовъ сначала дѣйствовалъ одинъ только первый, и лишь позднѣе получилъ значеніе также и второй.

197. О зарожденіи научныхъ знаній можно говорить уже, раз-

---

[1]) Др. И., § 43.

[2]) Др. И., §§ 361. И. ср. вв., §§ 21, 154, 284.

сматривая культуру народовъ древняго Востока, гдѣ, однако, отдѣльныя науки, съ одной стороны, имѣли главнымъ образомъ практическій характеръ, а съ другой, въ теоретическихъ своихъ объясненіяхъ находились подъ вліяніемъ миѳологіи. Необходимость точнаго опредѣленія длины года и перемѣриванія земли послѣ наводненій заставили египтянъ заняться тѣмъ, что впослѣдствіи получило названіе астрономіи и геометріи. (Напр., въ древнемъ Египтѣ годъ въ 365 дней уже былъ раздѣленъ на двѣнадцать мѣсяцевъ). Въ Ассиро-Вавилоніи также занимались астрономическими наблюденіями, соединяя ихъ, впрочемъ, съ мнимымъ искусствомъ звѣздогаданія (астрологіи), и даже различали среди неподвижныхъ звѣздъ пять планетъ, которымъ даны были имена боговъ. Вмѣстѣ съ солнцемъ и луною имена этихъ пяти планетъ послужили для обозначенія семи дней недѣли, имѣющей свое происхожденіе въ перемѣнахъ фазъ луны. Математическія и астрономическія знанія египтянъ и вавилонянъ перешли къ грекамъ, которые очистили ихъ отъ бывшихъ связанными съ ними суевѣрій и не только продолжали ихъ разработку, но и вообще стали заниматься изученіемъ природы ради простой любознательности, доискиваясь причинъ, производящихъ тѣ или другія явленія, и пытаясь дѣлать тѣ или другіе выводы для объясненія вселенной. Съ VII и VI вв. до Р. Х. въ Греціи можно назвать цѣлый рядъ людей, занимавшихся математикой, астрономіей, географіей, ботаникой, зоологіей, медициной и нерѣдко пытавшихся объяснить всѣ явленія природы изъ одного начала [1]).

198. Эта научная дѣятельность грековъ, направленная на изученіе и объясненіе природы, продолжалась нѣсколько вѣковъ, перемѣняя свои центры (Іонія, Аѳины, Александрія), но оставаясь вѣрною разъ принятому направленію постояннаго наблюденія надъ изучаемыми явленіями ради одного удовлетворенія жажды знанія. IV вѣкъ до Р. Х. уже далъ перваго великаго ученаго и мыслителя въ лицѣ Аристотеля, который, будучи самъ натуралистомъ, примѣнялъ и къ явленіямъ духовной жизни человѣка методъ дѣланія выводовъ на основаніи достаточнаго количества однородныхъ наблюденій. Аристотель создалъ логику и политику, оказавшія громадное вліяніе на все дальнѣйшее научно-философское мышленіе не однихъ грековъ. Послѣ него развитіе положительныхъ знаній пошло, такъ сказать, ускореннымъ темпомъ, и возникли въ такъ называемый александрійскій періодъ греческой образованности новыя научныя дисциплины, каковы механика и физика, математическая географія, анатомія и т. п. Эвклидъ далъ въ III в. до Р. Х. первое систематическое изложеніе

[1]) Др. И., §§ 24, 25, 146, 147.

геометріи, по которому учились потомъ и новые народы, а созданная во II в. по Р. Х. Птолемеемъ система міра господствовала въ наукѣ полторы тысячи лѣтъ до великаго открытія Коперника. Это развитіе положительныхъ знаній вообще продолжалось и въ римскую эпоху, и въ I в. по Р. Х. Плиній Младшій въ своей „Естественной исторіи" далъ громадную энциклопедію естествознанія. Въ общемъ, однако, къ концу древней исторіи эта научная дѣятельность стала ослабѣвать [1]).

199. Параллельно съ развитіемъ науки шло и развитіе философіи въ смыслѣ самостоятельнаго исканія истины при рѣшеніи основныхъ вопросовъ бытія и мышленія, равно какъ и всей жизни человѣка. Философы уже не довольствовались традиціонными отвѣтами на эти вопросы и искали новыхъ отвѣтовъ, обобщая свои наблюденія или полагаясь исключительно на разсужденія своего ума. Первые греческіе философы рѣшали вопросъ о началѣ всѣхъ началъ, которое одни видѣли въ отдѣльныхъ стихіяхъ, другіе — въ матеріи вообще, въ атомахъ, третьи — въ числахъ, въ упорядочивающемъ Разумѣ и т. п., и уже тогда нѣкоторые изъ нихъ ставили вопросъ о томъ, насколько достовѣрны свидѣтельства нашихъ чувствъ и возможно ли вообще познаваніе вещей. Въ такой постановкѣ своихъ вопросовъ философія не могла не сдѣлаться критикой миѳологіи и политеизма, а съ теченіемъ времени не перенести пріемовъ изслѣдующей мысли въ область нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Явилась и стала развиваться мысль о томъ, что многія воззрѣнія и учрежденія, имѣющія обязательную силу, существуютъ не по природѣ вещей, а въ силу человѣческаго установленія, — мысль, которая впослѣдствіи породила идею естественнаго (идеальнаго) права въ противоположность праву положительному, реально существующему. Занятіе отвлеченными вопросами бытія и мышленія, вопросами нравственности и людского общежитія изощряло умъ и ставило новыя проблемы для теоретической и практической морали и политики. Это занятіе приводило часто къ шатанію мысли, къ скептицизму (сомнѣнію), къ однимъ отрицательнымъ взглядамъ (софистика), но это были только переходные моменты, за которыми слѣдовали періоды положительныхъ рѣшеній и болѣе прочныхъ философскихъ направленій, переживавшихъ цѣлыя поколѣнія людей [2]).

200. Доказательствомъ необыкновеннаго богатства и разнообразія греческой философской мысли можетъ служить существованіе въ Греціи цѣлаго ряда отдѣльныхъ направленій философіи или, какъ

---

[1]) Др. И., §§ 208, 213—215, 220—221, 306 и 310.
[2]) Др. И., §§ 147—148, 150—152.

ихъ принято называть, школъ. Таковы въ древнѣйшей греческой философіи („до-сократовской") школы іонійская, элеатская и пиѳагорейская [1]), таковы вышедшія изъ философскаго движенія, возбужденнаго Сократомъ, школы Платона (Академія) и Аристотеля (перипатетики), киренская и киническая, эпикурейская и стоическая [2]), таковы были въ позднѣйшія времена неопиѳагорейцы и неоплатоники [3]), которыми и оканчивается развитіе греческой философіи, охватывающее цѣлое тысячелѣтіе, съ VI в. до Р. Х. до III—V вв. нашей эры. Греки поставили передъ человѣческою мыслью рядъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ она трудится и въ наши дни. Эти вопросы, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Во-первыхъ, это были вопросы философіи природы, стремленіе узнать законы, ею управляющіе, постигнуть міръ, какъ цѣлое,—задача, которую въ настоящее время по частямъ рѣшаютъ естественныя науки. Во-вторыхъ, многіе греческіе философы желали проникнуть въ сокровенную сущность вещей, лежащую въ ихъ основѣ, въ подлинное бытіе, доступное только разуму, отличное отъ міра явленій, какъ мы его познаемъ изъ опыта, и этимъ было положено начало метафизикѣ, т.-е. изслѣдованію основныхъ вопросовъ бытія. Въ третьихъ, въ греческой философіи былъ поднятъ вопросъ о свойствахъ познавательной способности человѣка, объ источникахъ, о достовѣрности и о границахъ нашего знанія, что составляетъ и теперь предметъ особой философской дисциплины—гносеологіи. Въ четвертыхъ, греки создали этику, т.-е. философское ученіе о нравственности, рѣшающее вопросы о высшемъ благѣ и о сущности добродѣтели и о томъ, какъ долженъ поступать человѣкъ въ жизни, чтобы исполнить свое назначеніе. Въ пятыхъ, съ философской точки зрѣнія греческіе мыслители первые начали разсуждать о цѣли государства и законовъ и оказали громадное вліяніе на римскихъ юристовъ, внесшихъ философское пониманіе въ изученіе права. Наконецъ, греческая философія становилась въ весьма различныя отношенія къ религіознымъ вѣрованіямъ своего времени, то ограничиваясь лишь отрицательной критикой миѳологіи или внесеніемъ въ миѳы иносказательнаго смысла, то создавая свои собственныя религіозныя представленія или рѣшая задачу примиренія въ единомъ синтезѣ всѣхъ философскихъ школъ и всѣхъ религій [4]). Философія римлянъ была лишь простымъ заимствованіемъ у грековъ, но только далеко не всѣ направленія греческой философской мысли были представлены въ

[1]) Др. И., § 147.
[2]) Др. И., § 209.
[3]) Др. И., § 345.
[4]) Др И., §§ 147—148, 150, 152, 209, 211—214, 216—248, 345—347.

Римѣ, который самостоятельно создалъ лишь науку права, проникшуюся также философскимъ пониманіемъ своихъ задачъ [1]).

201. Отдѣльные философы и цѣлыя философскія школы Греціи и Рима стояли ближе или къ научному изслѣдованію, или къ поэтическому творчеству, т.-е. или къ даннымъ положительнаго знанія, или къ художественнымъ образамъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Особенно въ этомъ отношеніи характерна разница между двумя величайшими философами древности, вліяніе которыхъ пережило античный міръ и перешло въ средніе вѣка и даже въ новую исторію. Это были философы IV столѣтія Платонъ и Аристотель, истинные родоначальники философскаго идеализма и реализма. Платонъ, самъ поэтъ въ душѣ, создалъ возвышенную философскую систему, въ которой окружающій насъ міръ представлялъ собою лишь несовершенное, искаженное отраженіе другого, подлиннаго міра бытія, міра идей, царства истины, добра и красоты. Позднѣйшіе послѣдователи его системы въ Александріи, такъ называемые неоплатоники, на такой идеалистической основѣ стали строить цѣлое религіозное міросозерцаніе, въ которомъ должны были быть примирены всѣ противоположности греческой философской мысли и всѣ основныя представленія какъ греческаго политеизма, такъ и отдѣльныхъ религій древняго Востока. Предшественникъ неоплатонизма, еврей Филонъ, съ своей стороны, занимался истолкованіемъ книгъ Моисея въ духѣ философіи Платона, этой послѣдней—въ духѣ вѣры своего народа. На неоплатонизмѣ сказалось вліяніе и христіанства, какъ въ свою очередь и многіе церковные писатели первыхъ вѣковъ христіанства пользовались идеями Платона для лучшаго уясненія истинъ новой вѣры [2]). Вообще говоря, древняя философія началась съ философіи природы и кончилась философскою религіей, сложившейся на почвѣ платонизма и предпринявшей идейную переработку отживавшаго язычества.

202. Родоначальники греческой философіи были родоначальниками и греческой науки. Отецъ философіи, Ѳалесъ милетскій, за 585 л. до Р. Х. уже съумѣлъ предсказать затмѣніе солнца; Пиѳагоръ и его школа разрабатывали съ успѣхомъ математику (пиѳагорова таблица, пиѳагорова теорема), но самымъ замѣчательнымъ философомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ былъ Аристотель, о научныхъ трудахъ котораго сказано выше. Онъ принципіально стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что начало всякаго знанія заключается въ изученіи дѣйствительныхъ явленій. Вліяніе Аристотеля на философію продолжалось и послѣ паденія античнаго міра, хотя и въ смыслѣ

---

[1]) Др. И., §§ 308, 347, 342—344.

[2]) Др. И., §§ 211, 345, 346, 355.

усвоенія не его научнаго метода, а нѣкоторыхъ его метафизическихъ идей [1]).

203. Въ области моральной философіи древность, начиная съ III в. до Р. Х. и кончая эпохой утвержденія христіанства, жила идеями Эпикура и Зенона, основателей двухъ школъ, носящихъ одна—имя своего основателя, другая—названіе стоицизма. Обѣ онѣ стояли на той точкѣ зрѣнія, что цѣль жизни заключается въ благополучіи, причемъ обѣ же брали въ расчетъ благополучіе въ чисто индивидуальномъ смыслѣ и только различно рѣшали вопросъ о средствахъ, ведущихъ къ счастью. Именно эпикурейцы выдвигали на первый планъ наслажденіе (въ духовномъ, а позднѣе и въ чувственномъ значеніи), а стоики проповѣдовали идею господства надъ страстями и неразумными влеченіями. Стоицизмъ сдѣлался философіей лучшихъ людей въ римскомъ обществѣ и съ теченіемъ времени проникся альтруистическими чувствами (т.-е. любовью къ ближнему), которыя раньше разсматривались, какъ нѣчто, выводящее человѣка изъ душевнаго равновѣсія, а потому недостойное мудреца. Позднѣйшіе стоики учили о внутреннемъ достоинствѣ человѣческой личности, о прирожденной каждому нравственной свободѣ, о равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Это именно они оказали вліяніе на проникновеніе въ римское право болѣе гуманныхъ идей. Обѣ школы имѣли и свою метафизику, причемъ наибольшимъ реализмомъ отличались взгляды эпикурейцевъ, нашедшіе свое выраженіе въ философской поэмѣ Лукреція Кара „О природѣ вещей“. Въ позднѣйшія времена эпикуреизмъ сдѣлался синонимомъ нравственнаго матеріализма, и полнѣйшую ему противоположность представилъ собою средневѣковой аскетизмъ, который какъ бы только усиливалъ стоическія требованія отъ человѣка. Но стоицизмъ съ эпикуреизмомъ роднило то обстоятельство, что оба они имѣли въ виду земное благополучіе человѣка, тогда какъ аскетизмъ направлялъ людскіе помыслы на загробный міръ. Прибавимъ, что этику, основанную на любви къ ближнему, европейскіе народы получили лишь въ христіанствѣ [2]).

204. Экономическій и политическій упадокъ [3]) Римской имперіи (особенно въ западной половинѣ) сопровождался и упадкомъ культурнымъ. Кромѣ того, съ побѣдою христіанства стало приходить въ упадокъ античное свѣтское образованіе вслѣдствіе своего происхожденія въ языческомъ обществѣ, хотя многіе образованные христіане относились съ уваженіемъ къ философіи и наукѣ древнихъ и стре-

---

[1]) Др. И., §§ 146, 213—214.
[2]) Др. И., §§ 217—218, 308—309, 344, 347, 361.
[3]) Др. И., § 362.

мились примирить все лучшее, что въ нихъ находили, съ христіанствомъ [1]). Начало среднихъ вѣковъ было эпохой все бо̀льшаго и бо̀льшаго паденія древней образованности, все бо̀льшаго и бо̀льшаго погруженія общества (особенно на Западѣ) въ варварство. Одна Византія хранила умственное наслѣдство древности, но въ то же время здѣсь умственная дѣятельность все сильнѣе и сильнѣе стала проявляться въ богословскихъ спорахъ и въ возникновеніи новыхъ и новыхъ ересей. Въ областяхъ естествознанія и философіи духъ изслѣдованія и творчества уступилъ мѣсто простому компиляторству, между тѣмъ какъ лучшія умственныя силы сосредоточивались на служеніи почти исключительно однимъ религіознымъ интересамъ общества. Когда и на Западѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ оживилась умственная дѣятельность, она получила такой же характеръ [2]).

205. Самымъ характернымъ явленіемъ средневѣковой умственной жизни была такъ называемая схоластика, которую мы одинаково находимъ и въ Византіи, и у арабовъ, и на Западѣ, но которая какъ-разъ именно на Западѣ и получила наиболѣе сильное развитіе. Основная черта схоластики, это—стремленіе подкрѣплять и объяснять догматы вѣры соображеніями отъ разума, для чего и оказывалось нужнымъ обращаться къ ученіямъ философовъ (которыя, впрочемъ, схоластики знали мало и понимали большею частью своеобразно). Нерѣдко въ схоластическихъ словопреніяхъ на крайне отвлеченныя темы пробивалась свободная мысль, но ее торопились какъ можно скорѣе поставить въ традиціонныя рамки. Философія должна была быть прислужницей богословія, и въ ней самой устанавливались непререкаемые авторитеты. Любопытно, что съ главнымъ своимъ авторитетомъ, Аристотелемъ, западные схоластики знакомились въ латинскихъ переводахъ, сдѣланныхъ съ арабскаго, и съ толкованіями арабскаго же происхожденія. Хотя католическая церковь взяла схоластику подъ свою опеку, тѣмъ не менѣе въ этой философіи появлялись такія направленія, которыя подвергались осужденію и запрещенію: раціонализмъ все-таки проникалъ въ умственную дѣятельность представителей схоластики (отчасти подъ вліяніемъ раціонализма арабскаго). Схоластики сильно содѣйствовали развитію формальной стороны мышленія, т.-е. тонкости въ опредѣленіи и различеніи понятій и строгой послѣдовательности разсужденій, но содержаніе этой философіи было очень далеко отъ дѣйствительности и отъ жизни человѣка [3]).

206. При умственномъ настроеніи, создавшемъ схоластику, природой и ея изученіемъ не могли много интересоваться, и положи-

---

[1]) Др. И., § 360. И. ср. вв., § 18.

[2]) И. ср. вв., §§ 27, 155, 261—263, 268, 276—280, 286.

[3]) И. ср. вв., §§ 262, 273, 281—283.

тельныя науки пришли въ полное забвеніе какъ въ Византіи такъ и на Западѣ. Можно даже сказать, что въ этой области произошелъ настоящій регрессъ. Только арабы въ періодъ своего культурнаго процвѣтанія очень много сдѣлали для математики и естествознанія: вспомнимъ только введеніе теперешнихъ цифръ въ ариѳметику, основаніе алгебры, первые шаги химіи (хотя и въ формѣ алхиміи) и т. п. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда арабскіе ученые ставили себѣ фантастическія задачи (въ алхиміи), они охотнѣе всего прибѣгали для ихъ рѣшенія все-таки къ опыту и наблюденію [1]).

207. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ византійская и арабская культуры стояли неизмѣримо выше западной, но къ концу этой эпохи, когда въ мусульманскомъ мірѣ стали господствовать турки, которые въ серединѣ XV в. завоевали и Византію, умственная дѣятельность на всемъ Востокѣ заглохла, тогда какъ Западъ началъ перерастать средневѣковое схоластическое и аскетическое міросозерцаніе и обратился къ изученію отчасти позабытой, отчасти непонятной всѣмъ среднимъ вѣкамъ духовной культуры классическихъ народовъ. Новая исторія на Западѣ открывается въ XIV—XV вв. эпохой „возрожденія наукъ и искусствъ“, эпохой свѣтскаго гуманизма. Античная образованность продолжала всегда понемногу питать умственную жизнь средневѣковья, и вся, напр., арабская наука развилась изъ греческихъ корней, но настоящее широкое вліяніе стала оказывать философія и наука древнихъ на умственную дѣятельность лишь съ эпохи классическаго возрожденія, или ренессанса [2]).

208. Въ составъ духовнаго наслѣдства, оставленнаго древнимъ міромъ, входило въ средніе вѣка и правовѣдѣніе. Въ VI в. въ Византіи завершился при Юстиніанѣ многовѣковой процессъ развитія римскаго права, и на его основахъ выросло все послѣдующее развитіе права византійскаго, въ свою очередь повліявшаго на внутреннія отношенія славянъ православнаго вѣроисповѣданія. До возрожденія ученаго правовѣдѣнія въ Западной Европѣ, что произошло лишь въ эпоху крестовыхъ походовъ, Византія оставалась единственной хранительницей традицій римской юриспруденціи, но именно съ конца XI и особенно съ XII в. началось изученіе римскаго права въ высшихъ школахъ сначала Италіи, потомъ Франціи, Германіи (много позднѣе) и т. д., что содѣйствовало и начавшейся затѣмъ рецепціи римскаго права на Западѣ, т.-е. принятію его принциповъ и нормъ въ самую жизнь отдѣльныхъ народовъ. Но и это изученіе римскаго права имѣло сначала чисто схоластическій характеръ; это

---

[1]) И. ср. вв., §§ 263, 272, 274, 286.

[2]) И. ср. вв., §§ 270, 271, 277, 295.

даже оттолкнуло отъ юриспруденціи родоначальниковъ новаго умственнаго движенія, начавшагося въ XIV столѣтіи [1]).

209. Новое время въ умственной исторіи Западной Европы открывается гуманистическимъ движеніемъ, выдвигавшимъ на первый планъ интересъ къ человѣку и ко всему человѣческому съ чисто человѣческой точки зрѣнія (въ противоположность къ занятію почти однимъ лишь божественнымъ въ средніе вѣка). Ученые этого новаго настроенія, родоначальники всего литературнаго, научнаго и философскаго движенія новаго времени, образовали первую свѣтскую интеллигенцію со временъ паденія античной цивилизаціи и стремились найти опору для своихъ новыхъ мыслей и оружіе для борьбы съ средневѣковыми схоластическими и аскетическими воззрѣніями въ духовномъ наслѣдіи классической древности, въ литературѣ, наукѣ и философіи грековъ и римлянъ. Это классическое возрожденіе, бывшее секуляризаціей духовной культуры европейскихъ народовъ, началось въ Италіи, откуда распространилось и въ другія земли Запада. Гуманисты занимались изученіемъ языка и литературы, исторіи и философіи, искусства и всего быта древнихъ, но естествознаніе еще не входило въ кругъ ихъ занятій, да и въ философіи они являлись лишь послѣдователями древнихъ ученій стоиковъ и эпикурейцевъ, Платона и Аристотеля: время положительныхъ наукъ и самостоятельной философіи пришло позднѣе. Великъ былъ умственный переворотъ, произведенный гуманизмомъ, но когда на Западѣ началась въ XVI в. религіозная реформація, она направила умы на рѣшеніе вопросовъ богословскихъ, и гуманистическое движеніе на время заглохло, особенно въ эпоху католической реакціи и религіозныхъ войнъ. Но какъ-разъ въ эту же самую эпоху начинается развитіе новаго естествознанія и новой философіи [2]).

210. Съ гуманистическимъ движеніемъ совпали по времени великія географическія открытія португальцевъ и испанцевъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. Начало географическимъ знаніямъ положила еще древность, и въ средніе вѣка они все болѣе и болѣе расширялись [3]), но никогда географическія открытія не имѣли такого громаднаго значенія для науки, какъ открытіе Америки и морского пути въ Индію, сдѣлавшее возможнымъ первое кругосвѣтное путешествіе, которое съ очевидностью доказало шарообразность земли [4]). Гуманизмъ и великія открытія XV—XVI вв. оживили духъ научнаго изслѣдованія, и вотъ съ XVI в. начинается развитіе новой европейской

---

[1]) И. ср. вв., §§ 43, 66, 123, 265, 269, 287.

[2]) Н. И., §§ 16—24, 28—32, 53.

[3]) Др. И., §§ 24, 146, 220. И. ср. вв., §§ 264, 274.

[4]) Н. И., §§ 7—10.

науки. Коперникъ создаетъ первую вполнѣ научную теорію нашей планетной системы, Кеплеръ и Галилей въ слѣдующемъ вѣкѣ открываютъ законы движенія небесныхъ тѣлъ, а за ними Ньютонъ устанавливаетъ принципъ всемірнаго тяготѣнія. Благодаря Галилею, обновляются механика и физика, а Парацельсъ кладетъ начало химіи, въ то время, какъ Везалій и Серветъ подготовляютъ будущіе успѣхи анатоміи и физіологіи, къ числу которыхъ нужно отнести въ XVII в. открытіе Гарвеемъ кровеобращенія. Въ XVII же вѣкѣ кладутся первыя основанія для всего послѣдующаго развитія высшей математики въ трудахъ Декарта, Ньютона и Лейбница. Научному пониманію явленій природы такимъ образомъ въ XVI—XVII вв. было дано прочное начало, и скоро въ области положительныхъ знаній новая Европа не только догнала, но и опередила древнихъ. Это отразилось и на успѣхахъ всей нашей техники, особенно съ конца XVIII вѣка [1]).

211. Въ XVII же столѣтіи философская мысль на Западѣ эмансипировалась отъ исключительнаго вліянія великихъ системъ классической древности и отъ схоластическихъ преданій средневѣковья, возродившихся въ эпоху реформаціи, но съ самаго же начала теченіе новой философіи раздѣлилось на два русла. Въ началѣ XVII столѣтія англичанинъ Бэконъ положилъ начало эмпирическому направленію философіи, основывающемуся на опытномъ изученіи дѣйствительности, а въ серединѣ того же вѣка французъ Декартъ основалъ направленіе умозрительное, видящее источникъ знанія не въ опытѣ, а въ разумѣ. Интересно, что образцомъ для умозрительныхъ философскихъ построеній XVII в. послужила математика, исходящая изъ немногихъ основныхъ положеній и извлекающая изъ нихъ путемъ разсужденій все свое содержаніе, безъ помощи опыта и наблюденія. Въ этомъ направленіи зародился и развился раціонализмъ XVIII в. который былъ примѣненіемъ общей мѣрки идей разума къ вопросамъ религіи, морали и политики и къ критикѣ тогдашнихъ общественныхъ порядковъ. Такъ называемое „просвѣщеніе“ XVIII в. было лишь видоизмѣненнымъ продолженіемъ гуманизма, потому что также отличалось чисто свѣтскимъ характеромъ и интересомъ ко всему человѣческому, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдью естественныхъ правъ личности. Публицисты XVIII в. проповѣдовали вообще принципы свободы и равенства и необходимость преобразованій въ правѣ, въ государствѣ и т. п. Къ ихъ голосу прислушивались государи и министры второй половины XVIII в., и подъ вліяніемъ ихъ идей самъ абсолютизмъ становился просвѣщеннымъ [2]).

[1]) Н. И., §§ 36, 171, 348.
[2]) Н. И., §§ 37, 171—181, 186—188, 190, 194, 197.

212. Новая философія обратилась очень рано къ разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся государственной жизни. Изслѣдующая эту жизнь наука, т.-е. политика, была основана еще древними къ лицѣ преимущественно Аристотеля, и тогда же появилась первая политическая утопія, принадлежащая Платону. Кромѣ того, о государствѣ писалъ и Цицеронъ. Средніе вѣка имѣли также свою политическую литературу, которая начинается съ трактата бл. Августина „О государствѣ Божіемъ", заключающаго въ себѣ первое указаніе на будущую католическую идею о господствѣ церкви надъ государствомъ. Борьба папства и имперіи сопровождалась полемикой, въ которой, однако, уже отстаивалась независимость свѣтской власти [1]). На эту уже точку зрѣнія стали и гуманисты, положившіе начало свѣтской политической наукѣ новаго времени—главнымъ образомъ въ лицѣ Макіавелли, жившаго въ XVI в. Его „Государь" сдѣлался настольною книгою тогдашнихъ государственныхъ людей, стремившихся къ абсолютизму, и въ ту же эпоху Томасъ Моръ, подъ вліяніемъ знакомства съ Платономъ, написалъ свою „Утопію". Борьба сословій съ государями въ эпоху религіозныхъ войнъ породила цѣлую протестантскую литературу, которая защищала политическую свободу, ссылаясь преимущественно на богословскіе аргументы, и провозглашала принципъ народовластія (усвоенный отчасти и іезуитами) въ то время, какъ другіе писатели учили о божественномъ происхожденіи королевской власти. Съ прекращеніемъ религіознаго движенія, вызваннаго реформаціей, политическая литература снова приняла свѣтскій характеръ, и съ XVII в. утвердилось ученіе о томъ, что люди сначала жили въ естественномъ состояніи, а потомъ путемъ договора между собою создали государство. Отсюда дѣлались разные практическіе выводы, ибо при этомъ имѣлось въ виду государство, какимъ его желали видѣть, а не то, какое существуетъ въ дѣйствительности; въ XVIII в. главнымъ образомъ только Монтескье ставилъ политической наукѣ задачею изученіе дѣйствительныхъ государствъ [2]).

213. Всѣ общественныя движенія реформаціонной эпохи шли подъ знаменемъ идей религіознаго характера, но въ XVIII в. ихъ мѣсто заступили идеи философскія. Въ изученіи государственной науки мы тоже наблюдаемъ существованіе двухъ направленій: эмпирическаго (историческаго) и раціоналистическаго. Въ XVIII в. это—противоположность между Монтескье и Руссо. XIX столѣтіе нанесло ударъ раціонализму, выдвинувъ на первый планъ историческое изученіе [3]).

---

[1]) Др. И., §§ 212, 215, 308, 360, И. ср. вв., §§ 19, 116, 288.

[2]) Н. И., §§ 24, 29, 131, 141, 173, 176, 177.

[3]) Н. И., § 276.

214. XVIII вѣку принадлежитъ также созданіе новой науки, извѣстной подъ названіемъ политической экономіи. Если политика изучаетъ государство, а юриспруденція—право, то предметомъ политической экономіи является народное хозяйство. Французскіе экономисты, извѣстные подъ именемъ физіократовъ, первые высказали ту мысль, что явленія хозяйственной жизни народовъ подчинены дѣйствію естественныхъ законовъ, какъ и природа. Настоящимъ основателемъ современной экономической науки былъ, впрочемъ, англичанинъ Адамъ Смитъ во второй половинѣ XVIII в., создавшій основныя ея понятія [1]). Въ серединѣ XIX в. мысль о закономѣрности общественныхъ явленій была обобщена, и возникла положительная наука объ обществѣ (соціологія), родоначальникъ которой, французскій мыслитель Контъ, считаетъ своими предшественниками и Аристотеля, и Монтескье. Этотъ научный прогрессъ захватилъ въ свое послѣдовательное движеніе къ лучшему знанію и пониманію дѣйствительности и историческую науку. XIX вѣку принадлежитъ заслуга выработки идеи развитія (эволюціи), которая лежитъ въ самой основѣ исторической науки, какъ теперь понимается задача послѣдней.

215. Первыя историческія представленія у всѣхъ народовъ имѣютъ характеръ преданій, очень часто представляющихъ собою простыя поэтическія или миѳологическія сказанія. Если онѣ и интересуютъ современнаго историка, то не въ качествѣ свидѣтельствъ о томъ, что́ было, а въ качествѣ простого содержанія мысли давно исчезнувшихъ поколѣній. Такой характеръ, между прочимъ, имѣютъ всѣ сказанія о древнѣйшей исторіи Греціи и Рима, когда-то принимавшіяся за достовѣрныя извѣстія о томъ, что́ было на самомъ дѣлѣ [2]). Достовѣрная исторія начинается только съ записи современниками событій, свидѣтелями которыхъ они были или о которыхъ слышали отъ очевидцевъ. Такія записи въ видѣ надписей на памятникахъ или въ формѣ лѣтописей и т. п. существовали, напр., у народовъ древняго Востока, равно какъ и у грековъ еще до начала персидскихъ войнъ, когда уже были такъ называемые логографы [3]). Вообще лѣтописная литература составляетъ самую раннюю ступень въ исторіографіи каждаго народа. Существовала она и у римлянъ, а когда на сцену явились новые народы, то и у нихъ стала развиваться литература лѣтописей [4]).

216. Начало исторіи въ собственномъ смыслѣ было положено греками, и отцомъ исторіи считается Геродотъ, который, однако, еще вѣ-

---

[1]) Н. И., §§ 179.
[2]) Др. И., §§ 14.
[3]) Др. И., §§ 24, 27, 49, 157.
[4]) Др. И., § 239. И. ср. вв. §§ 264 и 289.

ритъ въ разные слышанные имъ баснословные разсказы, раздѣляетъ суевѣрія народной массы и объясняетъ историческія событія вмѣшательствомъ боговъ въ дѣла людей. Критическое отношеніе къ чужимъ свидѣтельствамъ, сознательное стремленіе избѣгать баснословія, желаніе выводить событія лишь изъ дѣятельности самихъ людей въ зависимости отъ ихъ характеровъ и положеній, постоянное связываніе событій, какъ причинъ и слѣдствій въ общемъ ихъ движеніи, впервые появляются у Ѳукидида подъ вліяніемъ научнаго и философскаго образованія его эпохи: Ѳукидидъ достигъ сразу одной изъ высшихъ ступеней античной исторіографіи. Послѣ него Аристотель въ своихъ трактатахъ далъ образцы историческаго и сравнительно-историческаго изображенія политическихъ учрежденій. Вообще главнымъ предметомъ исторіи сдѣлались дѣла государственныя, хотя уже Геродотъ внесъ въ свой трудъ и чисто культурныя описанія. Греческая исторіографія послужила образцомъ для двухъ восточныхъ жрецовъ эллинистической эпохи, которые, однако, не доросли до критицизма грековъ. Въ римскую эпоху греческій историкъ Полибій уже сознательно поставилъ своею задачею изображеніе въ одномъ трудѣ взаимодѣйствія исторій отдѣльныхъ странъ, которыя такъ переплелись между собою въ его время: это было внесеніемъ въ повѣствованіе всемірно-исторической точки зрѣнія. Ѳукидидъ, Аристотель, Полибій, были учеными изслѣдователями, Плутархъ—больше моралистомъ при помощи біографій, а въ научномъ смыслѣ онъ дѣлалъ шагъ назадъ [1]). Римская исторіографія пошла по стопамъ греческой и тоже не всегда имѣла научный характеръ. Напр., Титъ Ливій далеко не былъ ученымъ изслѣдователемъ и больше старался о риторическомъ прославленіи древне-римской доблести въ назиданіе испорченному потомству. Только Тацитъ поднимается до высшей ступени, на которую становилась античная исторіографія [2]). Въ послѣднія времена Римской имперіи исторіографія находилась въ упадкѣ, и здѣсь можетъ быть только отмѣченъ трудъ бл. Августина „О государствѣ Божіемъ", въ которомъ сдѣлана первая попытка освѣтить всю исторію человѣчества съ одной, въ данномъ случаѣ религіозной точки зрѣнія [3]). Средневѣковая исторіографія, бывшая большею частью возвращеніемъ къ лѣтописи, не внесла въ развитіе науки ничего новаго, кромѣ фактическаго матеріала [4]).

217. Настоящія традиціи античной исторіографіи возобновили въ ученой литературѣ лишь итальянскіе гуманисты. Гуманизмъ былъ

[1]) Др. И., §§ 158, 159, 215, 222. 306.
[2]) Др. И., § 307.
[3]) Др. И., § 360. И. ср. вв., § 19.
[4]) И. ср. вв., §§ 264, 274 и 289.

проникнутъ глубокимъ научнымъ интересомъ къ исторіи классическихъ народовъ, и дѣятели этого умственнаго движенія учились у древнихъ историковъ ихъ искусству бытописанія. Въ XV в. Лаврентій Валла выступилъ съ настоящими пріемами научной исторической критики, чтобы доказать подложность знаменитаго Константинова дара, въ подлинность котораго въ его время вѣрили. Макіавелли въ XVI в. прославился своей исторіей Флоренціи и разсужденіями о первыхъ десяти книгахъ Тита Ливія, въ которыхъ выступаетъ въ качествѣ политическаго мыслителя, анализирующаго прошлое. Въ эпоху просвѣщенія Вольтеръ поставилъ задачу культурной исторіи своимъ „Опытомъ о духѣ и нравахъ народовъ", а Монтескье въ своихъ трудахъ явился историкомъ-мыслителемъ и политикомъ-историкомъ, искавшимъ объясненія отдѣльныхъ событій и общаго хода исторіи изъ общихъ причинъ, а объясненія законовъ и учрежденій разныхъ странъ — въ разныхъ условіяхъ ихъ исторіи (климатѣ, народномъ характерѣ, духѣ религіи и т. п.). Равнымъ образомъ онъ старался обосновать политику на исторіи. Тогда же, т.-е. въ XVIII в. впервые формулирована была мысль о совершающемся въ исторіи прогрессѣ, и было тѣмъ самымъ положено начало философіи исторіи. При этомъ прогрессъ былъ понятъ отдѣльными писателями и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ гражданскомъ смыслѣ [1]. Но настоящее развитіе научной исторіи принадлежитъ только XIX в.

218. Литература, какъ и всѣ другія общественныя явленія, также подчинена закону эволюціи. Теперь оставлена мысль о томъ, будто въ этой области существовалъ всегда такой порядокъ: сначала эпосъ, потомъ лирика и наконецъ драма (что, повидимому, оправдывалось развитіемъ греческой поэзіи). Теперь думаютъ, наоборотъ что эпическіе, лирическіе и драматическіе элементы заключены въ самой первобытной поэзіи. Можно установить, какъ общее правило, что раньше всего литературной обработкѣ, кромѣ темъ религіозныхъ, подвергаются миѳы о богахъ, сказанія о герояхъ, преданія о родной старинѣ, и лишь съ теченіемъ времени и съ развитіемъ общественнаго интереса развивается въ литературѣ изображеніе современной жизни, и такимъ образомъ литература становится зеркаломъ, отражающимъ дѣйствительность. Въ иныхъ случаяхъ литература даже прямо служитъ злобамъ дня и воздѣйствію на жизнь. Любопытно, далѣе, что сюжеты, возникшіе въ литературѣ одного народа, переходятъ къ другимъ народамъ: это даже даетъ возможность прослѣдить исторію однихъ и тѣхъ же повѣствованій черезъ цѣлые вѣка. Сначала вся словесность была устною и являлась скорѣе произведеніемъ

---

[1]) Н. И., §§ 22, 24, 175, 176, 179, 181.

коллективнаго творчества національныхъ поэтовъ въ родѣ греческихъ рапсодовъ или средневѣковыхъ труверовъ, но съ общимъ культурнымъ развитіемъ все сильнѣе и сильнѣе развивается личное творчество, великіе образцы котораго мы находимъ уже въ древней Греціи (хотя, съ другой стороны, развивается по временамъ и подражательность). Наконецъ, литература нерѣдко принимаетъ классовой характеръ (напр., рыцарская поэзія и городская въ средніе вѣка) или дѣлается придворною, какъ это было при греческихъ тираннахъ или въ эпоху итальянскихъ князей конца среднихъ вѣковъ, въ вѣкъ Людовика XIV и т. п. [1]).

219. Начало всему литературному развитію въ Европѣ положили греки, подъ вліяніемъ которыхъ развилась и вся римская литература. Новые европейскіе народы, примкнувъ къ греко-римскому міру, усвоили кое-что изъ литературнаго наслѣдія классическихъ народовъ, но къ нему присоединилось еще христіанское вліяніе, которое внесло въ литературу среднихъ вѣковъ и библейскіе сюжеты, не говоря уже о томъ, что и у всѣхъ новыхъ народовъ была еще собственная поэзія. Церковь первыхъ вѣковъ создала цѣлую особую литературу, оказавшую громадное вліяніе на всю послѣдующую духовную жизнь, но рядомъ продолжала въ средніе вѣка влачить существованіе и свѣтская литература на греческомъ и латинскомъ языкахъ большею частью школьнаго характера. Новые народы воспитывались подъ этими вліяніями, но у нихъ были и собственныя національныя преданія и сказанія, получавшія коллективную обработку въ устной словесности, пока не развилась и письменная поэзія на народныхъ языкахъ [2]).

220. Въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ произошло возрожденіе въ обществѣ интереса къ литературѣ древнихъ, и гуманисты явились проводниками классическихъ вліяній въ литературу всѣхъ западноевропейскихъ народовъ. Возникло даже особое классическое или ложно-классическое, какъ его иначе называютъ, направленіе литературы, которое особенно господствовало въ XVII и XVIII вв., когда литература была по преимуществу придворной и салонной. Ложноклассицизмъ господствовалъ во Франціи (и въ другихъ странахъ) въ эпоху „просвѣщенія", и классическія же воспоминанія съ особою силою отразились какъ на французской оппозиціонной литературѣ XVIII в., такъ и на революціи. Но уже въ томъ же столѣтіи началась реакція (въ Германіи) противъ ложно-классицизма, которая въ началѣ XIX в.

---

[1]) Др. И., §§ 67, 69, 75, 77, 78, 143—145, 153—156, 221, 305—306, 308—309. И. ср. вв., 290—295. Н. И., §§ 16—17, 132, 154, 158, 174—177, 181.

[2]) Др. И., §§ 305, 360. И. ср. вв., §§ 18, 27, 266, 269, 277, 290—292, 295.

породила романтизмъ, бывшій возвращеніемъ къ средневѣковой, національной старинѣ [1]), хотя этимъ и не исчерпывается еще все историческое значеніе романтизма. Литературный споръ между классиками и романтиками наполняетъ собою цѣлыя десятилѣтія первой половины XIX в. Побѣда была на сторонѣ романтизма, но онъ самъ былъ побѣжденъ современнымъ реализмомъ, ставящимъ себѣ задачею главнымъ образомъ вѣрное изображеніе и пониманіе современной дѣйствительности.

221. На поприщѣ литературной, научной и философской дѣятельности нѣкоторые отдѣльные писатели, ученые и мыслители стяжали себѣ неувядаемую славу во всемірной исторіи, какъ люди, [illegible]шіе недосягаемые по своему совершенству образцы поэзіи или [illegible]ч открытіями въ области наукъ и своими философскими м[illegible]сля[illegible] оказавшіе особое вліяніе на духовное развитіе человѣчества [illegible]ѣ которыя произведенія всемірной литературы, пережившія [illegible]ы вѣка, переводятся, читаются, внимательно изучаются и тепер[illegible] [illegible]статочно сослаться на такія имена, какъ Гомеръ, Софоклъ, Ар[illegible]фанъ, Плутархъ, Тацитъ, Данте, Боккачіо, Шекспиръ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ и т. п.

222. Отмѣтимъ въ заключеніе эстетическую эволюцію, выражающуюся въ развитіи художествъ—архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, которыя носятъ на себѣ національныя черты духовной физіономіи разныхъ народовъ. Совершенствуется и художественная техника, развиваются и идеалы искусства, зависящіе вообще отъ высоты духовной культуры народа. И здѣсь греки являются родоначальниками всего художественнаго развитія Европы, сами будучи, однако, учениками древняго Востока. Римское искусство было сколкомъ съ греческаго, а все средневѣковое съ присущими ему своеобразными чертами развилось изъ формъ, завѣщанныхъ древностью. Въ эпоху возрожденія античное искусство снова стало оказывать непосредственное вліяніе на творчество художниковъ, отражавшее на себѣ, конечно, и другія вліянія жизни [3]). Какъ поэзія, такъ и два другія изобразительныя искусства (живопись и скульптура) вообще носятъ отпечатокъ тѣхъ представленій о мірѣ и человѣкѣ, какія господствуютъ въ обществѣ,—и заключаютъ въ себѣ его сокровен-

---

[1]) Н. И., §§ 16—22, 28—30, 32—33, 132, 154, 174, 181, 275.

[2]) Въ приложеніяхъ къ учебнымъ книгамъ даются перечни болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей духовной культуры.

[3]) Др. И., §§ 24, 28, 136, 142—143, 312. И. ср. вв., §§ 267, 275, 296. Н. И., §§ 27.

ныя думы. И искусство бываетъ религіознымъ или свѣтскимъ, идеалистичнымъ или реалистичнымъ, возвышеннымъ или низменнымъ, идейнымъ или безъидейнымъ—въ зависимости отъ данной среды и отъ переживаемаго обществомъ момента.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Указанія на историческія пособія съ обобщающимъ характеромъ.

II. Объясненіе нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ текстѣ терминовъ.

III. Карты съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ.

I. УКАЗАНІЯ НА ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ СЪ ОБОБЩАЮЩИМЪ ХАРАКТЕРОМЪ.

Признавая важность историческихъ пособій съ обобщающимъ характеромъ, которыя могли бы быть даны въ руки старшимъ ученикамъ послѣ того, какъ ими усвоенъ обыкновенный школьный учебникъ всеобщей исторіи, я считаю нелишнимъ дать здѣсь нѣсколько такихъ указаній, а также отмѣтить и нѣкоторыя свои книжки, которыя, по моему мнѣнію, могли бы служить дополненіемъ къ настоящему изданію.

Гизо. Исторія цивилизаціи въ Европѣ.

Знаменитое сочиненіе Гизо можетъ и теперь рекомендоваться, какъ обобщенное представленіе хода историческаго развитія на Западѣ отъ паденія Римской имперіи до XVII в. Конечно, кое-что въ этой книгѣ устарѣло, да и написана она была не съ педагогическими цѣлями, но научныя ея достоинства таковы, что она можетъ быть прочитана только съ пользою каждымъ ученикомъ, болѣе или менѣе толково усвоившимъ школьный учебникъ.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. М. 1898. (192 стр.).

Эта маленькая книжка образовалась изъ лекцій, читанныхъ Ранке баварскому королю Максимиліану II въ 1854 г. Собственно говоря, авторъ начинаетъ свой обзоръ съ Римской имперіи и доводитъ его до французской революціи. На первомъ планѣ политическая исторія.

Э. Фриманъ. Общій очеркъ исторіи Европы. Спб. 1880. (242 стр.).

Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ переводчикъ ея, Я. Г. Гуревичъ, мотивируетъ «отсутствіемъ въ нашей учебной литературѣ такого пособія, которое давало бы возможность ученикамъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній связать въ одно цѣлое и обобщить, не теряясь въ массѣ подробностей, разрозненныя историческія свѣдѣнія, почерпаемыя изъ руководствъ». Цѣлью, которую поставилъ себѣ самъ авторъ, дѣйствительно, было «прослѣдить общее отношеніе различныхъ періодовъ и различныхъ странъ

другъ къ другу, не входя въ мелочныя подробности событій какой-нибудь одной страны». Первая глава этой книги посвящена вопросу о происхожденіи европейскихъ народовъ, вторая — древней Греціи, слѣдующія три главы — Риму и началу германскихъ государствъ, шестая — Византіи. исламу и монархіи Карла Великаго; средневѣковая исторія изложена въ главахъ VII—XII, причемъ одна изъ этихъ главъ (X) заключаетъ въ себѣ общій взглядъ на средніе вѣка, а новая — въ главахъ XIII—XVII, которымъ даны такія названія: могущество Испаніи, могущество Франціи, возвышеніе Россіи, французская революція, объединеніе Германіи и Италіи, хотя, собственно говоря, содержаніе шире этихъ заголовковъ. Впрочемъ, основу книги составляютъ изложеніе событій, а не развитіе культурно-соціальныхъ формъ.

Э. Лависсъ. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М. 1891. (91 стр.).

Мысль о составленіи этой книжки пришла автору въ голову послѣ того, какъ онъ написалъ предисловіе къ французскому переводу книги Фримана. Свое предпріятіе дать общій взглядъ на политическую исторію Европы авторъ оправдываетъ тѣмъ, что если подробности исторіи часто вызываютъ сомнѣнія, то этого уже нельзя сказать о ея крупныхъ фактахъ: общее въ исторіи достовѣрнѣе частностей, и далекіе горизонты въ ней часто болѣе ясны, чѣмъ первый планъ. Рѣшительныя событія, имѣющія всемірно-историческое значеніе (ceux qu'on peut appeler d'histoire universelle), рѣдки и легче поддаются научному опредѣленію. Цѣль автора обозрѣть трехтысячелѣтнюю исторію Европы, чтобы объяснить, *какъ* она совершалась, не входя въ разсмотрѣніе того, *почему* она именно такъ, а не иначе совершалась. Содержаніе книжки: древность, переходъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ, средніе вѣка, новое время и нашъ вѣкъ, т.-е. дѣйствительно вся исторія Европы.

М. Коваленскій. Очеркъ всеобщей и русской исторіи. М. 1902. (223 стр.).

О задачѣ, которую себѣ поставилъ авторъ, мы уже сказали въ предисловіи къ настоящей книжкѣ (см. выше, стр. XIII). Приводимъ здѣсь только оглавленіе этого общаго повторительнаго очерка.

1. Востокъ.—2. Греція.—3 и 4. Римъ.—5. Германскіе и романскіе народы.—6. Феодализмъ.—7. Города.—8. Церковь.—9. Византія.—10. Славяне.—11. Русское государство.—12. Мусульманскій востокъ.—13. Крестовые походы.—14. Новые порядки въ Западной Европѣ.—15. Возрожденіе.—16. Реформація.—17. Новая образованность.—18. Денежное хозяйство.—19. Старый порядокъ.—20. Представительное правленіе въ Англіи.—21. Просвѣщеніе XVIII в.—22. Французская революція.—23. XIX вѣкъ.—24. Образованность въ XIX в.—25. Польша.—26. Турція.—27—31. Русская исторія (начиная съ XVI в.).—27. Колоніи.

Что касается до наших книжекъ, о которыхъ уже было сказано на стр. IV—V предисловія, то вотъ ихъ общій списокъ съ указаніями на содержаніе каждой изъ нихъ.

1) Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока. Спб 1887 г. (80 стр.).

Оглавленіе: 1. Востокъ и начало всемірной исторіи.—2. Построеніе общей исторіи Востока.—3. Исторія Востока съ точки зрѣнія условій прогресса.—4. Географическія и этнографическія условія исторіи Востока.—5. Доисторическія времена на Востокѣ.—6. Старые источники исторіи восточныхъ народовъ.—7. Новое открытіе древняго Востока въ XIX вѣкѣ.

2) Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра. (Греція и Римъ). Спб. 1895. Изд. 3. (98 стр.).

Оглавленіе: 1. Географическія и этнографическія условія.—2. Сравнительная характеристика грековъ и римлянъ.—3. Античный міръ и цивилизація Востока.—4. Характеръ античнаго міросозерцанія и гуманизмъ.—5. Политическій бытъ классическихъ народовъ.—6. Идея равенства у древнихъ.—7. Международныя отношенія и объединеніе міра.—8. Прогрессъ въ древней исторіи.—9. Паденіе античнаго міра.

3) Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вв.). Спб. 1895 г. Изд. 3. (70 стр.).

Оглавленіе: 1. Что такое средніе вѣка?—2. Основные элементы средневѣковой исторіи.—3. Средневѣковая обособленность Западной Европы.—4. Папство и имперія.—5. Феодализмъ.—6. Католицизмъ.—7. Сложность средневѣковой исторіи.—8. Прогрессъ въ средніе вѣка.

4) Введеніе въ курсъ исторіи новаго времени. Варшава. 1884. (69 стр. текста и 51 стр. дополненій).

5) Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Варшава. 1881. (90 стр.).

Двѣ послѣднія брошюры не переиздавались въ виду замѣны ихъ книжкой:

6) Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Спб. 1902. Изд. 2. (200 стр.).

Эта книжка представляетъ собою «основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.», извлеченные изъ первыхъ трехъ томовъ моей книги «Исторія Западной Европы въ новое время»). Названіе отдѣльныхъ главъ слѣдующее: 1. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени.—2. Политическій строй новыхъ вѣковъ.—3. Средневѣковое міросозерцаніе.—4. Сущность гуманистическаго движенія.—5. Куль-

турное значеніе религіозной реформаціи.—6. Соціальная и политическая сторона реформаціи.—7. Культурная и политическая реакція.—8. Старые государственные и политическіе порядки.—9. Характеристика просвѣщенія XVIII в. —10. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція.

Къ числу пособій при осмысленномъ повтореніи исторіи я отнесъ бы еще популярныя изданія, разъясняющія основныя понятія общественнаго быта и культурнаго развитія. Къ сожалѣнію, и ихъ очень немного, да и тѣ, которыя существуютъ, писались не въ качествѣ школьныхъ руководствъ. Назову нѣкоторыя и изъ такихъ пособій.

Т. Ралей. (Th. Raleigh). Элементарная политика. Спб. 1889. (104 стр.).

Эта небольшая книжка представляетъ собою систематическое изложеніе политической терминологіи въ связи съ элементарными понятіями, заимствованными изъ исторіи, этики, политической экономіи и науки права. Первыя три главы посвящены бѣглому историческому очерку возникновенія и развитія общества и государства, главы IV — IX—современному обществу и государству, главы X—XIII—основнымъ политико-экономическимъ понятіямъ, послѣдняя глава—функціямъ государства. Политико-экономическія понятія гораздо лучше изложены въ книжкѣ:

Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды.

Въ этой книжкѣ авторъ даетъ самый сжатый очеркъ основныхъ понятій и положеній политической экономіи, и она читается весьма легко, благодаря чему въ короткое время выдержала нѣсколько изданій.

Изъ двухъ краткихъ введеній въ философію, существующихъ на русскомъ языкѣ, *Кюльпе* и *Іерузалема* первое гораздо болѣе, нежели второе, обращаетъ вниманіе на историческое развитіе философскихъ понятій и дисциплинъ, причемъ въ немъ постоянно отмѣчается, кто и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сдѣлалъ въ качествѣ создателя того или другого понятія или той или другой дисциплины.

II. ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ТЕКСТѢ ТЕРМИНОВЪ.

Въ статьѣ своей «О преподаваніи исторіи въ средней школѣ» [1]) мнѣ пришлось, между прочимъ, коснуться вопроса о неизбѣжности пользованія при историческомъ преподаваніи разными научными терминами большею частью иностраннаго происхожденія, разъ учащимся сообщаются извѣстныя понятія,

[1]) См. выше, стр. VI предисловія.

обозначаемыя этими терминами. Говоря это, я разумѣлъ, наприм., такія слова, какъ аскетизмъ, бюрократія, іерархія, культъ, оппозиція, протекціонизмъ, секуляризація, тимократія, федерація и т. п., и ссылался на то, что въ такихъ предметахъ преподаванія, какъ математика, физика, космографія, употребляются же, не вызывая протеста ни съ чьей сттроны, разные, иногда очень «мудреные» термины, какъ-то азимутъ, акустика, амплитуда, афелій, гипотенуза, катетъ, коэффиціентъ, параллелопипедъ, сегментъ, синусъ, тангенсъ и т. д. Прибавлю къ этому соображенію, что въ общемъ по выходѣ изъ школы учащимся неизмѣримо чаще придется встрѣчаться съ терминами изъ области исторіи и гуманитарныхъ или общественныхъ наукъ, чѣмъ съ терминами математики, астрономіи, физики, химіи и т. п. Все дѣло въ томъ, чтобы терминъ не былъ для учащихся простымъ словомъ, значеніе котораго нужно запомнить, а былъ обозначеніемъ понятія, съ которымъ учащійся въ извѣстной мѣрѣ освоился путемъ ознакомленія съ соотвѣтственными историческими фактами, явленіями, процессами и путемъ болѣе или менѣе частаго возвращенія къ данному понятію при прохожденіи курса. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны именно общія понятія, съ которыми учащемуся приходится имѣть дѣло постоянно. Такіе термины, какъ азимутъ или афелій, конечно, не столь важны, какъ, положимъ, гипотенуза или коэффиціентъ, и совершенно также въ исторіи названіе какого-либо учрежденія, съ которымъ учащійся встрѣтится разъ или два (напр., герусія, дефенсоръ, витенагемотъ и т. п.), менѣе важно, нежели понятія, которыя могутъ постоянно встрѣчаться, въ родѣ, наприм., интеллигенціи, консерватизма, натуральнаго хозяйства, прозелитизма, публицистики, традиціи, ценза, централизаціи и т. п.

Составляя настоящую книжку, я не избѣгалъ въ ней употребленія научныхъ терминовъ, предполагая, что ею будутъ пользоваться лица, которымъ уже понятно значеніе такихъ словъ, какъ аскетизмъ или раціонализмъ, федерація или централизація, но на всякій случай я рѣшилъ дать и объясненіе большей части такихъ терминовъ. Я думаю даже, что въ числѣ пособій, необходимыхъ при прохожденіи исторіи въ школѣ, кромѣ книгъ для чтенія, хрестоматій, атласовъ, альбомовъ и т. п., долженъ былъ бы имѣться и маленькій историческій словарь справочнаго характера, въ которомъ учащіеся могли бы находить объясненія разнаго рода научныхъ терминовъ и фактическія свѣдѣнія, касающіяся отдѣльныхъ историческихъ лицъ, мѣстностей, учрежденій и т. п.

Абстрактный — отвлеченный; противоположное понятіе—конкретный.

Автокефальный — буквально „самоглавный“, т.-е. самостоятельный; говорится о національныхъ церквахъ, имѣющихъ самостоятельное управленіе.

Аггрессивный — наступательный, нападательный и т. п. въ противоположность всему спокойному, миролюбивому.

Альтруизмъ — дружелюбное чувство, любовь къ ближнему, противоположность эгоизму.

Анализъ—разложеніе, расчлененіе, разборъ; противоположность анализа есть синтезъ.

Аналогія — сходство или подобіе, позволяющее отъ одной вещи заключать къ другой, на нее похожей.

Антагонизмъ—соперничество.

Антропологія — естественно-историческое изученіе человѣка, какъ физическаго организма, и отдѣльныхъ расъ, на которыя распадается человѣчество.

Археологія—наука о разнаго рода „древностяхъ" или остаткахъ стариннаго быта.

Аскетизмъ—слово, произведенное отъ греч. „аскесисъ" (упражненіе); обозначаетъ отреченіе отъ тѣлесныхъ наслажденій и радостей жизни, умерщвленіе плоти, подавленіе страстей, удаленіе отъ міра.

Буферъ — особый снарядъ, уменьшающій силу удара одного вагона о другой при движеніи желѣзно-дорожнаго поѣзда. „Государствомъ — буферомъ" былъ ранѣе всего названъ Афганистанъ, лежащій между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи.

Бюрократія—господство канцелярій (бюро) или чиновничества.

Генезисъ—происхожденіе; генетическимъ называется, напр., объясненіе вещи посредствомъ изображенія того, какъ она произошла.

Гносеологія—ученіе объ источникахъ, границахъ и формахъ человѣческаго знанія, наука о познаваніи.

Дисциплина — слово, имѣющее, кромѣ обычнаго значенія, и другое, именно синонима науки въ смыслѣ опредѣленной отрасли знанія или части какой-либо отдѣльной науки.

Дифференціація — процессъ, посредствомъ котораго совершается или усиливается переходъ однороднаго въ разнородное, напримѣръ, распаденіе первоначально вполнѣ въ составѣ своемъ однороднаго общества на разнородные классы.

Догматизмъ—отношеніе къ какимъ бы то ни было мнѣніямъ, отличающееся полною противоположностью не только сомнѣнію (скептицизму), но и желанію считаться съ какою-либо ихъ критикою, безусловная увѣренность въ ихъ истинности, такъ сказать, не нуждающаяся въ доказательствахъ.

Дуализмъ — всякая система идей или отношеній, основанная на признаніи или существованіи двухъ равносильныхъ началъ. Зороастрова религія была дуалистическая, Австро-Венгрія представляетъ примѣръ политическаго дуализма.

Идеализмъ - слово, имѣющее множество значеній, но всѣ они связаны общимъ понятіемъ идеала или идеи. Это или болѣе высокое, чѣмъ слѣдуетъ, пониманіе дѣйствительности, или преобладаніе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ надъ матеріальными, или вѣра въ могущество и торжество истины и добра, или стремленіе объяснить міръ изъ идейныхъ началъ и т. п.; противоложныя понятія: матеріализмъ и реализмъ.

Индивидуумъ — недѣлимое, отдѣльная человѣческая личность, откуда—индивидуализмъ въ смыслѣ направленія, все выводящаго изъ отдѣльной личности или все къ ней сводящаго; понятія, противоположныя индивидуальному,—коллективный, соціальный.

Индустрія—промышленность.

Интеллигенція — образованный классъ общества вообще, въ частности совокупность людей, живущихъ высшими умственными интересами и стоящихъ впереди культурнаго движенія общества.

Интеграція — процессъ, посредствомъ котораго происходитъ соединеніе въ одно цѣлое чего-либо, первоначально разрозненнаго.

Исторіографія—историческая литература вообще.

Исторіологія — теорія историческаго процесса, отвлеченно взятаго, т.-е. теорія, стремящаяся объяснить, какъ вообще совершается исторія.

Іерархія—буквально священноначаліе, въ болѣе широкомъ смыслѣ подчиненіе однихъ ступеней въ чемъ бы то ни было другимъ ступенямъ: военная или чиновничья іерархія, но и іерархія человѣческихъ знаній.

Каноническій — отъ греч. слова „канонъ", что, между прочимъ, обозначаетъ собраніе церковныхъ постановленій; каноническое право—церковное право.

Капиталъ—научный терминъ, обозначающій всякое имущество, предназначенное для производства новыхъ цѣнностей, точнѣе — совокупность средствъ, орудій и матеріаловъ производства.

Классъ — часть общества, члены которой занимаютъ въ немъ одно и то же положеніе въ зависимости отъ своихъ занятій и въ особенности отъ своего имущественнаго состоянія, тогда какъ понятіе сословія предполагаетъ существованіе у его членовъ и особыхъ правъ, признанныхъ государственнымъ закономъ.

Коллективный — собирательный. См. индивидуумъ.

Компиляція—литературное произведеніе, представляющее собою пересказъ одной или нѣсколькихъ книгъ или статей; отсюда компиляторство въ смыслѣ несамостоятельности литературной работы.

Конкретный — буквально „сросшійся", обозначеніе всего единичнаго и опредѣленнаго со всѣми его признаками въ отличіе отъ абстрактнаго, отвлеченнаго.

Консервативний—охранительный; консерватизмъ — направленіе, ставящее себѣ задачею охрану существующаго противъ всякой новизны; противоположность—прогрессивный.

Концессія—уступка.

Кризисъ —потрясеніе, переходный моментъ, послѣ котораго начинается что-либо новое, переломъ.

Критицизмъ — критическое отношеніе къ чему-либо, противоположное отношенію догматическому.

Культура, см. § 1.

Культъ — почитаніе религіознаго характера, совокупность богослужебныхъ обрядовъ.

Легитимизмъ — политическое направленіе, признающее за главный принципъ государственной жизни историческое право вообще, въ особенности право династій, какъ право наиболѣе „законное".

Лингвистика—наука о языкѣ.

Магистратъ—сановникъ; отъ этого употребленія слова слѣдуетъ отличать другое—въ смыслѣ извѣстнаго городского коллегіальнаго учрежденія.

Матеріализмъ есть или преданность матеріальнымъ благамъ (нравственный матеріализмъ), или признаніе за матеріей значенія всеобщей основы какъ окружающаго насъ міра, такъ и самой человѣческой жизни (философскій матеріализмъ); противоположныя понятія — идеализмъ (въ первомъ случаѣ) и спиритуализмъ (во второмъ).

Мессіанизмъ — вѣра въ имѣющее наступить пришествіе Мессіи, а также ожиданіе спасенія человѣчества какимъ-либо народомъ.

Метафизика—часть философіи, занимающаяся основными вопросами бытія и вмѣстѣ съ тѣмъ противополагающая міру явленій, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, доступный лишь умозрѣнію (умопостигаемый) міръ сущностей (или вещей въ себѣ).

Методологія — ученіе о методахъ, или пріемахъ научнаго изслѣдованія.

Мистицизмъ—стремленіе къ таинственному, сверхчувственному, соединенное съ глубокой вѣрой въ постоянное его присутствіе во всемъ, что насъ окружаетъ или что проявляется въ нашей внутренней жизни.

Монографія—научный трудъ, посвященный изслѣдованію какого-нибудь единичнаго предмета или вопроса.

Монументальный—(отъ слова „монументъ", т.-е. памятникъ) могущій имѣть значеніе памятника (монументальный трудъ) или содержащійся въ памятникахъ (монументальный матеріалъ исторической науки въ родѣ египетскихъ пирамидъ и т. п.).

Мотивъ—побужденіе.

Натуральное хозяйство, см. § 129.

Нумизматика — изученіе монетъ, составляющее часть археологіи.

Норма — образцовая мѣра чего-либо.

Объективный — отъ слова „объектъ", т.-е. предметъ, какъ нѣчто данное внѣ насъ, на что направлено наше позваніе или наша дѣятельность: объективный значитъ или относящійся къ объекту, или имѣющій значеніе, свойства и т. п. объекта, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ объективизмъ — стремленіе къ оцѣнкѣ вещей, лицъ и событій на основаніи ихъ точнаго изученія, независимо отъ своихъ „субъективныхъ" мнѣній и вкусовъ.

Оппозиція — противодѣйствіе, несогласіе съ чѣмъ-либо, влекущее за собою сопротивленіе и борьбу.

Организація — устройство, упорядоченіе, строй.

Органъ — не только часть тѣла, имѣющая спеціальное назначеніе въ его жизни, но и всякое учрежденіе или иное общественное явленіе, существующее для достиженія опредѣленной цѣли: суды суть органы правосудія, литература—органъ общественной мысли.

Палеонтологія — наука о существахъ, населявшихъ землю въ эпохи, предшествовавшія современной, въ переносномъ смыслѣ понятіе, родственное археологіи, когда, напр., по даннымъ языка стремятся возстановить картину человѣческаго быта въ доисторическія времена (лингвистическая палеонтологія).

Политическая экономія — наука изучающая явленія промышленной дѣятельности человѣка или такъ называемаго народнаго хозяйства, процессы производства, распредѣленія, обмѣна матеріальныхъ благъ, необходимыхъ для существованія человѣка.

Политика — искусство управленія государствомъ, дѣятельность, имѣющая то или другое отношеніе къ государственной жизни, а также наука, изучающая эту жизнь или изслѣдующая принципы дѣятельности, которая имѣетъ своимъ объектомъ государство.

Прагматизмъ, см. § 4.

Привилегія—основанное на законѣ или обычаѣ, а иногда и просто лишь фактически существующее преимущество.

Принципіальный (отъ слова „принципъ") — основывающійся на принципѣ, т.-е. на началѣ, признаваемомъ кѣмъ-либо за разумное, на идеѣ, принимаемой кѣмъ бы то ни было за правильную, справедливую; можно называть что-либо принципіальнымъ и въ томъ случаѣ, когда мы сами и не раздѣляемъ даннаго принципа.

Проблема—задача, вопросъ, подлежащій изслѣдованію.

Прогрессъ — движеніе впередъ, сопровождающееся успѣхомъ и совершенствованіемъ, развитіе чего-либо, осуществляющее то, что мы считаемъ вообще хорошимъ.

Прозелитизмъ—стремленіе обращать въ свою вѣру другихъ.

Профессія — родъ занятій или обычной дѣятельности, спеціальное занятіе какимъ-либо ремесломъ, искусствомъ или наукой.

Процессъ—совокупность дѣйствій или явленій, необходимыхъ для достиженія какихъ-либо цѣлей или порождающихъ какіе-либо опредѣленные результаты, взаимодѣйствіе разныхъ силъ и факторовъ, въ своемъ теченіи постепенно порождающее новыя явленія.

Психическій—относящійся къ явленіямъ душевной жизни или въ этой жизни содержащійся, отъ слова „пси-

хика", совокупность душевныхъ явленій, сама душевная жизнь.

Психологія — наука, изучающая явленія душевной жизни.

Публицистъ—писатель, занимающійся обсужденіемъ текущихъ общественныхъ вопросовъ, откуда—публицистика въ смыслѣ особаго вида литературы или литературной дѣятельности.

Раса—порода.

Раціонализмъ—признаніе за человѣческимъ разумомъ высшаго и рѣшающаго значенія въ практической жизни и въ теоретическомъ пониманіи вопросовъ науки, философіи и религіи. Въ научно-философскомъ смыслѣ раціонализму противополагается эмпиризмъ, въ религіозномъ — традиціонализмъ и мистицизмъ.

Реализмъ, слово употребляющееся въ разныхъ смыслахъ, но главное его значеніе, это — соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, интересъ къ дѣйствительности, исканіе въ самой дѣйствительности основаній для ея научнаго объясненія; противоположное понятіе—идеализмъ. (Наоборотъ, реализмъ схоластическій есть какъ разъ идеализмъ, см. И. ср. вв., § 282).

Регрессъ — отступленіе назадъ, понятіе, противоположное понятію прогресса.

Рента, см. § 134.

Салонъ — гостиная, въ которой собираются для бесѣдъ на литературныя или политическія, художественныя или научно-философскія темы.

Санкція—освященіе или утвержденіе чего-либо кѣмъ-либо высшимъ, а кромѣ того, въ каждомъ отдѣльномъ законѣ та его часть, которою ограждается его исполненіе въ видѣ указанія на послѣдствія, сопряженныя съ его нарушеніемъ.

Секта—организованное общество людей, выдѣлившихся изъ того или другого вѣроисповѣданія вслѣдствіе религіознаго разномыслія; близкое къ этому понятіе ереси относится къ самому содержанію религіознаго разномыслія.

Секуляризація — переходъ чего-либо изъ церковной сферы въ свѣтскую, см. Н. И., § 16.

Синкретизмъ — сочетаніе различныхъ началъ въ одну систему, причемъ синкретизмъ можетъ быть, напр., религіознымъ или философскимъ, но послѣдній чаще называется эклектизмомъ.

Синтезъ—соединеніе или установленіе общей связи между различными элементами, противоположность анализа.

Скептицизмъ—такое отношеніе къ чему-либо, въ основѣ котораго лежитъ сомнѣніе въ его истинности или фактической возможности, отношеніе, противоположное догматическому.

Солидарный — чему-либо сочувствующій, съ чѣмъ-либо согласный или неразрывно связанный, чему-либо содѣйствующій,—понятіе, противоположное понятіямъ борьбы, раздора, оппозиціи и т. п.

Соціальный — общественный вообще, въ частности относящійся къ устройству и жизни общества въ его отличіи отъ государства: соціальный строй—раздѣленіе общества на классы, политическій строй — форма правленія; отсюда отличіе соціальной исторіи отъ политической или даже культурной (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ духовной культуры).

Соціологія—общая теоретическая наука о законахъ, управляющихъ явленіями общественной жизни, явленіями строенія и развитія обществъ. Если политика изучаетъ государство, юриспруденція—право, политическая экономія — народное хозяйство, то соціологія имѣетъ своимъ предметомъ и взаимодѣйствіе этихъ сторонъ общественной жизни.

Сравнительный методъ—сравниваніе однородныхъ явленій или предметовъ съ цѣлью лучшаго пониманія каждаго изъ нихъ или нахожденія

общихъ законовъ, которымъ они въ своемъ существованіи подчиняются.

Суверенъ — государь, какъ носитель верховной власти, откуда—суверенный въ смыслѣ обладающаго верховной властью и суверенитетъ въ значеніи самой верховной власти.

Сфера вліянія—область или предѣлы, въ которыхъ кто-либо или фактически оказываетъ свое вліяніе, или имѣетъ признанное другими право на исключительное вліяніе.

Тенденціозность — намѣренное искаженіе истины, напр., преувеличеніе чего-либо или умолчаніе о чемъ-либо и т. п. въ угоду какой-либо предвзятой мысли (тенденціи): противоположность тенденціозности—объективность.

Техника—совокупность пріемовъ, посредствомъ которыхъ достигаются тѣ или другія практическія цѣли; о техникѣ можно говорить и въ промышленности, и въ художественной дѣятельности, даже въ дѣятельности научной и т. п.

Тимократія—форма государственнаго устройства, въ которой право на участіе въ правительственной власти распредѣляется сообразно съ имуществомъ или доходомъ. Ср. цензъ.

Типъ первообразъ, основной образъ цѣлой группы предметовъ, въ которомъ соединяются наиболѣе существенныя, характерныя (=типическія) ихъ черты.

Традиція—преданіе, откуда—традиціонный, сохраняющійся по преданію, передающійся или переданный по преданію, относящійся ко всему, имѣющему происхожденіе въ преданіи; традиціонализмъ—господство преданія.

Трансформація—переходъ одной формы въ другую или измѣненіе формы.

Утилитарный — относящійся къ полезной сторонѣ предмета, эту сторону имѣющій въ виду, на нее обращающій все вниманіе: утилитарное отношеніе, утилитарныя соображенія, утилитарная сторона дѣла и т. п. Утилитаризмъ—система этики, строящаяся на понятіи пользы.

Утопія—несбыточная мечта. См. Н. И., § 29.

Факторъ — одна изъ движущихъ силъ какого-либо процесса или одно изъ общихъ опредѣляющихъ его условій.

Философія исторіи—проникнутое какой-либо общей идеей философскаго характера изображеніе прошлаго; нѣкоторые подъ философіей исторіи разумѣютъ также исторіологію и соціологію.

Федерація — союзное государство или союзъ государствъ; послѣднее понятіе чаще передается терминомъ „конфедерація“.

Форма — внѣшній видъ, образецъ и т. п. Въ исторіи и общественныхъ наукахъ подъ названіемъ формъ разумѣются обычные въ данномъ обществѣ способы передачи мысли (формы языка), техническіе пріемы разнаго рода, постоянныя отношенія между отдѣльными людьми (обычаи) или цѣлыми группами, особенности экономическаго или политическаго быта (формы хозяйства, формы правленія) и т. п.

Формула—краткое выраженіе какого-либо общаго положенія, резюмирующее какое-нибудь общее ученіе или какой-нибудь общій принципъ.

Функція — отправленіе органомъ своего назначенія, обязанность, исполняемая какимъ-либо учрежденіемъ.

Цензъ—основаніе для пользованія какимъ-либо правомъ, чаще всего извѣстное имущество или доходъ, сообщающіе право на занятіе той или иной должности или на подачу голоса на выборахъ; но употребляется и выраженіе: „образовательный цензъ“.

Централизація — сосредоточеніе власти и распорядительныхъ дѣйствій въ одномъ опредѣленномъ лицѣ или пунктѣ, объединеніе около общаго центра съ подчиненіемъ мѣстной жизни органамъ центральной власти.

Цивилизація—терминъ, значеніе котораго мало чѣмъ отличается въ обычномъ словоупотребленіи отъ термина культура, т.-е. гражданственность, образованность и т. п.

Эволюція—постепенное развитіе, откуда — эволюціонный, относящійся къ постепенному развитію, или характеризующій такое развитіе и т. п.

Экономичекій — относящійся къ хозяйственной дѣятельности человѣка. См. политическая экономія.

Эмоція—чувство, движеніе души, душевное возбужденіе или волненіе, откуда — эмоціональный въ смыслѣ всего относящагося къ душевнымъ движеніямъ въ родѣ настроеній, порывовъ, страстей и т. п.

Эмпиризмъ—направленіе, полагающее, что единственный источникъ знанія заключается въ опытѣ.

Эпиграфика — изученіе древнихъ надписей.

Этика—философское ученіе о нравственности.

Этнографія — наука о народахъ, ихъ образѣ жизни, правахъ, обычаяхъ и т. п.

III. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТАМЪ.

Въ статьѣ «О преподаваніи исторіи въ средней школѣ» я уже высказалъ свой взглядъ на значеніе географическаго элемента въ историческомъ преподаваніи, и здѣсь объ этомъ распространяться уже не буду. Я не стану также объяснять, почему считаю необходимыми, кромѣ стѣнныхъ картъ и атласовъ, и особыя упрощенныя историческія карты въ самомъ учебникѣ.—Въ подстрочныхъ ремаркахъ къ тексту этой книжки, гдѣ необходимо, дѣлаются ссылки на отдѣльныя карты, приложенныя къ моимъ «Учебнымъ книгамъ» древней, средневѣковой и новой исторіи, но и для настоящей книжки я нашелъ небезполезнымъ составить нѣсколько небольшихъ картъ для болѣе наглядной [1]) иллюстраціи нѣкоторыхъ §§ очерка исторіи государствъ и народовъ, составляющаго содержаніе первой главы. Ограничиваюсь пока шестью карточками, имѣя въ виду впослѣдствіи при новомъ изданіи книжки,—буде въ такомъ изданіи окажется надобность,—дать еще всемірно-историческія карты общаго распространенія культуры, разселенія расъ и народовъ, раздѣленія человѣчества по религіямъ, расширенія торговыхъ сношеній, развитія географическихъ знаній и т. п.

На первой таблицѣ изображены міровыя державы древности, среднихъ вѣковъ и отчасти новаго времени. Первыя три карты имѣютъ цѣлью показать, какъ однѣ и тѣ же (а отчасти и новыя) земли входили постепенно въ составъ завоевательныхъ царствъ Египта, Ассиріи, Персіи, Александра Великаго, Рима, арабскихъ халифовъ и оттоманскихъ турокъ, и на всѣхъ трехъ этихъ картахъ берется одна и та же территорія—сѣверная Африка, юго-западный уголъ

[1]) На первой таблицѣ я старался достигнуть этой наглядности, такъ сказать, наложеніемъ однѣхъ государственныхъ территорій на другія.

Азіи и южныя части Европы. Четвертая карта включаетъ почти всю Азію, значительныя части которой были въ XIII в. завоеваны монголами, и въ которой въ настоящее время обширныя территоріи находятся подъ властью Россіи и Англіи. При составленіи картъ этой таблицы имѣлись въ виду §§ 14—16, 20, 25, 26, 28 и 31 настоящей книжки.

Карта I. *Великія царства Востока въ періоды наибольшаго могущества.*

Въ «Учебной книгѣ древней исторіи» этой картѣ соотвѣтствуютъ карты V и VII. На ней отмѣчены границы великихъ завоевательныхъ монархій Востока въ періоды наибольшаго ихъ могущества, а именно: Египта за XIV—XV вв. до Р. Х., Ассиріи (границы, довольно проблематичныя) около VIII в. до Р. Х. и Персіи лѣтъ за 500 до нашей эры.

Карта II. *Греко-римскій міръ.*

Ей въ нашемъ учебникѣ древней исторіи соотвѣтствуютъ карты XI и XIX. Сравнивая ее съ предыдущей, мы видимъ, что монархія Александра Македонскаго занимала въ сущности ту же территорію, какую занимало и Персидское царство, и что римское завоеваніе коснулось только западныхъ частей этой территоріи, да и то большею частью земель за Евфратомъ Римъ владѣлъ самое короткое время (115—117 до Р. Х.), именно Арменіей, Ассиріей и Вавилоніей, что особымъ образомъ и отмѣчено на картѣ.

Карта III. *Мусульманскій міръ.*

Соотвѣтственными картами учебника являются карты XV, XVI, XIX, XX и XXI средневѣковой исторіи и карта I—новой. Арабскій халифатъ въ серединѣ VIII в. по Р. Х. охватывалъ бо̀льшую часть земель, входившихъ въ составъ и Персидскаго царства (= монархіи Александра Македонскаго), и Римской имперіи, кромѣ сѣвернаго побережья Средиземнаго моря. Оттоманская имперія никогда не достигала такихъ обширныхъ размѣровъ, но зато она владѣла Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ. На этой картѣ эта монархія взята съ ея вассальными владѣніями въ XVI вѣкѣ. Обѣ великія имперіи мусульманскаго міра распространили свою власть на очень многія земли съ христіанскимъ населеніемъ.

Карта IV. *Монгольскія завоеванія и азіатскія владѣнія Россіи и Англіи.*

Ср. въ учебникѣ средневѣковой исторіи карту XVIII. На настоящей картѣ предѣлы монгольскихъ завоеваній въ XIII в. сопоставлены съ границами Россіи въ XIX в., причемъ обозначена и сѣверная часть англійскихъ владѣній въ Азіи, находящаяся въ сосѣдствѣ съ русскими средне-азіатскими владѣніями.

Слишкомъ мелкія «концессіи», сдѣланныя Китаемъ въ пользу Россіи и Англіи, на картѣ остались неотмѣченными.

На второй таблицѣ даны двѣ карты, приспособленныя къ содержанію §§ 40, 44, 47, 48, 61 и 65 настоящей книжки, гдѣ говорится объ образованіи территорій современныхъ европейскихъ государствъ.

Карта V. *Народы Средней Европы и Австро-Венгрія.*

Для иллюстраціи несовпаденія національныхъ и государственныхъ границъ (см. § 82) мы даемъ здѣсь этнографическую карту Средней Европы, на которой отмѣчены и политическія границы Австро-Венгріи. Въ составъ этой монархіи цѣликомъ входятъ лишь чехи, словаки, мадьяры и словинцы, составляющіе населеніе центральныхъ частей Австро-Венгріи и отмѣченные на картѣ болѣе густыми красками. Окраины Австро-Венгріи заселены народами, входящими въ составъ другихъ государствъ. Со стороны сѣверо-запада это—нѣмцы, на сѣверо-востокѣ—поляки и малороссы («русины»), на юго-востокѣ — румыны, на югѣ—сербы и хорваты, на юго-западѣ — итальянцы. Въ учебникѣ новой исторіи ср. карту VI, на которой представлена исторія австро-венгерской территоріи съ 1740 г. (Небольшая территорія къ югу отъ Берлина оставлена незакрашенною: это—область славянскаго племени лужичанъ; между Днѣстромъ и Прутомъ румынское населеніе перемѣшано съ малорусскимъ).

Карта VI. *Постепенныя измѣненія нѣкоторыхъ государственныхъ границъ въ Европѣ.*

На этой картѣ изображено слѣдующее:

a) Англійскія владѣнія во Франціи въ концѣ XII и въ серединѣ XIV в., о чемъ въ учебникѣ средневѣковой исторіи см. карту VIII.

b) Передвиженіе французской восточной границы къ востоку. Въ 843 г. граница Франціи на востокѣ страны доходила до верховьевъ Сены и Луары, и все теченіе Роны было внѣ Франціи. Къ концу XV в. Франція уже владѣла бассейномъ Роны, но зато ея граница отступила къ западу со стороны Фландріи, и лишь въ XVII в. часть утраченной здѣсь территоріи была возвращена назадъ. Въ XVI — XVIII вв. Франція дошла до самаго Рейна, но часть этого пріобрѣтенія утратила въ 1871 г. (Эльзасъ и часть Лотарингіи). См. въ учебникѣ ср. исторіи карты VII, VIII и IX, а въ учебникѣ новой карты IV и XI.

c) Распространеніе владѣній Германіи къ востоку, главнымъ образомъ сѣвернѣе 50 с. ш., что слѣдуетъ сопоставить съ картой германскаго «напора на Востокъ» въ учебникѣ средневѣковой исторіи (№ XIII). См. также карты VII, XI, XIV средневѣковой и VII, X и XI новой исторіи.

d) Перемѣщеніе границъ Польши съ запада на востокъ. При Болеславѣ Храбромъ Польша намѣтила очень широко свои границы на западѣ, но съ теченіемъ времени она оставила свои западныя позиціи, начавъ (съ XIV в.)

свое движеніе на востокъ, гдѣ временно даже владѣла бассейномъ Днѣпра. Здѣсь, однако, она встрѣтилась съ Россіей, съ которою и начала борьбу за обладаніе землями съ бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ. Ср. карты XI, XII и XXI средневѣковой исторіи.

e) Перемѣщеніе русской западной границы въ три главные момента: пріобрѣтенія 1) по андрусовскому договору 1667 г., 2) по тремъ польскимъ раздѣламъ 1772, 1793 и 1795 гг. и 3) по вѣнскому конгрессу 1815 г. Небольшая территорія между Нѣманомъ и Бугомъ, оставленная на картѣ незакрашенной, есть Бѣлостокская область, пріобрѣтенная Россіей въ 1807 г. по Тильзитскому миру. См. карты V, VIII и X новой исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

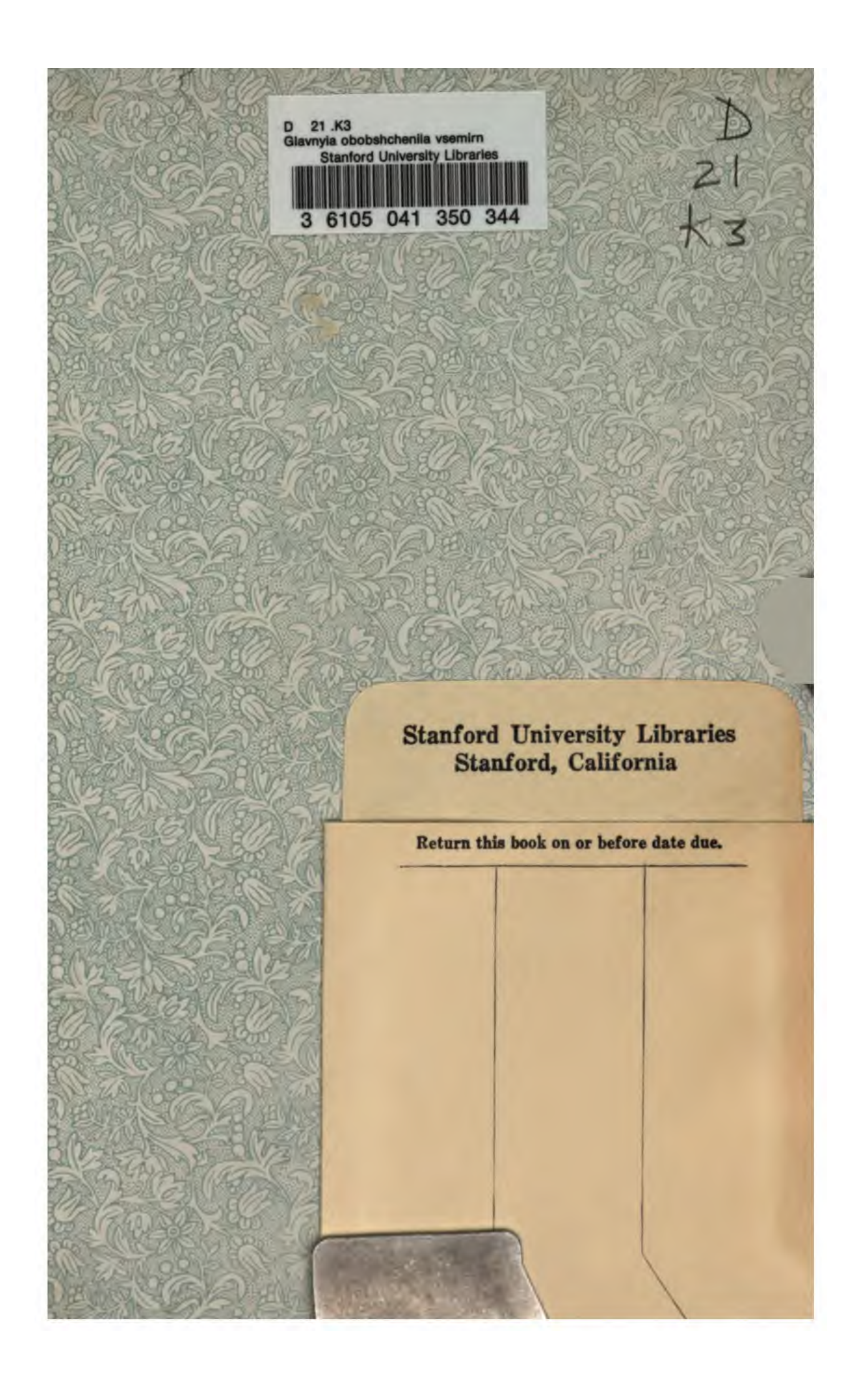

Табл. I.
Границы монгольских завоеваній.
Русскія владѣнія.
Англійскія владѣнія.
Лит. В. Кадушкина С.П.Б.
Славяне.
Романцы.

V. Народы Средней Европы и Австро-Венгрія.
Нѣмцы.
Мадьяры.
Чехи.
Словаки.
Поляки.
Малороссы.
Словинцы.
Сербы и хорваты.
Славяне.
Итальянцы.
Румыны.
Романцы.
Граница Австро-Венгріи.
Вильна
Брестъ Лит.
Кіевъ
Львовъ
Днѣстръ
Прутъ
Копенгагенъ
Кенигсбергъ
Данцигъ
Торнъ
Варшава
Одеръ
Дрезденъ
Краковъ
Прага
Вѣна
Пештъ
Тріестъ
Дунай
Сава
Смоленскъ
Днѣпръ
VI. Постепенныя измѣненія нѣкоторыхъ государственныхъ границъ въ Европѣ.
...сь и Лотарингія.
...очная граница Германіи ...13 г.
...ке граница теперь.
...ицы Польши при ...славѣ Храбромъ.
...дная ея граница въ ... время.
Восточная ея граница въ 1667 г.
Пріобрѣтенія Россіи по 3 польскимъ раздѣламъ.
Царство Польское.
Лит. И. Кадушина, С.П.

1p

D 21 .K3
Glavnyia obobshchenila vsemirn
Stanford University Libraries
3 6105 041 350 344
D
21
K3
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

